

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Познакомьтесь

беседа с А. А. НИКИФОРОВОЙ и СТЕЛЛОЙ КУГЕЛЬМАН,
записал Л. ЭФРОС 2

КОСЯ ТЕРКИН

внеочередное приключение 4

Шутка

рассказ Р. ПОГОДИНА 5

Львы живут на пустыре

повесть И. ДВОРКИНА 10

Пугачев

стихотворение ВОЛОДИ ШАЛЫТА 20

Плакаты коммуны

очерк Е. ТЕПЕРА 21

Конспиративное имя—Фаня Черненькая

очерк Г. УСЫСКИНА 24

Разноцветная бабочка

сказка А. ПЛАТОНОВА 27

Удивительная находка в Старых Петушках

фельетон А. ЛОСЕВА и А. КРЕСТИНСКОГО 30

Встреча в Артеке

фотоочерк Н. Пристаилова и Ю. Юркана 32

Телевизор мозга

статья М. КАНТОРОВИЧА 34

Гулоб Шаншоев—друг пограничников

рассказывает А. ДЕМОЧКИН 35

Повстречались повара

стихотворение С. ПОГОРЕЛОВСКОГО 36

Цена бессмертия

фантастическая повесть А. ШАЛИМОВА 37

Дальний восток

из путевого блокнота В. ГОЛЯВКИНА 47

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, фото, рисунки 51

Когда атомы дружат

очерк Л. ГЛУЗМАНА 53

Петр Павлович Ершов

к 150-летию со дня рождения 57

Уголёк

журнал для малышей 59

Спорт 61

Уголок веселого архивариуса 63

К нам в редакцию стучится
Утром почтальон,
Мы спросили, что за новость
Нам доставил он?

Почтальон усы разгладил
И сказал в ответ:
— «Пионерской правде»

нынче

Ровно сорок лет!

Нашей «Правде» пионерской
Нынче сорок лет,
Но газет ее моложе
Не было и нет!

Друг ребятам и советчик,
С нею — веселей,
Не состарит ее даже
Сотый юбилей!

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ:

**АНТОНИНА
АЛЕКСАНДРОВНА
НИКИФОРОВА,**

**СТЕЛЛА
КУГЕЛЬМАН**

Несколько лет назад появилась небольшая книжка о гитлеровском концлагере Равенсбрюк.

Автор книги — ленинградка Антонина Александровна Никифорова. Рассказывая об узницах Равенсбрюка, она упомянула пятилетнюю испанку Стеллу Кугельман — ее мать сожгли в крематории и весь лагерь прятал девочку от эсэсовцев, подкармливал, переносил из барака в барак.

Стелла выжила, выросла, закончила в Советском Союзе десятилетку.

Недавно в гостях у Антонины Александровны и Стеллы побывал наш корреспондент.

И вот о чем был у них разговор:

— Все читатели журнала «Костер» поздравляют Вас с праздником 8 марта.

— Спасибо.

— Антонина Александровна, Стелла, скажите, пожалуйста, о чем думается вам сегодня?

— Восьмое марта — международный праздник. Мы помним, как помогала нам в трудное время дружба женщин разных стран. Большой привет нашим зарубежным подругам!

— Чего бы вы хотели пожелать девочкам и мальчикам, читателям нашего журнала?

— Прежде всего — крепкой памяти.

Корреспондент попросил объяснить подробнее, в чем смысл такого, на первый взгляд, неожиданного пожелания.

И тогда ему рассказали:

СТЕЛЛА. Это было в кинотеатре. Шел польский фильм, зал напряженно молчал: на экране отправляли заключенных в газовую камеру. И тут сзади раздался шорох и разговор. Компании школьников стало «скучно», и они уходили, хихикая.

АНТОНИНА АЛЕКСАНДРОВНА. У кинобитрин, бывает, слышишь: «Надоело про войну, показали бы что-нибудь смешное».

СТЕЛЛА. А с другой стороны, — идешь по улице, и вдруг где-нибудь на воротах нарисован фашистский знак. Это ребята озорничали, чертили мелом всякую ерунду. И забыли, что, может быть, у эсэсовца, который стрелял в их дедов, была на рукаве такая же свастика, а они ее малюют для смеху.

АНТОНИНА АЛЕКСАНДРОВНА. Когда я была во Франции, в Париже, моя подруга по лагерю Мари-Клод Вайян-Кутюрье с тревогой рассказывала мне: «У Эжени Коттон — вице-председателя Всемирного Совета Мира — есть внуки. Часто к ним приходят товарищи, играют, смотрят телевизор. И вот, оказывается, кое-кому из них нравятся передачи, в которых кого-нибудь — все равно кого — убивают». И Мари-Клод спросила меня: «А у вас в стране как? Все ли у вас делают, чтобы воспитывать в ребятах ненависть к убийству, к фашизму?»

СТЕЛЛА. Война кончилась двадцать лет назад, и это сам по себе не такой уж большой срок, чтобы все забыть.

АНТОНИНА АЛЕКСАНДРОВНА. Но дело даже не в этом. Дело в том, что фашизм не уничтожен окончательно. И угроза новой войны не устранена. Поэтому нужно каждый свой поступок проверять: борешься ты, совершая его, с фашистами или невольно им помогаешь?

Приближается двадцатая годовщина победы. От имени участников войны мы хотим сказать:

— Ребята, будьте памятливы!

Будь памятливы.

Ты можешь организовать в школе фотовыставку «Что такое война».

Можешь разжечь пионерский костер там, где были окопы, и пригласить к костру участника боев в тех местах.

Можешь разучить с отрядом старую партизанскую песню.

Можешь просто вырастить алый цветок и в День победы подарить его родственнику или соседу — ветерану сражений.

Ты многое можешь, —

БУДЬ ПАМЯТЛИВ!

Подлинная история забавных и поучительных приключений КОСТИ ТЕРКИНА, записанная со слов героя его друзьями

2. ЗАБЫЛ

Голубое небо марта
засверкало, как стекло —
взрыв ракетой со старта,
солнце красное взошло...

... Константин идет по скверу,
«Барабанщика» поет
и свою соседку Веру
догоняет у ворот.

А у той глаза погасли:
— Мать работает с шести...
Опоздала нынче в ясли
я братишку отнести.
Час девятый — путь далек —
не успею на урок...
И тогда, прикинув сроки,
молвил Костя: «Не беда!

Начало см. в «Костре» № 2

Отправляйся на уроки,
малыша давай сюда...»
И погнал коляску ловко,
возле тумбы сделал финт...
Вот что значит тренировка
по системе школы «Спринт»!

...Солнце вниз — длиннее

тень.

На исходе школьный день.
Мы в читальне. Знает каждый:
высоки тут стеллажи,
точно дом многоэтажный.
Полки — это этажи.
Блок, Барто и Беранже —
те на первом этаже.
А вот, скажем, Лев Толстой —
все томов пятнадцать —
взгромоздились на шестой —
как туда подняться?!
Марь Иванне, чтоб достать
толстый том Толстого,
на три стула надо встать —
шаткая основа!
Но в столлярной мастерской
стружки — вихрем день-

деньской!

Здесь, орудуя рубанком
на просторе верстака,
Костя делает стремянку —
лезьте аж до потолка!

...Путь из школы — по
Фонтанке.

Костя шел, прогулке рад.
Видит: возле иностранки
собралась толпа ребят.
В разговорник пальцем тыча,
та твердит один вопрос,
повторяя: — I'm a teacher.
I am from Los-Angeles...
Гостье нужно было к банку,
но случилось как-то так,
что ее направил в баньку,
не поняв, один чудак.
Костя Теркин к ней подходит
и свободно переводит.
Говорит спокойно он,
не молчит как рыба.
Произносит:

«Keep straight on!»

А она: «Шпасыбо!»
...Солнце село — час седьмой.
Константин пришел домой.
Он навел порядок всюду,
не садясь передохнуть.

Съел обед, помыл посуду,
почитал «Костер» чуть-чуть.
Все домашние задания
сделал без напоминанья.
Галстук выгладил и брюки,
посмотрел кино «Вратарь»...
И воздел в смущеньи руки,
бросив взгляд на календарь:
«Искупил вину, попробуй,
день какой сегодня был?
День-то был совсем особый —
Женский день! — А я забыл...»

Продолжение в № 5

Рисунки В. Галыба

Шутка

Рассказ

Р. Погодин

Рисунки Н. Харкевича

Родители привезли Доньку на самый край земли, в городок под названием Вольный.

Не было у первоклассника Доньки бабушек, которые пахнут ватрушками, оладьями и клубничным вареньем. Не было у Доньки дедушек, что читают газету по утрам в кухне, когда еще никто не проснулся. Был Донька один у родителей, и родители у Доньки были одни, мать да отец, и других родственников никого. Не с кем было Доньку оставить. А для самостоятельной жизни мал первоклассник Донька.

Взрослое Донькино имя — Богдан. Только он еще не вырос до своего полного имени, все Донька да Донька. Правда, один раз, когда в школу записывали в Вольном, назвали его по имени отчеству Богдан Алексеевич. Сам директор назвал.

В школе Донька остался жить. Школа-интернат, там все ребяташки живут.

Донька парень привычный, когда в ясли ходил — в яслях жил. Когда в детский сад пошел — там проживать стал. Со своими родителями он виделся лишь по субботам да воскресеньям.

Мама печалилась.

— Он наш сын или гость в нашем доме?

Отец возражал ей:

— Жена, несправедливо думаешь. Сына мы не только для себя растим. Сын должен жить для людей и, стало быть, вместе с ними.

В Вольном Доньке предстояло видиться с родителями еще реже. Может быть, три, может быть, четыре раза за всю долгую зиму. Родители его в самом городе не поселились. Они уехали по ночному снегу на дальний берег на зимовку.

О своем сыне они справлялись по радио. На зимовках все узнают по радио: и состояние погоды, и последние новости, и о здоровье своих ребяташек.

Город Вольный Доньке пришелся по душе сразу, с первого дня. Хоть и темно было: они прилетели, когда уже утвердилась на севере круглая ночь. Только горсточку огоньков в темноте увидел Донька с аэродрома.

Вольный городок крохотный. Может быть, меньше одной ленинградской улицы. И все-таки сразу понятно, что Вольный город известный — значительный в Арктике порт.

Даже зимой стоят на рейде заснеженные суда. Ждут лета. Летом все море вокруг кораблями забито. Ледокол «Ленин» начинает из Вольного свой ежегодный ледовый поход. За ним идут два других ледокола, «Ленинград» и «Москва». Партиями уходят суда с всевозможными грузами. Тянутся чередой сквозь пролом во льду. Торопятся на широкую воду.

Вот какой город Вольный.

Самолеты, покрашенные алой блестящей краской, летят из Вольного в океан на бреющем, отчаянно трудном полете. Следят за подвижкой ледовых полей. Чтоб корабли не затерло. Если что с самим самолетом случится, издалека его видно — алое пятнышко на белом снегу.

Плотные тюки с драгоценным песцовым и горностаевым мехом увозят из Вольного в Ленинград на всемирный аукцион пушнины.

Вот какой город Вольный.

В вышине возникают сияния. Будто огонь других жарких планет посылает свое тепло нашим людям. И леденеет это тепло в промороженном воздухе, сверкает во тьме, разноцветное и глухое.

Когда Донька смотрел на сияние, студясь на сквозном ветру, он казался себе меньше самой маленькой неподвижной кочки. И было приятно ощущать, как огромен мир над тобой, и как трудно в нем разобраться, и как все-таки необходимо все видеть своими глазами.

Доньке очень нравился город Вольный.

Разные люди проживают в нем. Почти все друг друга в лицо узнают. И солдаты здесь тоже есть. Несут солдаты свою бессонную службу. Враг, он, пролаза, хитрый. Враг под землей пройдет, подо льдом проплывет. Одно у него дело — вред чинить. Ступит враг на нашу полярную землю, — а тут солдат с красной звездой на ушанке. Солдат службу знает.

жизнь. В пургу ветер воет так сильно, что летчики привязывают самолеты к специальным крепким столбам. Люди выходить из домов опасаются. Свалит человека ветер, ударит о камни, засыплет снегом и вот она — беда. Большим и малым — всем это известно. Только герой-первоклассник Ленька к этому объяснению отнесся довольно странно, легкомысленно, одним словом.

Он присягу давал служить своей родине беззаветно.

Жил Донька с двумя мальчишками в комнате. Одного мальчишку Ленькой звали, был он промыслового охотника сын. Другого мальчишку звали Санькой. Этот был сыном радиста. Оказались они все трое ровесники-первоклассники. Про всех троих шли родителям на зимовки хорошие радиogramмы. Но случился один день, о котором ни Ленькиным, ни Санькиным, ни Донькиным родителям по радио не сообщили.

День этот был воскресенье.

Санька привел в гости своего малого брата из детского сада. Звали этого брата Стасом. И когда Санька его привел, и когда они уже поиграли немного, и уже собрался Санька отводить Стаса обратно в его круглосуточный детский сад, по радио объявили, что идет непогода — пурга. В пургу ветер воет так жутко, словно кончается его лихая поспешная

— Парни, — сказал он. — Побежали быстрее на остров. Там сегодня кино интересное будут показывать.

А до острова три километра через голый пролив по льду.

Донька ему напомнил:

— Как же так? Ведь пурга.

— До пурги успеем. Мы ходко побежим.

Санька сказал:

— Мне нельзя. У меня Стас в гостях. Он толстый, закутанный. Он быстро не может.

— Я побыстрее всех могу, — сказал Стас. — Только я не согласен. Я сейчас спать захотел. Ленька обрадовался.

— Ну и спи. Ну и ложись. Нам без тебя еще лучше. Мы одни побежим.

Донька представил себе пролив, темный и голый. Он представил, как ветер их повалил и разметал в разные стороны. Стало ему жутко. Он еще раз Леньке напомнил:

— Пурга ведь.

— А я не могу Стаса одного оставить, — сказал Санька. — Мне его под честное слово дали. Может быть, я его еще в детский сад проводить успею.

— Трусы, — сказал Ленька. — Вот не ожидал. Стас, а ты первый трус, хоть и родился на Диксоне.

— Я маленький, — сказал Стас.

В этот самый момент радио передало, что пурга подошла совсем близко, жителям нельзя выходить из домов. А тем, кто еще в пути, надо торопиться изо всех сил в укрытые от ветра места.

Санька пригорюнился.

— Опоздали. Придется тебе, Стас, у нас оставаться.

— А мне все равно, — сказал Стас. — Только вы не очень шумите, я спать буду сидя.

И тут Ленька придумал.

— Знаете, — сказал он, — давайте напишем записку, будто мы все вчетвером ушли на остров кино глядеть. А сами оденемся и под кроватями спрячемся. Все напугаются, а мы тут.

— Давайте, — сказали Донька и Санька.

— Не шумите, — сказал Стас. — Я уже засыпаю.

Приятель вырвал лист бумаги в косую линейку, на которой первоклассники пишут в тетрадках. Написали свою записку. А когда написали, оделись во все теплое, в чем гулять ходят. Стаса закутали. Под кровати залезли. И уснули в темноте да в тепле под кроватями.

Воспитательница проходила мимо. Заглянула к ним в комнату. Видит: никого нет в комнате, а на столе записка. Прочитала воспитательница эту записку и быстрее к директору. Прочитал директор эту записку и быстрее к телефону.

За окном темень. Если лицо к стеклу вплотную приблизить, станет заметно, как на улице кипит снег. Как ветер мнет его и швыряет. Это пурга подошла, она уже здесь, возле самых домов.

Позвонил директор по телефону, вызвал секретаря райкома. Говорит в трубку, а сам от волнения на месте стоять не может, ходит вокруг стола.

— Беда, — говорит. — У меня мальчишки из интерната на остров ушли. В проливе, на голом льду их пурга настигла. В проливе пурга с двойной силой дует. Унесет она их в океан.

— Понял вас, — сказал секретарь райкома. — Как мальчишек зовут?

— Ленька, Санька, Донька и с ними один дошкольник Стас.

— Ясно, — сказал секретарь райкома. — Родителям на зимовки не сообщать. Принимаю меры. — И трубку повесил. Но повесил он

ее всего лишь на одну секунду. И опять поднял. Чтобы всем, кому нужно, сказать.

Капитану порта сказал:

— Тревога. Поднимайте моряков, пусть веревки берут, фонари захватывают. Мальчишки-малыши на остров пошли.

Начальнику гидрологов сказал:

— Тревога. Выводите вездеходы в пролив. Идите к океану, куда пурга дует. Трое мальчишек из интерната и один мальчишка дошкольник в проливе в пургу попали.

На остров позвонил, командиру летчиков и начальнику метеорологов сказал:

— Тревога, товарищи. Поднимайте людей. Идите с острова навстречу портовикам. Четверо малышей в проливе, в пурге.

Главному охотнику-зверолову сказал:

— У тебя здесь упряжки собаки имеются?

— Есть. Несколько промышленников по делам прибыли.

— Пусть выводят собачьи упряжки. Пусть идут на них к океану впереди вездеходов. Четверо мальчишек в пургу попали.

И еще позвонил командиру военной части.

Солдаты поднялись по тревоге. Стали цепью. Двинулись в пургу, чтобы искать за каждым ледяным бугром, в каждой каменной щели. Всюду, где глаз в такую темень достанет. Всюду, где руки нашарят. Всюду, куда ноги в такую пургу дойдут. Ребятишки легкие, в толстых шубах неповоротливые, их пурга далеко укатить может.

Потом секретарь райкома собрал остальных городских людей и сам с ними в пургу ушел. А пурга уже вовсю разгулялась. Воеет пурга, бьет в скалы, а как отыщет проход, так ревет, словно бесконечный слитный взрыв. В проливе пурга ровно и сильно гудит. Пурга там идет лавиной, срывает со льда снежную шкуру. С треском рвет, с хохотом.

А мальчишки Ленька, Санька и Донька спят под кроватями. В теплых шубах парятся. Дошкольник Стас тоже спит. Похрюкивает во сне и причмокивает. Снится ему сладкий сон.

Пурга валит людей в проливе. Идут они друг с другом веревками связанные. Свет от фонарей упирается в бешеный снег, не достигает вперед дальше шага. Тревожно у людей на душе. Мнится им, что уже осилил ветер четырех ребятишек. Катит их сейчас где-нибудь далеко, бьет об торосы — ледяные кочки.

Вездеходы грохочут, только не слышно их шума. Пурга всякий шум заглушает. На вездеходах прожекторы. Сильно светят, но все же только на пять шагов вперед. Собачьи упряжки опрокидываются. Собаки ползут чуть-чуть по брюхе. А как ветер чуть-чуть ослабнет — бегом бегут. Ловят собаки каж-

дый маленький запах — вдруг пахнёт ребятами.

Цепью идут солдаты. Молча идут солдаты. В пургу хоть как кричи, крик даже до собственных ушей не долетит. Один солдат, по фамилии Петров, в лунку провалился. Гидрологи во льду лунку пробили, чтобы зимнее море изучать в глубине. Намок солдат Петров, и тут же на ветру его одежда заледенела.

Командир велел солдату в город спешить, в больницу.

— Я же не больной, — сказал солдат. — Я только мокрый.

— Идите быстрее, — приказал ему командир. — Из всех сил торопитесь.

Тревожные радисты шлют в пургу один только вопрос.

— Нашли или нет?

— Нет, — отвечают им из пурги.

В школе-интернате все ребята узнали про беду. Грустно сидят, молча едят ужин. А некоторые не притрагиваются даже ни к компоту, ни к осетрине.

Директор школы устал по коридору ходить. Старый уже. Будь помоложе, он бы тоже пошел в пургу. Зашел директор в комнату к пропавшим мальчишкам. Глядит, из-под кровати торчит валенец. Директор этот валенец ногой пнул. Не пустой, есть в нем что-то! Директор нагнулся — вытащил из-под кровати Стаса. А Стас обратно под кровать лезет своей сон досматривать. Директор под одну кровать заглянул, под другую. И из-под каждой вытащил по мальчишке.

— Так, — говорит. — Хорошо. Объясните мне ваш поступок.

Мальчишки еще не поняли со сна, в чем дело, почему у директора такое усталое, такое белое лицо. Ленка и говорит:

— Мы пошутили.

— Хорошо пошутили. — Директор сел на кровать и весь сгорбил. — Лучше и не придумаешь. Не раздевайтесь. Сейчас мы в одно место пойдем. Вы там кому нужно все объясните про вашу шутку.

По дороге директор завернул к себе в кабинет, позвонил по телефону на радиостанцию. Сказал радисту.

— Нашлись мальчишки. Они под кроватями спали. Это была шутка с их стороны.

Радист тут же послал сигналы в пургу.

— Нашлись ребяташки... Нашлись ребяташки... Они под кроватями спали. Это была шутка.

Приняли такой сигнал на вездеходах. Водители вылезли из машин, передали известие охотникам-звероловам на собачьих упряжках.

Приняли сообщение радиста солдаты. У солдат с собой радиостанция. Один из них ее за спиной носит.

Приняли сообщение радиста и другие спасательные отряды. Повернули они домой возвращаться. Горько им стало и тяжело. Горько потому, что почувствовали они себя обманутыми. Тяжело потому, что когда они ребяташек искали, была у них тревога за ребятачью судьбу, была надежда, что не дадут они ребяташкам пропасть. Эта тревога и надежда силы людям удваивала. Сейчас от обмана та сила в людях поубавилась. А пурга в самую свою лютую ярость вошла. Прямо в лицо, прямо в грудь, и снизу, и сверху, и со всех сторон бьет людей ледяными когтями. Старается их оторвать друг от друга, с ног свалить и следы замести.

Директор вывел первоклассников Ленку, Саньку, Доньку и дошкольника Стаса из своего кабинета. Велел за собой следовать.

Все остальные ребята высыпали в коридор, стоял молча. Смотрят.

Выбрал директор троих старшеклассников посильнее. Велел им взять по одному шутнику. Чтобы надежнее было, велел за воротники их взять. Таким образом вышли они на улицу.

Пурга в городе не такая свирепая. Слабнет она в людском поселении. Разбивается об углы да об крыши. К тому же недалеко идти оказалось. Улицу преодолели и очутились, где нужно.

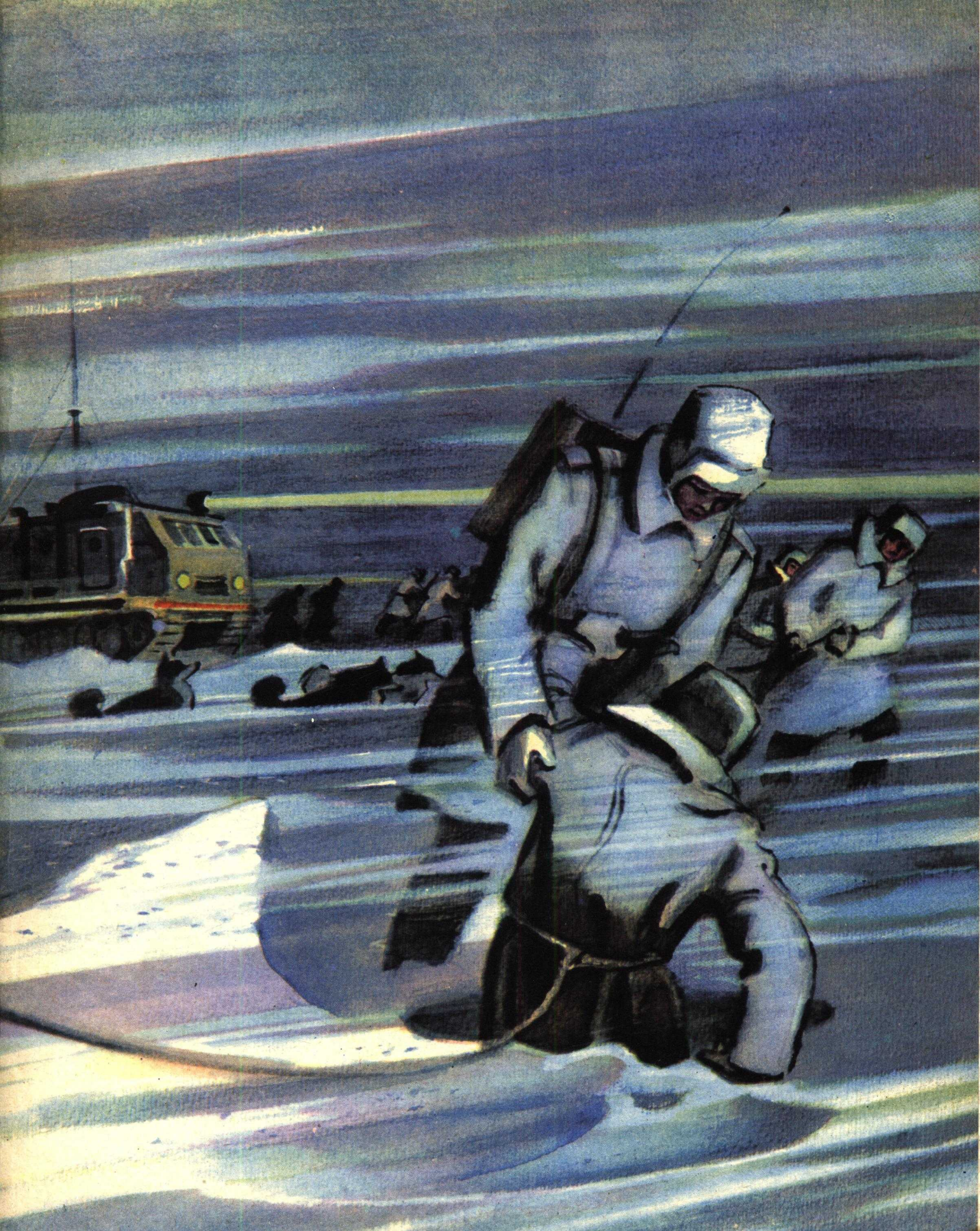
В больнице.

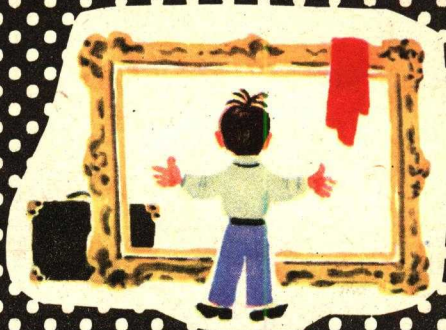
Доктора лечат солдата Петрова. Он весь поморозился в мокрой одежде. Едва до больницы добрался. Кроме солдата Петрова, в больнице еще много людей. У кого лицо поморожено, у кого руки. И люди все приходят. С ног валяются от усталости. И у всех, кто приходит, что-нибудь поморожено.

— Вот, товарищи, это и есть те самые ребяташки, — сказал директор. — Посмотрите на них. Пусть они вам ответят.

— Мы пошутили, — прошептал Ленка и заревел.

Санька и Донька стали в угол лицом. Спят, реветь не могут. Обмороженные люди молчат. Только доктора разговаривают с медицинскими сестрами тихо, по делу.

ТЕРКИН ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ

По поводу замечательного праздника — Недели детской книги — КОСтя ТЕРкин устроил на страницах «Костра» большой прием.

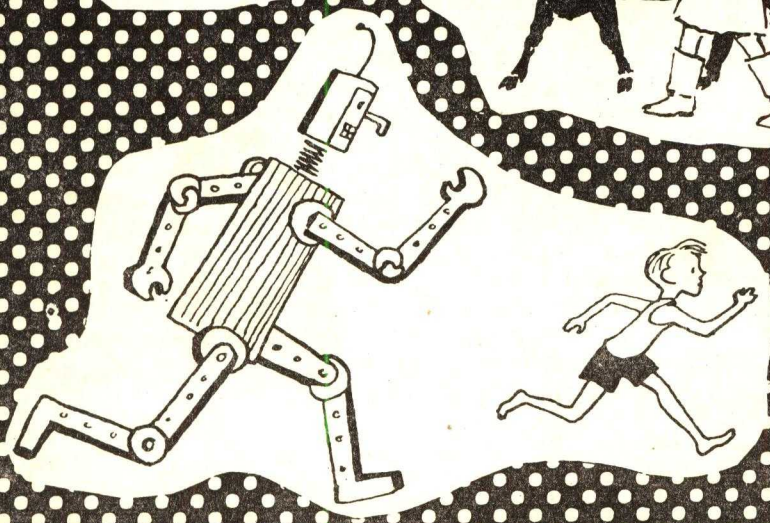
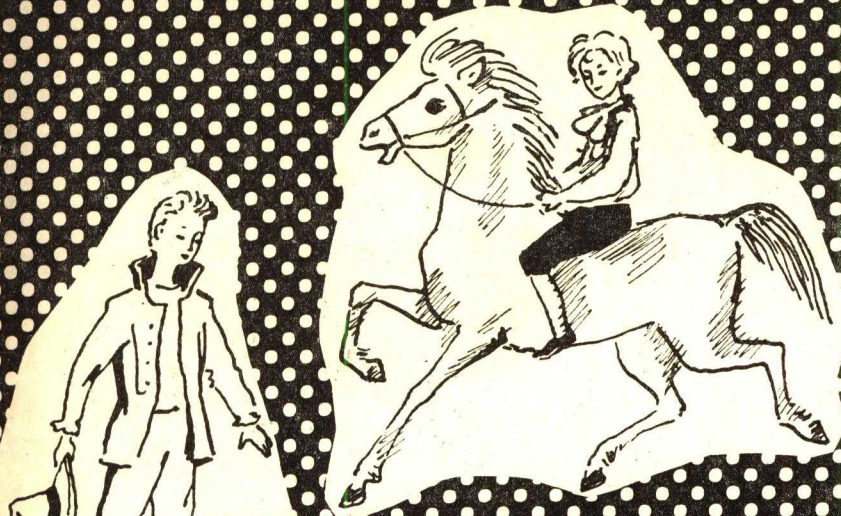
В первый день Недели, ровно в 12 часов дня, страницы распахнулись и КОСтя торжественно провозгласил. «Друзья! Прошу. Вас ждут читатели!»

Первыми к назначенному сроку, секунда в секунду, пришли три капитана. Два капитана — это всем известные «Два капитана», а третий капитан — это всем известный «Капитан Лаце». Капитаны разговаривали о своих морских делах, но их беседу прервал дробный перестук копыт. На Костины страницы влетела целая кавалькада всадников. Лихо спешил с вороного жеребца Давид Сасунский. Рядом осаждали коней кавалерист-девица Надежда Дурова и Мальчик на лошади (из повести американского писателя Линкольна Стеффенса). Громко замычала Ночка из рассказа Л. Пантелеева. На страницах стало шумно и весело. Дочь панди закружилась в танце с горьковским Евсейкой, а над ними, в своем птичьем танце закружился Белый турман. Железный Человек из повести Юрия Топина, скрипя несмазанными суставами, отплясывал с Джельсомино отчаянную итальянскую джигу. Мальчики, сочиненные писателем Голявкиным, за неимением асфальта, рисовали прямо на полях «Костра». Хитрый пастух, выручивший из беды аббата, испуганно обернулся, было, на чей-то крик «Здравствуйте, ваше Высочество», но, когда увидел, что приветствие относится к маленькому принцу Дэлхьяру из повести Кассиля, облегченно вздохнул. «А почему я не вижу Карика и Вали?» — спросил Тиль Уленшпигель. «Потому что они крошечного размера», — объяснил КОСтя. «А-а» — сказал остроумный Тиль.

А почему КОСтя пригласил к себе на праздник именно этих, а не каких-нибудь других литературных героев?

Потому что все они — из произведений, впервые напечатанных в «Костре».

А КОГО ИЗ ПОЛЮБИВШИХСЯ ТЕБЕ ГЕРОЕВ «КОСТРА» НЕ ХВАТАЕТ НА ПРАЗДНИКЕ?

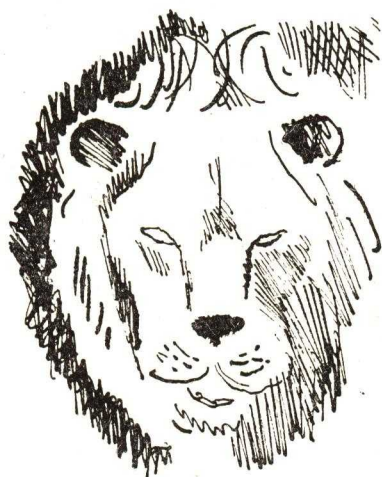

ИЛЬЯ
ДВОРКИН

ЛЮЮЮЮ

ЖИВУТ

НА ПУ-
СТЫ-
РЕ

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. Спицына

ПЯТЕРКА

Уроки кончились. Сегодня был удачный день. Витька размахивал портфелем и улыбался. Ох, он сегодня и дал! Все рты пораскрыли.

На уроке зоологии Витьку вызвали к доске. И он им всем показал. Он рассказывал о львах.

А спросили его совсем о другом, спросили об амебах, о разных там «туфельках», но он рассказывал о львах.

Запросто можно было «пару» получить, потому что об амебах Витька не читал, но он вовремя ввернул новое словечко, которое вычитал вчера в словаре. Ми-ми-крива!

Людмила Антоновна так удивилась, что разрешила Витьке рассказывать о чем хочет. А он захотел о львах. О тиграх он тоже немножко рассказал.

Львы живут в пустынях и степях, потому они и желтые, как песок. А тигры в зарослях—вот у них и получилась полосатая шкура: черная полоса—будто бы тень, желтая—будто солнце. Приспособились. Чтоб их незаметно было. Это и есть мимикрия.

А раз позволили говорить о львах и тиграх, то Витька уж постарался. Он вспомнил книжки про Африку, и фильм «Барабаны судьбы», и книгу Брема, которую может рассматривать часами. Но, конечно, больше всего он присочинил от себя. Он врал вдохновенно и цветисто.

Все слушали и крутили головами от изумления.

Даже Людмиле Антоновне было интересно. А в результате—в дневнике пятерка.

— Я и не знала, что ты такой любознательный, Пузырев,—сказала Людмила Антоновна,—приходи ко мне в выходной день, я тебе дам интересные книги о животных.

— Научные?—спросил Витька.

— Можно и научные.

— Лучше научные. Я не то что некоторые, только про шпионов и читают,—сказал Витька и гордо посмотрел на Семку Лившица.

У Семки он вчера выпрашивал замусоленную трепаную книжку под названием «Кровавая рука», но Семка не дал. Жадина.

— Правильно, Пузырев! Ох, как правильно! — сказала Людмила Антоновна. — Ребята, вы даже представить не можете, какие чудеса творит наука!

Людмила Антоновна раскраснелась, глаза у нее засияли. Она ходила по классу, коротко взмахивала рукой и рассказывала о собаках, которым пересаживали сердце. И о других собаках, которым обменивали головы — будто это были не головы, а кепки. И собаки после этого не сразу дохли.

— Ой, девочки, — сказала Танька Орешкина, — вот бы мне поменяться головой с Варюшей Сперанской! И отличница она, и красивая, и косы у нее толстые!

— Очень ей нужна твоя глупая башка, — сказал Витька.

— Грубиян! — фыркнула Танька и отвернулась.

А Людмила Антоновна рассказывала до самого звонка и никого больше не спросила.

— Вот молодец, Витька, спас нас. А то мы ни шиша не выучили. Как на иголках сиде-

ли, — сказали басом два друга-второгодника, два Мишки.

— Уметь надо, — важно ответил Витька.

Он шел по самой середине улицы, круто сбегающей к реке, и думал:

«Буду заниматься наукой. Решено. Возьму вот у Людмилы Антоновны разные книжки и все узнаю. Можно ведь узнать о львах больше всех на свете?! Потом в Африку поеду. В командировку. А что? Ведь есть, наверное, ученые по львам. Львиные ученые. Профессор Пузырев. Звучит!»

Портфель мотался в руке непривычно тяжелый.

«Чувствуется, что в дневнике пятерка, портфель и тот тяжелее стал», — сам с собой пошутил Витька и остановился. Ему захотелось еще раз полюбоваться так необычно заработанной пятеркой.

Он открыл портфель и увидел две половины кирпича.

— Что такое? — пробормотал Витька и тут же догадался: — Семка! Это Семка подложил! Ну, я ему покажу!

ЦИРК ПРИЕХАЛ!

Если пройти через парк имени Воейкова, срезаешь большущий угол.

Витька пробежал по хрустким дорожкам, у бассейна с золотыми рыбками не удержался и, воровато оглянувшись, запустил в него камнем. Сторож за это надрал ему однажды уши, но, видно, слабо надрал — не помогло.

Витька перелезал через забор, когда совсем недалеко раздался протяжный жуткий рык.

Витька застыл на заборе. Потом закрутил головой, как перепуганный воробей. Ничего подобного он никогда не слышал.

Вот! Вот еще!

Низкий, глухой рев переходил в утробный вой: а-а-у!

«Леденящее душу рычание», — подумал Витька фразой из какой-то книжки, — это, наверное, и есть «леденящее душу».

— Босяк ты, босяк, — раздался снизу скрипучий старческий голос, — ворота ведь — вот они, рядом. Нет, ему через забор, паршивцу, надо, штаны рвать.

Витька нетерпеливо отмахнулся рукой и шмякнулся на тротуар.

«Что это? Неужели лев? Откуда у нас в Запеченске львы? — думал он, — а может, мне кажется? Сторож-то ни капли не боится. Может, я с ума схожу? На львиной почве?»

Витька осторожно потрогал голову. Теплая...

Но тут звук повторился, и он, как подстегнутый, понесся вперед.

То, что он увидел на пустыре, рядом со своим домом, было так поразительно, что Витька невольно протер глаза.

Там, где еще сегодня утром рос бурьян и мирно копошились куры, раскинулся пестрый шумный табор.

Разноцветные вагончики-фургоны стояли вплотную друг к другу, образуя большую букву П, веселые люди в синих комбинезонах сбрасывали с грузовиков доски, веревки, стальные тросы. Сгружали длинные скамейки, раскрашенные фанерные щиты.

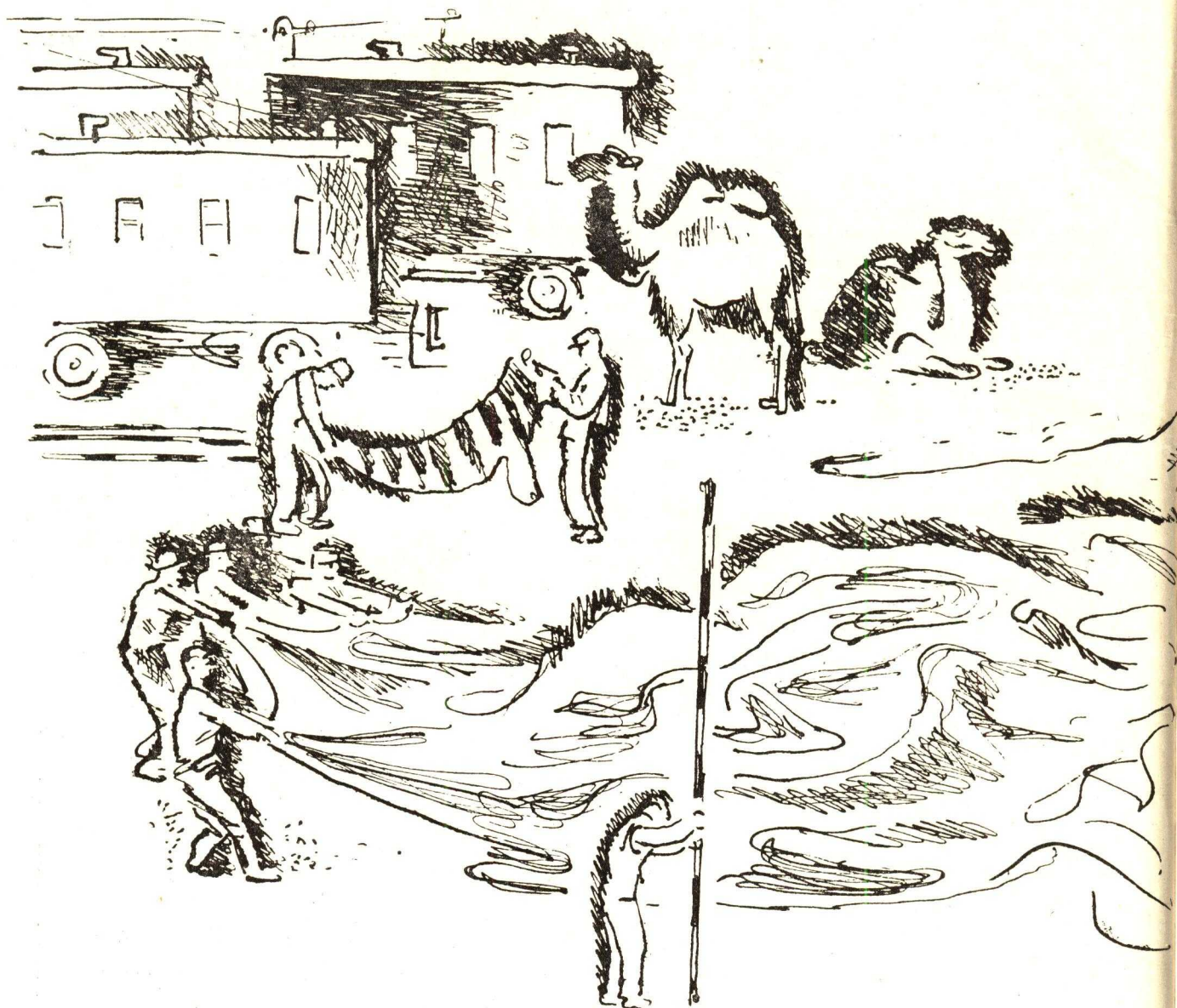
К одному фургону были привязаны два унылых верблюда с вялыми, покосившимися горбами.

В стороне стояли три промадных клетки — две сдвинуты рядом, одна наверху. В клетках металась какие-то желтые стремительные звери.

— Львы, — выдохнул Витька. — Это же львы!

Посреди всей этой суматохи лежала гора брезента — серая морщинистая куча, будто на пустыре прилегло отдохнуть стадо слонов.

— Цирк приехал! — заорал Витька и бросился туда, в гущу веселой и праздничной суеты.

Ян

...Жизнь чудесно изменилась. Жизнь стала веселой и интересной.

Чуть свет, еще до школы, Витька прибегал глядеть, как кормят львов.

Присматривал за львами высокий сутуловатый латыш Ян. Лицо у него было длинное, грубое, глаза светлые-светлые, будто выцветшие на солнце.

Впервые Витька встретил взрослого человека, который так серьезно и внимательно слушал его.

Обо всех своих мальчишечьих делах Витька мог говорить сколько угодно, не опасаясь насмешки.

Изредка Ян говорил:

— Это ты правильно делал, Витка.

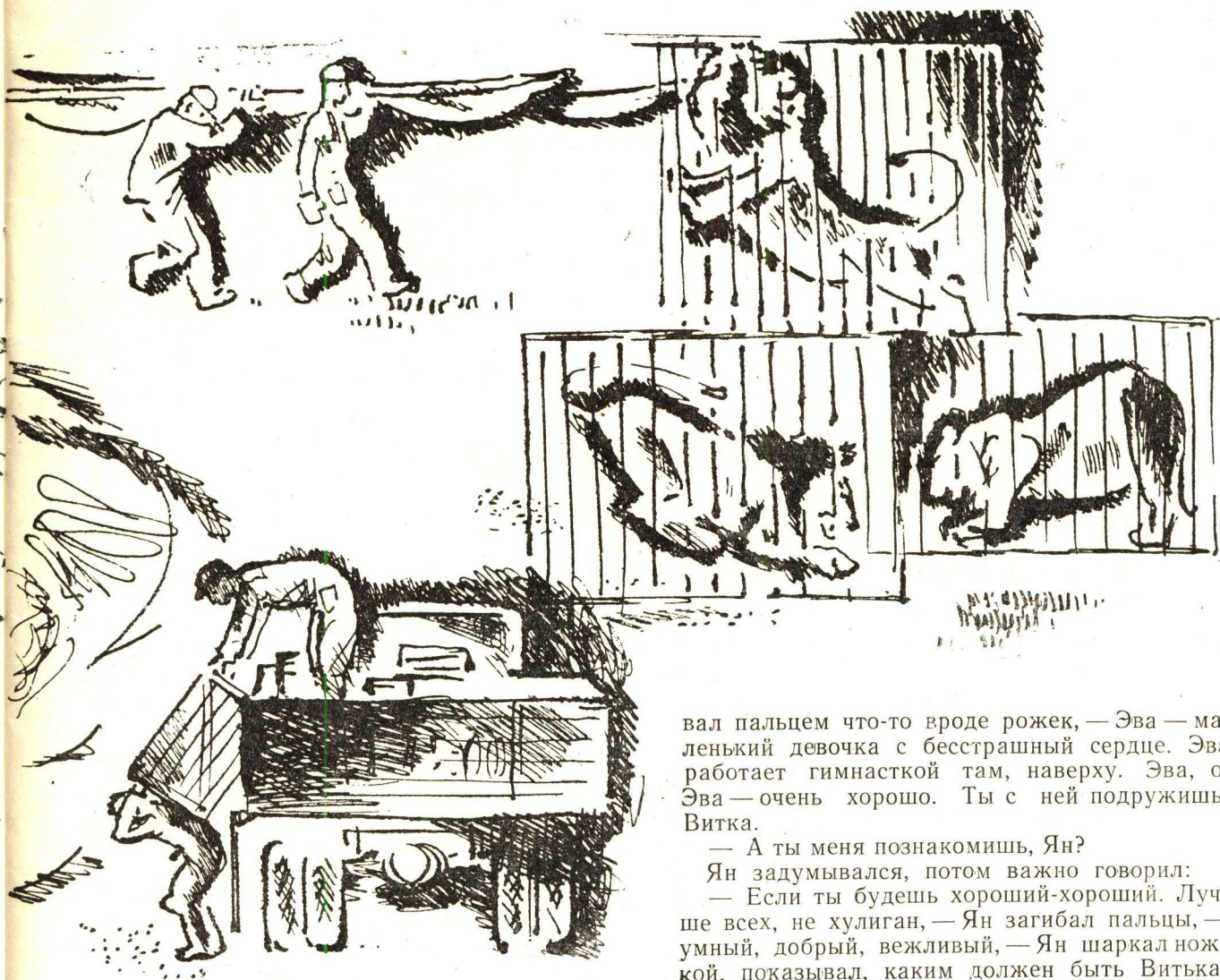
Или:

— Плохо это, Витка, нехорошо.

Если Яну что-нибудь не нравилось, он хмурился и медленно качал головой с глубокими залысинами.

Еще не все артисты приехали. Ян говорил:

— Вот сделаем шапито, тырсу насыпем — манеж будет. Кругом огни, огни. Первое представление! Все, все! Торопитесь! Мы начинаем. Все блесит. Униформа смирно. Играет музыка. Такой красота!

Глаза у Яна сияли, он широко разводил руки и кланялся.

— Дорогой зритель! Вы сейчас будете видеть великий укрощение страшный хищник львы и добрый медведь Тим. На манеже маэстро Кличис!

Ян подхватывал Витьку под мышки, поднимал над головой и смеялся.

— Скоро, скоро Витка, приедет Карл Хансович, а с ним Эва и Тим. А может быть, Эва еще раньше будет.

— А кто это Эва, Ян? — спрашивал Витька.

— О! Эва — это такой маленький-маленький девочка. Косички вот так, — Ян показы-

вал пальцем что-то вроде рожек, — Эва — маленький девочка с бесстрашным сердце. Эва работает гимнасткой там, наверху. Эва, о! Эва — очень хорошо. Ты с ней подружишься, Витка.

— А ты меня познакомишь, Ян?

Ян задумывался, потом важно говорил:

— Если ты будешь хороший-хороший. Лучше всех, не хулиган, — Ян загибал пальцы, — умный, добрый, вежливый, — Ян шаркал ножкой, показывал, каким должен быть Витька. Потом смотрел на грустную Витькину физиономию и смеялся:

— Познакомишь, познакомишь, Витка. Пошли кошек кормить.

Они шли к клеткам.

Львов было три. Старая-престарая львица Ада и ее дети, Цезарь и Веста.

— Ничего себе детишки! — удивился в первый раз Витька.

Цезарь был раза в два больше мамы и самый свирепый на вид.

— Он не злой, Витка, нет. Ян его из бутылочки кормил. Вот такой котенок. И Весту тоже. Толко Веста — плохо. С Вестой опасно. Дурной характер. Может напасть. У-у, хитрая кошка, — грозил ей Ян.

Веста терлась шелковистой короткой шерстью о прутья и казалась совсем домашней. Вот-вот замурлычет.

Кормили их мясом. Вместе с мясом с бойни привозили громадные бычьи шкуры, мороженные, слипшиеся в комок.

Ян и Витька пилили их, как дрова, двуручной пилой на три неравных части, потом оттаивали в воде.

— Чтоб ангина не хворала, — говорил Ян.

Цезарю давали больше всех. Ада ела совсем мало.

И ели они очень по-разному: Цезарь хватал прямо с вил, рвал, грыз и ревел так грозно и

яростно, что Витька каждый раз пугался. Ада завтракала неторопливо и деликатно. Веста вообще не ела при людях. Она прятала свою долю в угол, ждала, когда Ян и Витька уйдут. И глаза ее горели желтым огнем.

Ян рассказывал Витьке, что Кличис выступает со смешанной группой. Вместе со львами работает гималайский медведь, по имени Тим.

Он появился у Кличиса два года назад совсем маленький, у него еще и шерсти-то не было, один мягкий, как пух, подшерсток.

— Тоже молочко сосал из соски. Как дите, — говорил Ян, — а теперь такой большой. У-у! Гора! И сильный. Сильнее Цезаря.

— Ну да, сильнее! Лев — царь зверей. Он самый сильный, — протестовал Витька.

— Ха, царь! Тим этого царя всегда лупил. Цезарь драчун, одного Тима боится.

ДАВНИШНЯЯ ИСТОРИЯ

Все-таки Ян был удивительный человек. Большущий, с медленными неторопливыми движениями, он был, по Витькиным понятиям, уже довольно старый. Но вот что удивительно: каким-то непонятным образом сумел он поставить дело так, что Витька чувствовал себя с ним на равных.

Ян умел слушать.

Витька не знал еще, что это талант — уметь слушать. Не себя слушать, а других. Не так-то это просто, как кажется.

Витька слышал, как он разговаривает со своими зверями. Будто они все понимают. Будто они его друзья. Как люди.

И югда Ян рассказывал однажды давнишнюю историю о морских львах, Витька во многом разобрался.

Он узнал, что Яна и еще многих хороших людей, может быть, и в живых-то сейчас бы не было, если бы не один очень смысленый и славный зверь.

И еще Витька понял, какой человек Ян — очень хороший, смелый и добрый человек, дружбой с которым любой может гордиться.

Очень давно, целых двадцать три года назад, когда Витьки еще и на свете-то не было, перед самой войной Ян работал в минском цирке.

Был там в то время знаменитый на всю страну аттракцион «Морские львы и купальщицы». Очень праздничный, красивый и сложный номер.

Манеж превращался в бассейн, и в нем в разноцветных лучах прожекторов плавали угольно-черные глянцевиые морские львы и девушки в светлых купальниках.

Они не просто так плавали, лишь бы поплавать — львы были дрессированные, а девушки — отличные спортсменки.

Львы и девушки под музыку кружились в воде, ныряли, играли в мяч, и это было очень здорово. Ян говорил, что это было похоже на балет. Ничего подобного во всем мире еще не видывали. Зрители кричали от восторга. Каждый день в цирке был аншлаг.

Ян помогал дрессировать морских львов. Он сказал Витьке, что до сих пор считает их самыми ласковыми и умными животными на свете.

— Я был чуть-чуть старше тебя, Витка, такой молодой! И эта — ни-ни, совсем не был, — добавил Ян и пощелкал пальцем по лысине.

А потом началась война. 23 июня 1941 года цирк разбомбили фашисты. Чтобы спасти зверей, Ян выпустил их из аквариума, вывел че-

рез парк к реке Свислочь, и морские львы поплыли, ныряя и фырча, по течению. Они не сразу поплыли. Они не хотели уплывать, и Ян, чуть не плача, уговаривал их, а они тыкались ему в ладони усатыми мордами и жалобно мычали. Город горел. Совсем рядом, в парке, стали рваться бомбы, и только тогда испуганные звери пустились в путь.

Потом немцы заняли Минск. Ян не успел эвакуироваться и ушел в партизаны.

Ян не очень-то охотно рассказывал об этом времени, но и из тех немногих скупых фраз, которые Витька вытянул из него, он понял, что было тогда людям так тяжело, что и сказать нельзя.

Он десятки раз читал о партизанах, о разных диверсиях, взрывах, боях. Но одно дело, когда читаешь об этом, а совсем другое, когда рядом с тобой сидит живой, знакомый тебе человек, который видел все это своими глазами. Сам пускал под откос фашистские поезда, сутками пробирался через болота, бурелом — уходил от карателей и овчарок-людоедов.

Сидит, хмурится, улыбается, трет широкой ладонью щетинистый подбородок, и ты будто сам видишь дремучие белорусские леса и радуешься удачам, и печалишься о погибших товарищах.

И вот в это тревожное время, уже под осень, когда по утрам стеклянно похрустывал ледок в лужах, Ян встретил одного из своих питомцев — морского льва по кличке «Черныш».

Конечно, это было невероятной случайностью, но чего только не бывает в жизни! Наверное, еще и не такое.

Произошло это довольно далеко от Минска в тяжкие для партизан времена.

Отряд, в котором сражался Ян, получил задание: любой ценой взорвать мост через реку Птичь.

Это был проклятый мост. Казалось, выполнить задание невозможно. Слишком хорошо понимали немцы, что случится, если мост взлетит на воздух — все воинские эшелоны, питающие фронт, шли по этой железнодорожной линии. Не будет моста — замрет движение, на узловых станциях застрянут боеприпасы, оружие, солдаты. Тут-то им и дадут жару советские бомбардировщики.

Поэтому берегли немцы мост как зеницу ока. Лес вокруг вырубил подчистую. Все пространство заминировали, опутали колючей проволокой. Круглые сутки усиленные патрули с собаками и прожекторами ходили в дозоре.

Несколько самых лучших подрывников-партизан уже погибли, пытаясь выполнить задание. Наши самолеты несколько раз бомбили

его, а этот чертов мост все стоял, как заколдованный.

Оставался один выход: открытый бой, атака напролом. А это означало верную гибель большей части отряда.

Но задание надо выполнять. «Любой ценой», — так было сказано в приказе. И партизаны разбили у реки лагерь. Может быть, последний свой лагерь. Стали готовиться.

И тут Ян повстречал Черныша. Это было так неожиданно, что Ян на радостях чуть не утопил ведро, которым зачерпнул воду.

Он распрямился с полным ведром в руках, когда услышал знакомое фырканье и увидел в камышах усатую морду морского льва. Ведро тут же брякнулось оземь, и голова мгновенно спряталась.

Еще не веря себе, Ян тихонько свистнул, и Черныш тут же, торопясь, громко шлепая лапами, рванулся к нему. Он обрадовался, как человек. Ян говорил, что лев ни минутки не колебался, он сразу узнал его. Он обхватил лапами ногу Яна и терся мордой о колени, и урчал, и тряс головой.

Выглядел Черныш ужасно — шкура поблекла и покрылась лишаями, на лапах были кровотокающие трещины, на боку глубокая рана.

Видно, не очень-то сладко жилось ему в пресной илистой воде, под бомбами и снарядами. Совсем он был плох.

Ян до отвала накормил его рыбой. Они долго сидели на берегу. Ян разговаривал с ним, гладил его, вспоминал неправдоподобно прекрасную довоенную жизнь и чуть не плакал. Да, да! Ян сам сказал это Витьке.

— Понимаешь, Витка, он ведь ничего не понимал. Он радовался, Черныш. Шишка бросал, ловил на нос. И все пофыркивал. Обед отрабатывал. Он работяга был. А я уже все знал, я уже придумал. Так надо было, Витка. Тогда была война.

Потом Ян пошел к командиру. Черныш неотступно ковылял за ним. Он не желал больше расставаться с хозяином.

Командир понял Яна с полуслова. Это была неслыханная, изумительная удача. Это был единственный шанс выполнить задание без потерь. Если не считать потерей гибель одного смешного морского льва.

Через три дня железнодорожного моста через реку Птичь не стало. Не стало и Черныша. Он с точностью до нескольких секунд доставил взрывчатку к центральной опоре моста.

Точность — вот что было самое главное. Часовой механизм не стал бы ждать.

Но Ян не зря три дня репетировал с Чернышом этот номер. Последний номер. Самый талантливый. Самый красивый.

НОВЕНЬКАЯ

Витька помогал строить цирк.

Самое главное было — натянуть громадный брезентовый шатер — шапито. Для этого установили две высоченные металлические мачты, укрепленные растяжками, и лебедками стали подтягивать на стальных тросах брезент.

Это была очень тяжелая и тонкая работа. Подтягивать надо было осторожно и равномерно, чтобы шатер не перекосился, а то ничего не выйдет.

Посреди брезента было вшито толстое стальное кольцо с ушками. За ушки и подтягивали.

Полгорода сбежалось глазеть на это.

Витька носился между рабочими, помогал кричать «эй, ухнем!» и вообще всем своим видом показывал, что он здесь свой человек. И не последний.

Изредка он искоса поглядывал на своих одноклассников и видел в их глазах тихую зависть.

Семка Лившиц как-то попытался проникнуть на подвластную Витьке территорию, взялся тащить доску. Помочь хотел. Но Витька его прогнал.

— Иди, иди отсюда, — сказал он, — нам таких не надо. Тут серьезное дело. Это тебе не кирпичи подкладывать.

— Ну, хочешь я тебе «Кровавую руку» дам? — жалобно сказал Семка.

— Некогда мне глупостями заниматься, — отрезал Витька, — мне со львами работать надо.

Семка тихо охнул и подчинился, ушел, пробормотав напоследок:

— Задавала ты, Витька.

Трибуны были уже готовы. Землю внутри круга, очерченного деревянным, покрытым красным бархатом бортиком, засыпали тырсой — смесью опилок и песка — это чтобы падать было не больно. Получился манеж.

В школе только и было разговоров, что о цирке.

И главным специалистом, непререкаемым судьей во всех спорах был Витька.

Никогда еще его авторитет не поднимался так высоко.

И никогда еще Витька так не задавался.

Гордый стал, как петух.

Даже старшеклассники подходили к нему и разговаривали как с равным.

Спрашивали, когда будет первое представление.

Витька делал озабоченное лицо и говорил:

— Да вот сделаем все, наладим конюшни,

освещение. Потом съедутся артисты, порепетируем и начнем, пожалуй.

Он ходил важный и неприступный.

Получив двойку по арифметике, он пренебрежительно махнул рукой, и на переменке произнес несколько туманных и таинственных фраз о том, что ему, мол, теперь на уроки наплевать. Укротителю арифметика не нужна. И вообще он, наверное, скоро уйдет из школы. Цирк ведь все время переезжает с места на место. Не до учебы тут.

— Ой, Витька, ты станешь укротителем?! — спросила Танька Орешкина.

— Не знаю еще. Приглашает тут меня один человек. Ян. Он главный при львах и мой приятель. Но я еще подумаю. Может, по канату стану ходить. Не знаю, не знаю.

— По канату... — в изумлении прошептала Танька и побежала рассказывать всем самую свежую новость.

В тот день, когда в классе появилась новенькая, Витька чуть не опоздал. Он пришел за пять минут до звонка, швырнул портфель на учительский стол и недовольным голосом громко сказал, ни к кому в отдельности не обращаясь:

— Опять Цезарь шалит! Зуб у него болит, что ли? Пришлось надавать ему по морде. Просто не знаю, как я с ним буду работать?!

— А ты что, Витя, б-будешь выступать? — дрожащим голосом спросил Семка.

— Придется, наверное. Кому же еще? Кличис-то не едет. Придется нам с Яном взяться за это дело. Больше некому.

— А ты не боишься? — спросил тоненький голосок.

Витька обернулся и увидел незнакомую белобрысую девчонку. Она сидела за его партой в красном свитере и широкой лохматой юбке, тоненькая, как тростинка.

Девчонка как-то странно улыбалась. Насмешливо и ехидно. Очень недоверчиво улыбалась эта девчонка.

Витька презрительно хмыкнул. Он бы и разговаривать с ней не стал, но очень уж она странно улыбалась. И Витька воинственно спросил:

— А тебе-то что?

— Да так. Они ведь тебя съесть могут. Ам! И нету.

— Эх, ты — ам! Это тебя они могут ам! А меня... ого-го! Пусть попробуют! В одной руке хлыст, в другой пистолет, — Витька вскочил на стул, — раз! раз! — по морде. А если что не так — пиф-паф и готово!

— Что готово?
— Застрелю!
— И не жалко?
— Гм... жалко, конечно, — замялся Витька, — я сперва понарошке застрелю. Холостым патроном.

— Ах, ах, какой ты храбрый мальчик, настоящий герой, — сказала новенькая невыразимо ехидным голосочком и прыснула в ладонь.

Оскорбленный Витька хотел уже дать ей по шее, но в это время прозвенел звонок, и в класс вошел Сергей Борисович — учитель русского языка.

Витька показал девчонке кулак, взял портфель и подошел к ней.

— А ну-ка, подвинься, расселась тут, — прошипел он.

Сергей Борисович оглядел класс и сказал:

— О, нашего полку прибыло.

Он отвинтил колпачок авторучки и спросил:

— Как тебя зовут, девочка?

— Эва Кличис, — сказала новенькая.

В классе наступила такая неестественная звенящая тишина, что Сергей Борисович недоуменно поднял голову над журналом.

Витька почувствовал, как краска горячей волной заливает его лицо, шею, грудь. Если можно покраснеть всему, до пяток, то Витька покраснел именно так. Он стал, как спелый помидор, даже слезы выступили.

Как бы счастлив был Витька, если бы сейчас раздался треск и он провалился бы сквозь пол и дальше, дальше — до самого центра земли!

ВИТЬКЕ ОЧЕНЬ ПЛОХО

Два дня Витька не показывался в школе. Он брал портфель, завтрак, крадучись обходил пустырь и убежал на речку Серебрянку.

Весна была в разгаре. Недавно еще затопленная луговина обнажилась. Вода сошла. В оставшихся мутных лужах плескалась плотва и красноперка.

Витька ловил рыбу прямо руками и жарил ее над костром на палочках, как шашлык.

«Ну, как я теперь в школу покажусь... Ничего это невозможно, — печально думал Витька, глядя в огонь, — эта Эва, наверное, всем уж раззвонила, какой я врун. Девчонки они такие. Им бы только похихикать». Витька вспомнил, каким важным он был последнее время, как заврался до того, что сам стал верить своему вранью. Он замотал опущенной головой и тихо застонал от стыда.

«Удери из дому! Куда-нибудь далеко, далеко. Буду рыбу ловить, птиц стрелять из рогатки. С голоду не помру. Жаль только, львов больше не увижу и бабушка будет плакать».

Витьке становилось так жалко себя, что на глаза наворачивались слезы.

«Ну, зачем я врал?! Сколько раз зарекался — не хвастай, не ври, не болтай своим дурацким языком! Эх... А Ян обещал с Тимом на прогулку взять. Вот была бы картинка: идем по улице Луначарского, народ разбегается, а мы идем себе, как ни в чем не бывало. Может быть, Ян дал бы поводок подержать».

А теперь... Эва, наверное, и Яну рассказала. Он со мной и разговаривать не захочет. Скажет: «Трепач ты, Витка, знать тебя не хочу».

А представление?! Вон уже на всех перекрестках афиши висят. Ведь если я убегу, то и представления не увижу?» — терзался Витька.

Он похудел за эти два дня. Веснушки густо обсыпали нос и щеки, и глаза от этого стали еще синее.

Тяжелая жизнь настала для Витьки Пузырева.

РАЗГОВОР С ЭВОЙ

На третий день рано утром Витька вышел на крылечко, потоптался, повздыхал, глядя на туго натянутый шатер цирка, и направился к речке.

Он обогнул угол дома и нос к носу столкнулся с Эвой Кличис.

Она была в черном свитере и узких брючках. Совсем, как мальчишка.

— Здравствуй, — сказала Эва.

— Здравствуй, — Витька опустил глаза.

— Тебя Витей зовут?

— Да.

— Ты заболел, Витя?

— Отчего? Нет. Я здоров.

— Почему же ты не ходишь в школу?

Витька ковырял землю носком ботинка и молчал.

— И Ян беспокоится. Говорит, что ему без

тебя трудно. Цезарь стал плохо есть, — сказала Эва.

— Ну, да? Правда? — Витька вскинул удивленные глаза и увидел серьезное худенькое лицо Эвы, — а ты... ты ничего не сказала?

Эва пожала плечами и отвернулась. И Витька понял: не сказала.

О! Это была самая лучшая девчонка на свете. Самая умная. Самая красивая.

Витьке захотелось схватить ее за руки, за-

кружить, затормозить. Витьке захотелось расцеловать ее. Впервые в жизни.

Он шагнул к ней. Эва взглянула на него светлыми строгими глазами и отодвинулась.

— Пошли кошек кормить, — совсем как Ян, сказала она и побежала по белесой росистой траве.

Витька гикнул, подпрыгнул и понесся за ней.

Вот это была девчонка!

„Я РЕШИЛ“

— Ты куда пропадал? — еще издали крикнул Ян, — я уж думал, ты Африка убежал. Цезарь спрашивал: «Где Витка? Куда подевался? Не взял меня с собой Африка. Не буду кушать». Правда, Эва?

— Правда, — Эва засмеялась, — Витька болел немножко, Ян...

— О, болел! — Ян обнял Витьку за плечи, — не надо больше болеть, хорошо? Яну одному скучно. И кошкам скучно. Эва все летает, ей некогда. Скоро праздник. Начинаем. Премьера!

Ян вывалил из заскорузлого от крови мешка мясо.

— Завтра приезжает Карл Хансович. Надо, чтоб кошки были сытые, добрые. Чтоб не хотели кушать Карл Хансович.

Витька быстро взглянул на Эву, но она безмятежно улыбалась. Ее совсем не коробили шутки Яна.

«Видно, у них так принято», — подумал Витька.

Они накормили львов.

Эва просунула руку сквозь прутья и гладила Цезаря, трепала его гриву, чесала за ухом. Громадный страшный зверина закрывал глаза и ласково урчал. Совсем как кот.

Ян не отваживался делать такое, а Витька и подавно.

— А вдруг цапнет, не боишься? — спросил Витька.

— Меня? — Эва звонко расхохоталась.

Ян тоже засмеялся:

— Они у нее куклы были. Один раз Эва сама Аду кусала. Ада не хотела на спину лечь. Эва злилась. Кусала лапу Аде. Карл Хансович очень сердился. Ада хромала.

Витька недоверчиво поглядел на Эву, потом на львицу.

— Правда? — спросил он.

Эва кивнула.

— Правда. Я еще маленькая была. Глупая. Мне потом очень жалко было Аду. Я даже плакала. Папа меня сильно ругал. Говорил, что я мучительница.

В школе Витьке сильно досталось. Он честно сказал Людмиле Антоновне, что прогулял просто так. Рыбу ловил.

Людмила Антоновна рассердилась, здорово отругала его и предупредила, что вызовет бабушку в школу, если еще раз такое получится.

— Не получится, Людмила Антоновна, честное пионерское не получится. Я теперь буду совсем другой. Я решил.

— Что это ты вдруг? — подозрительно спросила Людмила Антоновна.

Витька поглядел на Эву и тихо сказал:

— Это не вдруг. Это постепенно.

— Посмотрим, — весело сказала Людмила Антоновна и тоже поглядела на Эву.

ДРАКА

За день до премьеры приехал Эвин папа Карл Хансович. Но Витька его не видел, он был в школе. А потом Карл Хансович репетировал и в цирк никого не пускали.

В тот день никто не тренировался. Манеж отдали Кличису.

Сквозь тонкий брезент слышался рев львов,

гулкое шелканье бича, крики и какие-то еще непонятные и жуткие звуки.

Эва вышла из фургончика, увидела Витьку и помахала ему рукой.

— Пойдем погуляем, Витя? Я сегодня свободна.

— Эва, а чего они так рычат? Никогда они

еще так не рычали. Они его не съедят? — спросил Витька.

— Не бойся. Не съедят. Просто они не хотят работать. Они лентяи. Ты очень любишь уроки делать?

— Не очень.

— Вот и они не очень, — Эва рассмеялась, — пошли гулять.

Они спустились к Серебрянке.

— Красивая у вас речка, Витя. Тихая, спокойная. Ты меня возьмешь на рыбалку?

— Возьму.

Витька тронул Эву за руку, заглянул ей в глаза.

— Скажи, Эва, тебе не страшно там, наверху? — тихо спросил он.

Эва отняла руку и ничего не ответила. Потом стала рассказывать, как они с Яном ловили в Печоре навагу. Без крючков. Просто привязывали к леске кусочек мяса, и навага так вцеплялась в него зубами, что ее с трудом отрывали уже в лодке.

— Такая жадная рыба! Фу! Хищник. Иногда по две вытаскивали. Одна за мясо держится, вторая за ее хвост.

Они шли по лугу, и Эва рассказывала, что в этом году она училась в четырех школах и как это скверно — только подружись с ребятами, глядишь, а уж надо уезжать.

— Но я, видно, уже привыкла. Я бы, наверное, не смогла жить все время в одном городе. Затосковала бы, — задумчиво сказала она.

Витька слушал, и ему было очень грустно. Может быть и нехорошо завидовать, но он завидовал Эве тихой безнадежной завистью.

Он искоса поглядывал на нее и чувствовал себя неуклюжим и глупым. «Ну, что я ей могу рассказать? Как ловить раков? Так ей на это — тьфу! Очень ей, девчонке, это надо. Тринадцать лет сиднем просидел в своем Зареченске. Ничего не видел, ничего не знаю...» — думал Витька.

Он вздохнул и начал рассказывать Эве про микрики.

Эва внимательно слушала, а потом сказала:

— Какой ты умный, Витя! А я всю жизнь вижу львов и не знала, почему они желтые.

Витька изумленно взглянул на нее: смеется она, что ли?

— Эй, ты, девка в брюках, а ну, поди сюда, — раздался хриплый голос.

Витька оглянулся и увидел двух мальчишек чуть постарше его.

Мальчишки были мордастые, в плоских кепочках с пуговками и малюсенькими козырьками.

Они стояли, широко расставив ноги, и рассматривали Эву наглыми прищуренными глазами.

У одного на губе висел замусоленный окурочек.

Эва пошла им навстречу. Витька за ней.

— Глянь-ка, Федька, девка в брюках! С кого сняла? С него? — мальчишка ткнул пальцем в Витьку.

— Нет, это мои брюки, — сказала Эва.

— Ее брюки! Слышишь, Федька? Ее брюки! А это мы сейчас проверим, — мальчишка протянул короткопалую в заусеницах руку.

Витька шагнул вперед, заслонил Эву и сказал:

— Не трогай ее.

— Шо? — закричал мальчишка и выплюнул папиросу.

— Ты слышишь, Федька, защитник нашелся. Девку защищает. А сопли утер?

Мальчишка протянул руку и больно дернул Витьку за нос.

Витька оттолкнул руку, и в тот же миг ему показалось, что из его правого глаза брызнули разноцветные искры.

Витька закрыл лицо руками, согнулся и почувствовал, как его очень больно ударили в ухо.

Темная слепая ярость налила Витькины руки свинцом.

Он услышал испуганный недоумевающий голос Эвы:

— Мальчишки, что вы делаете?! За что?

И ринулся вперед. Витька вцепился руками в новенькую куртку своего врага и что было сил ударил его головой в подбородок. Услышал, как мальчишка клацнул зубами, и еще раз ударил, и еще.

Боли он не чувствовал.

Мальчишка завыл и опустился на колени. Второй, которого звали Федькой, подбежал сзади и стукнул Витьку по спине. Потом суетливыми движениями он стал оттаскивать его от своего дружка.

Витька еще раз рванул куртку так, что она затрещала, и, отпустив ее, обернулся к Федьке.

Видно, лицо у Витьки было такое яростное, искаженное, что Федька охнул и попятился.

И тут Витька сделал такое, чему потом сам изумлялся: неожиданно для Федьки, да и для себя тоже, он стремительно протянул руку и изо всех сил ущипнул Федьку за круглую ненавистную щеку. Этак с вывертом ущипнул.

Невиданный, никакими правилами мальчишечьих драк не узаконенный прием ошеломил Федьку, да и, наверное, пребольно это было. Федька вылупил глаза, рванулся и, пронзительно заверещав, как заяц, приседаю побегал прочь.

Эва стояла, прижав ко рту крепко сжатые кулачки, и глаза у нее были огромные, как небо. И такой в них был страх, что Витька снова обернулся к мальчишке, готовый драться до последнего.

Но тот сидел на траве, размазывал кулаком слезы по красной физиономии и рассматривал разорванную куртку.

Он тихонечко выл и приговаривал:

— Куртку порвал, бешеный... новенькую

куртку... мою куртку... Как я теперь домой покажусь? Я тебя просил рвать? Просил, да?

Эва подошла, схватила Витьку за руку, и они побежали по лугу.

— Я тебя еще поймаю, конопчатый. погоди, погоди! — закричал мальчишка.

Витька попытался остановиться, но Эва обхватила его за шею и прошептала:

— Витенька, не надо! Не надо! Бежим скорее. Он дурак.

Они спустились к самой воде. Эва намочила платок и приложила к Витькиному глазу.

Витька посопровтивлялся для виду, но ему было приятно, что Эва заботится о нем. Да и больно было. Под глазом растекся большущий синяк. Глаз заплыл и плохо открывался. А ухо стало толстое, как оладья.

— Зачем они так? Ну, зачем? Что мы им сделали? Дураки противные, — говорила Эва, и в глазах ее дрожали слезы.

Витька разрешал ухаживать за собой, молчаливый и суровый, как и подобает бойцу.

— Тебе больно, Витька? Бедненький глаз, бедненькое ухо, — приговаривала Эва.

— Ерунда. Ничуть не больно, — отвечал Витька, еле удерживаясь, чтобы не зареветь.

Но реветь было никак невозможно.

— Ты очень храбрый, Витька. Ты смелый и хороший, — тихо сказала Эва.

Витька покраснел и почувствовал чуть ли не нежность к тем двум дуракам, из-за которых вышла вся эта история.

Окончание следует.

Стихи твоих ровесников

ПУГАЧЕВ

Его везут. Его встречает
Москва, как знатного посла:
Колокола рукоплещают —
Не люди, а колокола.
Бунтарь сидит в собачьей шубе,
Нахмутив обручи бровей,
Чернобородый и угрюмый,
В руках — огарки от свечей.
Глядит Москва глазами окон,
Венецианских и простых.

Коней гусарских слышен цокот
На деревянных мостовых...
Толпа шумит, как дуб листьями,
О самозванце говорит,
Прямолинейными рядами
Конвой торжественный стоит.
Горлан-глашатай влез на плаху
И слово царское сказал,
И с бунтаря срывать рубаху
Палач широкоплечий стал.

И все на площади смешалось,
Толпа колышется травой,
И Пугачеву показалось,
Что снова он в степи родной.
Но степь казацкая далече...
Взгляд палача неотразим.
Все было так... Но был он вечен,
Дух правдолюбцев на Руси.

Володя Шалыт, Ленинград

ПЛАКАТЫ КОММУНЫ

Е. Тенер

1871 г., 18 марта. Реакционеры в ужасе. Спешно собирает пожитки и удирает из Парижа глава буржуазного правительства Адольф Тьер. Бегут со всех ног министры. Бегут генералы.

А в Париже народ провозглашает Коммуну. Первое в истории правительство рабочего класса приходит к власти. И 18 марта с тех пор для буржуазии — черный день. А для трудящихся — светлый праздник.

...В толпе — звонкие выкрики лотошников:

— Есть Тьер! Кому Тьера? Кому чудовище-Тьера? Тьер улыбается — козни затеваются!

— А кому узурпатора — бывшего императора?

— А вот поглядите — сам генерал Винуа! Удирает вприпрыжку с Монмартрского холма!

Чем так бойко идет торгоя? Плакатами. Небольшими, раскрашенными в два-три цвета плакатами, и на них — все основные эпизоды революции. Плакаты пользуются колоссальным успехом, их буквально рвут из рук. Тысячи листов расходятся в мгновение ока. Парижане украшают ими стены своих жилищ, показывают друзьям и знакомым. А владельцы мелочных лавок — те, как услышат, что появился новый плакат, тотчас приобретают его и вывешивают в окнах своих магазинчиков на самом видном месте.

Рядом две карикатуры на генерала Винуа. На первой — бравадный генерал-палач до отказа набит самодовольством и спесью. У его ног головы революционных журналистов Жюль Валлеса и Анри Рошфора. Этот листок — отклик на событие, случившееся накануне революции. Тогда Винуа — губернатор Парижа — закрыл шесть революционных газет. В том числе и те, редакторами которых были Валлес и Рошфор.

На второй карикатуре — тот же генерал, но уже после схватки на Монмартре. И до чего сразу стал прыток! Кажется, что слышны проклятья, которые несутся ему вслед. И неспроста генерал без головного убора. В роковой для него день, 18 марта, Винуа бежал так резво, что обронил свое расшитое золотом кепи прямо в грязь.

Вот у одной витрины группа национальных гвардейцев.

— Глядите, глядите! — кричит какой-то паренек. — Наполеон III со своим отпрыском!

Действительно, в центре витрины — бывший император. Император ковыляет в изгнание, он похож на ошипанную мокрую курицу. Не в лучшем виде и его сынок. Оба плачут-заливаются горячими слезами. Совсем еще недавно, казалось, империя процветала. И какой жалкий конец!

А вот другая карикатура, еще более выразительная. Кто это? Это сам глава версальцев Адольф Тьер собственной персоной. «Карлик-чудовище» — назвал его Карл Маркс. Взгляните — петушиный хохолок. Рот до ушей. На губах застыла зловещая улыбочка. Сколько в глазах его подлости, злобы, корысти, лицемерия!

На славу постарался прославленный карикатурист Андре Жиль. Тот самый, который не зря считался непревзойденным мастером портретов-шаржей на врагов революции. Тот самый, кого не случайно прозвали «Д'Артаньяном карандаша».

Карикатур на Тьера — многие сотни. На них он — и удав, и мартышка, и фокусник-обманщик. Вот посмотрите: Тьер — сам себе памятник. Карикатура сделана позже, в мае. В ту пору, когда по приказу Тьера версальцы остервенело обстреливали Париж из пушек, не щадя ни женщин, ни детей. Поэтому фигура Тьера поставлена на пушечное ядро. Не случайно в правой руке у него зонт, а в левой — груша с физиономией бывшего французского короля Луи Филиппа. Груша потому, что голова Луи Филиппа, верным слугой которого Тьер был долгие годы, очень походила на грушу.

(Смотри «Охота на короля» А. Лосева, «Костер» № 6, 1964 г. Ред.)

Зонт — потому, что тот же Луи Филипп любил прогуливаться по Парижу с зонтиком под мышкой. Так груша и зонт стали символами монархии. Художник предупреждает парижан: «Берегитесь! Не то Тьер подсунет нам еще одного короля!»

Боевыми, задиристыми были плакаты-карикатуры в дни Коммуны. Они воодушевляли коммунаров. Они изобличали их врагов. Узнавая себя на плакатах, те просто места себе не находили.

— Преступные, бесстыдные листки!.. Дьявольские изображения! — так, захлебываясь от ненависти, читал произведения коммунаров-плакатистов матерый версалец, реакционный писатель Катьоль Мендес.

А как реагировали на это художники-коммунары? О! Они были в восторге. Хула врагов означала для них высшую похвалу.

— Проклятья? Так, так, превосходно! — говорили они. — Из этого можно сделать вывод, что, целя во врагов Коммуны, мы попадаем в самое «яблочко».

Одним из таких замечательных «снайперов»-плакатистов был молодой художник Жорж Пилотель. Пилотель являлся не только выдающимся карикатуристом, но и комиссаром Коммуны. Он одинаково уверенно разил врагов и огнестрельным оружием, и огнем сатиры. Особенно удавались ему сценки, в которых он издевался над буржуа, попами, монахами.

Посмотрите, например, как откликнулся Пилотель на указ Коммуны от 9 апреля 1871 года, разрешивший беднякам временно не платить за квартиру. Домовладельцы тогда сразу зашумели: «Караул! Грabort! Мы разорены!» Пилотель немедленно поддел на карандаш одного из таких «разоренных».

Полубуйтесь, «нищий»! В руке у него блюдо для сбора милостыни, а на шее доска с надписью: «Не забудьте бедного домовладельца, имеющего только шесть домов и жильцов, которые не платят».

В надписи — масса грамматических ошибок. Шесть домов! Хорош «нищий»!

Не только врагов, но и друзей изображали художники Коммуны на своих плакатах... Вот очень интересный лист. Он называется «Командующий, который нужен». На нем изображен Джузеппе Гарибальди, выдающийся герой итальянского народа, прославленный на весь мир революционер. Гарибальди решительно выметает реакционную нечисть. На знамени надпись: «Да здравствует всемирная республика!»

Любопытна история этого плаката. Сделал его художник Бетбед Фостен. Прекрасный карикатурист, Фостен отличался исключительной быстротой в работе. Все так и кипело у него в руках. Ни у кого из художников Парижа карандаш по бумаге не бегал так быстро, как у Фостена. За несколько месяцев он сумел создать более 500 плакатов. Однажды — в самый канун Коммуны — Тьер посмел назначить командиром революционной национальной гвардии заядлого реакционера генерала Орель де Паладина. И вот, узнав про это, Фостен мгновенно нарисовал плакат с Гарибальди. Его немедленно отпечатали и в тысячах экземпляров в тот же день распространили по Парижу. Через несколько часов во всех казармах национальной гвардии состоялись демонстрации. Гвардейцы кричали: «Долой Паладина! Нам нужен такой командующий, как Гарибальди!»

Еще один замечательный плакат. Его создатель — художник Ф. Матисс. Пирамида, изображенная им, посвящена изменениям государственного строя Франции с 1830 по 1871 г. Над королем-грушей, над Наполеоном III с кинжалом, над Тьером, взгромоздившимся на шею связанной Республике, мы видим юную Коммуну в красном фригийском колпаке, с развевающимся красным знаменем в руке. «Коммуна — венец всего».

...Когда версальцы, имея несметное превосходство сил, ворвались в Париж, они первым делом начали сдирать со стен плакаты. Они рвали их на мелкие кусочки. Они жгли их, втапывали в грязь. Но как ни старались, а все уничтожить не сумели. Одна из замечательных коллекций таких плакатов, благодаря заботам выдающегося деятеля русской культуры Владимира Васильевича Стасова, еще в 1872 г. попала в Россию. В царское время эти плакаты старались никому не показывать. А теперь их могут видеть все. Хранятся они в Ленинграде, в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Наиболее примечательные из них здесь перед вами.

Конспиративное имя — Фаня Черненко

До трех лет девочку звали Фенечкой Архангельской. Ее отец был активным народовольцем. Царское правительство жестоко преследовало его, и жизнь в непрерывных скитаниях по «волчьему билету» вместе с семьей стала невозможной.

Четверых детей, среди которых была и Феня, пришлось раздать по родственникам. Так попала девочка в семью помещика и дворянина Петра Антоновича Гервазий.

Но и с приемными родителями ей пришлось жить недолго. В четырнадцать лет она остается одна — наследница дворянского поместья.

Кто бы мог подумать, что юная помещица уже давно находится под влиянием своего брата-большевика, работает связной в одной из партийных групп и даже расклеивает по Екатеринодару большевистские прокламации!

В конце 1904 года девушка приезжает в Петербург. Вступает, используя екатеринодарские связи и рекомендации, в партию. И решает: доставшееся ей наследство она передаст большевикам. Но как это сделать?..

Решение могло быть только одно — фиктивный брак, замужество на бумаге, понарошку. А затем, с разрешения «мужа», продажа имущества и секретная передача денег партии.

Долго подыскивали «жениха», и, наконец, фиктивный брак совершился. Имение было продано, и деньги поступили в партийную кассу.

И не стало Фенечки Архангельской-Гервазий. Появилась Фаня Черненко, член боевой группы РСДРП.

* * *

— Куоккала... Куоккала...

Фаня вздрогнула, когда кондуктор по-петушиному прокричал у самого ее уха название станции.

Зима разукрасила поселок. Островежные крыши финских дач, похожие на огромные шлемы богатырей, покрыты пушистым белым чехлом. Их даже трудно различить, какая из них «Ваза». Правда, это только на первый взгляд. Все так просто, сейчас она завернет за угол и войдет в калитку.

Но что такое? Из дачи вышла женщина, с ней рядом мужчина. Они направились в сторону, противоположную станции, в лес, туда, где уже не было домов.

Владимир Ильич с Надеждой Константиновной отправились на прогулку. Придется подождать.

Фаня вошла в сени. Глаза, после яркого света улицы, с трудом привыкали к полумраку. Она еще не успела освоиться, когда на дворе раздался скрип снега. В узкую щель между досками она успела взглянуть, что к даче подходит незнакомый человек!

Шаги уже на крыльце. Оглядевшись в полутемных сенцах, девушка увидела открытый дровяной ящик. Она прыгнула туда и захлопнула крышку.

Незнакомец вошел в сени. Убедившись, что никого нет, он постоял некоторое время, а потом начал ходить. Мороз давал себя знать, и человек, стараясь согреться, топтался все энергичнее.

Помня строгий наказ — не привлекать ничего внимания, — Фаня лежала пластом, боясь пошевелиться.

Руки и ноги совсем окоченели. Казалось, что кровь в жилах остывает. Клонило в сон. Сколько времени прошло — час, неделя, месяц?

Наконец на крыльце послышались шаги. Два голоса — мужской и женский — спорили о чем-то, видно, продолжая ранее начатый разговор. Это с прогулки вернулись Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Они дружелюбно поздоровались с ожидавшим их. Ключ в замке, видно, заело. Они все вместе дергали дверь и громко смеялись.

Фаня хотела подняться и вылезти из ящика, но ничего не получилось. Силы покинули ее. Осталось только крикнуть изо всех сил, но вместо этого раздался чуть слышный стон.

В сенях сразу замолчали и насторожились. Надежда Константиновна подняла крышку и узнала Фаню. К ящику подошли Владимир Ильич и незнакомец, оказавшийся агентом ЦК, товарищем Лядовым.

Ленин и Лядов осторожно извлекли девушку из ящика и на руках внесли в комнату. В тепле ей стало еще хуже, но

Феодосья Петровна Кассесинова. Снимок 1908 г.

потом, чуть придя в себя, она заплетающимся языком стала докладывать Владимиру Ильичу о данном ей поручении. Ленин оборвал ее на полуслове и строго сказал: «Вы сначала отогрейтесь».

Он разжег примус и поставил чай. Потом зашел в свою комнату, чтобы дописать статью, за которой и приехала Фаня. Время от времени отрываясь от работы, он спрашивал: — Как себя чувствует товарищ?..

Фаню тем временем растерли и стали отпаивать чаем. Тут из комнаты, пробега глазами только что законченную ста-

тью, вышел Ленин. Он отложил рукопись и достал из буфета маленький графин.

— Ну-ка, уважаемая, примите это лекарство! — Владимир Ильич протянул Фане рюмку янтарно-желтого напитка.

— Что вы головой мотаете, — разве это причина — никогда не пила? Вот сегодня и начнете под моим присмотром, а больше не дам, даже если просить будете. Ну, пейте, пейте. Зажмурьте глаза и пейте.

Фаня выпила и закашлялась, слезы брызнули у нее из глаз.

— Вот видите, ничего страшного не случилось, зато скоро жарко станет. А ехать вам се-

годня обратно не придется, останетесь у нас. Попросим Надежду Константиновну или товарища Мартына отвезти статью. Я обещал, там ждут, нельзя подводить.

* * *

После памятного случая Фане приходилось приезжать в Куоккалу довольно часто.

Владимир Ильич, несмотря на сильную перегруженность партийной работой, внимательно следил за судьбами товарищей. А вести были печальными, полиция охотилась за революционерами, работать становилось все трудней.

Как-то Владимир Ильич узнал о том, что у одного больного товарища, отправляемого из пересыльной тюрьмы на каторгу, нет постели. Ленин решил отправить ему постельные принадлежности.

Взяв связанную постель, Фаня собралась бежать на станцию. В это время Надежда Константиновна уже приготовила кое-что на стол.

— Что вы, Надежда Константиновна, — начала уверять девушка, — я сыта, и кроме того у меня дома есть чем поужинать.

Владимир Ильич молча ходил из угла в угол, думал о чем-то своем, потом, неожиданно подойдя к двери, загородил выход.

— Так что же у вас есть дома на ужин, уважаемая? — глядя ей прямо в глаза, спросил Владимир Ильич.

Фаня густо покраснела и с трудом ответила:

— Французская булка.

— Вот видите, а обмануть хотели... Садитесь, садитесь за стол!

* * *

Через некоторое время Фаня Черненькая стала хозяйкой конспиративной дачи в Териоках. В маленьком финском домике

Владимир Ильич еженедельно проводил совещания большевистского центра ЦК.

* * *

Первая русская революция была окончательно подавлена. Реакция свирепствовала, участились аресты. Осенью 1908 года полиция вплотную заинтересовалась Фаней Черненькой. Жизнь её осложнилась еще и тем, что ее настоящий муж — моряк Кассесинов — участвовал в шмидтовском восстании на Черноморском флоте, был арестован и отправлен на каторгу, а потом бежал оттуда.

Больше года они жили на нелегальном положении. Ареста можно было ждать каждый день и час.

Оставалось немедленно покинуть Россию.

Они уезжают в Париж. Латинский квартал, улица Бертоле, дешевая гостиница. Семья увеличилась, родилась дочь. Но русская охранка и во французской столице не оставляла в покое беглого каторжника, она требовала его ареста как уголовного преступника. Опасаясь выдачи царскому правительству, Феодосья Петровна с мужем решили выехать в Аргентину.

Незадолго до отъезда она зашла попрощаться к Ульяновым. Владимира Ильича в комнате не было, но весь разговор он мог слышать, занимаясь у себя в комнате.

Надежда Константиновна была против отъезда в Аргентину. Она говорила о неизбежной оторванности от активной партийной работы там, за океаном. И еще один серьезный ар-

гумент — риск переезда в тропики с грудным ребенком.

Владимир Ильич, выйдя к ним, сразу вмешался в беседу.

— Надюша, ты напрасно так нападаешь на товарища Фаню. Она сама, наверное, не раз уже все продумала. Давайте вместе взвесим все за и против.

Почти час продолжался разговор. Ильич в конце концов одобрил решение Фани.

1 мая 1910 года семья Кассесиновых праздновала в Буэнос-Айресе. Проходили дни, недели, месяцы в поисках работы.

— Пожалуйста, — говорили аргентинские чиновники, — можем устроить на работу. Есть место на почте, а если хотите — учительницей. Но с одним условием — принять аргентинское подданство.

Но разве можно было даже в мыслях отказаться от Родины, оставить надежду вернуться домой?

Родился сын, стало еще труднее. Постоянную работу удалось найти только в далеком Корриентесе, почти на самой границе с Парагваем и Бразилией. Шли годы.

В марте 1917 года из-за океана пришла радостная весть — в России революция. Теперь без долгих сборов домой, скорее домой.

* * *

В начале сентября 1917 года специально высланная Временным правительством рота солдат расположилась на перроне Финляндского вокзала. Но это не был почетный караул, выстроившийся для встречи гостей, совсем наоборот.

Конвой солдат сопровождал вернувшихся на родину революционеров в специальные дома — казармы для эмигрантов.

Студент в распахнутой шинели и лихо заломленной фуражке подскочил к Феодосье Петровне и спросил, откуда и зачем они явились сюда. Услышав ответ, он засмеялся ей в лицо.

— Приехали на голодуху, сумасшедшие!

В этот же день всех вызвали на допрос и без лишних объяснений приказали не задерживаться в Петрограде. У солдат в казармах с трудом достали для детей хлеб. Через двадцать четыре часа поезд увозил семью Кассесиновых в Харьков.

С 1918 года Феодосья Петровна вместе с мужем на фронтах гражданской войны. Перекоп, Новороссийск, Самара, Омск, Челябинск, Уфа, Оренбург, Харьков, Одесса, Николаев, — кем только ей ни приходилось за это время быть: начальником разведки, помощником коменданта города, членом чрезвычайной комиссии по работе в госпиталях, начальником информации политотдела Юго-Западного фронта...

И дальше можно было бы перечислять должности и места работы Кассесиновой, но ведь мы не заполняем анкету или послужной список. Феодосья Петровна выполняла любые поручения, которые давала ей партия.

О том, как я совсем недавно познакомился с Ф. П. Кассесиновой и в каком важном деле она нам всем помогла, расскажу в следующий раз.

Г. Усыскин

Андрей Платонович Платонов

Я никогда не видел Андрея Платонова, хотя мне было 17 лет, когда он умер, — значит, в детстве я мог бы поехать в Москву и его повидать. Но так получилось, что я прочел его значительно позже, а жаль.

Жаль не только потому, что это один из лучших советских писателей, один из самых моих любимых сегодня. После того, как я прочел все, что мог, у Платонова, он сделался для меня самым близким человеком, вроде отца.

Рассказывают, что он любил паровозы, рано утром вставал и ходил на станцию поглядеть, как проходит их паровозная жизнь. Тогда паровозы были тоже серьезная техника.

И удивительно, что этот человек, которому нравились подобные железные машины, любил траву, деревья, мелкую полевую живность, относился к ним уважительно, как к живым самостоятельным существам: «воробей пришел леший через порог», «гожи и деревья живут серьезно и по своей необходимости», «доброе солнце по-прежнему светило на небе и глядело на него в ответ теплым лицом» — вот как писал о них Платонов.

Вроде и не понять, как же можно любить тут и технику?.. «Или — или», — скажете вы. Один с самого детства юный натуралист, а другой сидит и возится со схемой. Но для Платонова катушки, мостики Уитстона и микрофарды «были такие же природные и влекущие предметы, как разноцветная трава в поле». Между прочим, он и сам работал когда-то на паровозе, потом стал инженером, имел даже несколько изобретений. А Платонов был еще и писатель. Вот какой это был человек.

Чего только он ни писал! Сначала стихи. Потом рассказы, повести, роман. В 1921 году написал интересную популярную брошюру «Электрификация» — про план ГОЭЛРО. Писал статьи о книгах, написал 3 пьесы. И как всякий большой писатель оставил несколько очень хороших детских книг: «Июльская гроза» (1940), «Через реку» (1944), «Солдатское сердце» (1946), «Дни боевые» (1945). Их, к сожалению, давно не переиздавали, но в библиотеках они есть. Кроме того, Платонов пересказал много сказок.

Конечно, главные книги Платонова — взрослые. Он при жизни выпустил 23 книги, не считая напечатанного в журналах. Когда вы вырастаете, вы их прочтете, и я вам завидую, потому что это у вас впереди.

В этом номере «Костер» печатает сказку «Разноцветная бабочка». Это не народная сказка, ее придумал сам Платонов. Раньше она нигде не публиковалась.

В. Марамзин

РАЗНОЦВЕТНАЯ БАБОЧКА

СКАЗКА

На берегу Черного моря, там, где Кавказские горы поднимаются от берега к небу, жила в каменной хижине одна старушка, по имени Анисья. Хижина стояла среди цветочного поля, на котором росли розы. Недалеке от цветочного поля находился пчельник, и там также издавна жил пчеловод дедушка Ульянов. Дедушка Ульянов говорил, что когда он еще молод был и приехал на кавказскую сторону, то Анисья уже была старой бабушкой, и никто тогда не знал, сколько Анисье лет, с каких пор она живет на свете. Сама Анисья тоже не могла этого сказать, потому что забыла. Помнила она только, что в ее время горы были молодые и не покрыты лесом. Так она сказала когда-то одному путешественнику, а тот напечатал ее слова в своей книге. Но и путешественник тот давно умер, а книгу все забыли.

Дедушка Ульянов приходил раз в год в гости к Анисье; он приносил ей мед, чинил ей обувь, осматривал, не худым ли стало ведро, и перекладывал черепицу на крыше хижины, чтобы внутрь жилища не проникал дождь.

Потом они садились на камень у входа в жилище и беседовали по душам. Старый Ульянов знал, что едва ли он придет в гости к Анисье на следующий год: он уже был очень стар и знал, что ему наступала пора помирать.

В последний раз, как виделся Ульянов с Анисьей, он рассмотрел, что железная дужка очков, которые носила Анисья, стала тонкой, слабее нитки, и вот-вот сломится, — дужка истерлась от времени о переносицу Анисьи. Тогда Ульянов укрепил дужку проволокой, чтоб очки еще служили и через них можно было смотреть на все, что есть на свете.

— А что, бабушка Анисья: нам с тобой срок жизни весь вышел, — сказал Ульянов.

— Ан нету, у меня срок не вышел, — отозвалась Анисья. — У меня тут дело есть, я сына ожидаю. Покуда он не вернется, я жить должна.

— Ну живи, — согласился Ульянов. — А мне пора.

Ульян ушел и вскоре умер от старости лет, а Анисья осталась жить и ожидать своего сына.

* * *

Сын ее Тимоша убежал из дома, когда был еще маленьким, а Анисья была молодой, и с тех пор Тимоша не вернулся к матери. Он каждое утро убегал из дома в горы, чтобы играть там, разговаривать с камнями гор, отзывающихся на его голос, и ловить разноцветных бабочек.

К полудню Анисья выходила на тропинку, идущую в горы, и звала своего сына:

— Тимоша, Тимоша!.. Ты опять заигрался, и ты забыл про меня.

И сын отзывался ей издали:

— Сейчас, мама, я только бабочку поймаю.

Он ловил бабочку и возвращался к матери. Дома он показывал бабочку и горевал, что она больше не летает, а только ходит тихо понемногу.

— Мама, чего она не летит? — спрашивал Тимоша, перебирая крылышки у бабочки. — Пусть она лучше летает. Она умрет теперь?

— Не умрет и жить не будет, — говорила мать. — Ей надо летать, чтобы жить, а ты ее поймал и взял в руки, крылышки ей обтер, и она стала больная... Ты не лови их!

Каждый день Тимоша бегал в гору по старой тропинке. Мать Анисья знала, что та тропинка через малую гору идет на большую, а с большой на высокую, где всегда на вечер собираются облака, а с той высокой горы — на самую лютую, самую страшную вершину всех гор, и там тропинка выходит к небу. Анисья слыхала, что тропинку проложил неизвестный человек, который ушел по ней на небо через самую высокую гору, — ушел и более не вернулся; он был бездетный, никого не любил на свете, земля ему была не мила, и все его забыли; осталась от него лишь тропинка, и по тропинке той мало кто ходил после него.

Только Тимоша бегал по этой тропинке за бабочками.

Один раз Тимоша шел домой: настало вечернее время, и цветы уже дремали в сумерках на склоне горы. Возле тропинки росла одинокая былинка, ее головка выглядывала из-под обрыва на того, кто шел по земле, и на лице ее блестел маленький чистый свет. Тимоша увидел, что это упала капля росы на былинку, чтобы она испила ее.

— Это добрая капля! — подумал Тимоша.

Здесь разноцветная большая бабочка села на эту былинку и затрепетала крыльями. Тимоша испугался: он никогда еще не видел такой бабочки. Она была велика, словно птичка, и крылья ее были в цветах, каких Тимоша не видел никогда. От дрожания ее крыльев мальчику казалось, что свет отходит от нее и звучит, как зовущий его тихий голос.

Тимоша протянул руку за сияющей дрожащей бабочкой, но она перелетела на большой камень. Тогда Тимоша сказал ей издали:

— Давай поговорим!

Бабочка не говорила и не смотрела на Тимошу: она только боялась его. Должно быть, она была недобрая, но она была так хороша...

Бабочка поднялась с камня и полетела над тропинкой в гору. Тимоша побежал за ней, чтобы еще раз поглядеть на нее, потому что он не нагладелся.

Он бежал за бабочкой по тропинке в горах, а ночь уже потемнела над ним. Он не сводил глаз с бабочки, летящей перед ним, и лишь по памяти не сбивался с тропинки.

Бабочка летела вольно, как хотела: она летела впе-

ред, назад, в одну сторону и сразу в другую, как будто ее сдувал невидимый ветер, а Тимоша, задыхаясь, бежал за нею следом.

И вдруг он услышал голос матери.

— Ты опять заигрался, ты опять забегался, и ты забыл про меня!

— Сейчас, мама, — ответил Тимоша. — Я одну только бабочку поймаю, самую хорошую, последнюю.

Бабочка пролетела мимо самого лица Тимоши: он почувствовал теплое дуновение ее крыльев, а потом бабочки не стало нигде. Он искал ее глазами в воздухе и около земли, он побежал назад, но бабочки не отыскал.

Наступала ночь. Тимоша бежал по тропинке в гору. Ему казалось, что бабочка светится крыльями невдалеке от него, и он протягивал руки за нею. Он миновал уже малые и большие горы и подымался на самую страшную, голую вершину всех гор, где тропинка выходит к небу.

Тимоша добежал до конца тропинки и оттуда сразу увидел все небо, а близко от него сияла большая добрая жмурящаяся звезда.

— А я звезду схвачу! — подумал Тимоша. — Звезда еще лучше, а бабочки мне теперь не надо.

Он забыл о земле, потянулся руками к небу и упал в пропасть.

Наутро Тимоша огляделся, где он. Кустарник рос по отвесу горы и выходил к берегу маленького ручья. Ручей тот начинался родником у подножья горы, потом протекал недолго вниз по земле и впадал в небольшое озеро, а из озера вода подымалась туманным душным паром, потому что и утром было жарко в этом месте. Кругом стояли голые стены гор, уходящих до высокого неба, по которым никому нельзя взойти, а можно только взлететь по воздуху, как бабочка.

Горы огораживали дно пропасти, где очутился маленький Тимоша. Он весь день ходил по дну этой пропасти, и везде была одна каменная стена гор, по которым нельзя подняться и уйти отсюда. Здесь было жарко и томительно; Тимоша вспомнил теперь, что дома у матери было прохладней.

По берегу ручья в траве и кустарнике жужжали и жили стрекозы, и всюду летали такие же светящиеся бабочки, какую хотел вчера поймать Тимоша. Бабочки трепетали над жаркой землей, и слышен был шум их крыльев, но Тимоша не хотел их ловить, и скучно ему было смотреть на них.

— Мама! — позвал он в каменной тишине и заплакал от разлуки с матерью.

Он сел под каменной стеною горы и стал корябать ее ногтями. Он хотел протереть камень и сквозь гору уйти к матери.

С тех пор, как мальчик Тимоша очутился на дне каменной пропасти, прошло много лет. Тимоша вырос большим. Он нашел куски самого крепкого камня,

упавшие когда-то с вершины горы, и наточил их о другие такие же крепкие камни. Этими камнями он бил и крошил ее, но гора была велика, и камень ее тоже крепок.

И Тимоша работал целые годы, а выдолбил в кремнистой горе лишь неглубокую пещеру, и ему было еще далеко идти сквозь камень домой. Оглядываясь от работы назад, Тимоша видел разноцветных бабочек, которые летали целым облаком в жарком воздухе. Ни разу, с самого детства, Тимоша не поймал более ни одной бабочки, и когда бабочка нечаянно садилась на него, он снимал ее и бросал прочь.

Все реже и реже он слышал голос матери, звучащий в его сердце:

— Тимоша, ты забыл про меня! Зачем ты ушел и не вернулся?..

Тимоша плакал в ответ на тихий голос матери и еще усерднее долбил и крошил каменную гору.

Просыпаясь в каменной пещере, Тимоша иногда забывал, где он живет, он не помнил, что уже прошли долгие годы его жизни, он думал, что он еще маленький, как прежде, что он живет с матерью на берегу моря, и он улыбался, снова счастливый, и хотел идти ловить бабочек. Но потом он видел, что возле него камень, и он один. Он протягивал руки в сторону своего дома и звал мать.

А мать смотрела в звездное небо, и ей казалось, что маленький сын ее бежит среди звезд. Одна звезда летит впереди него, он протянул к ней руку и хочет поймать ее, а звезда улетает от него все дальше, в самую глубину черного неба.

Мать считала время. Она знала, что если бы Тимоша бежал только по земле, он бы уже давно обегал всю землю кругом и вернулся домой. Но сына не было, а времени прошло много. Значит, Тимоша ушел дальше земли, он ушел туда, где летят звезды, и он вернется, когда обойдет весь круг неба. Она выходила ночью, садилась на камень около хижин и глядела в небо. И ей чудилось, что она видит своего сына бегущим в Млечном пути.

Мать тихо говорила:

— Вернись, Тимоша, домой, уже пора... Зачем тебе бабочки, зачем тебе горы и небо? Пусть будут и бабочки, и горы, и звезды, и ты будешь со мною! А то тыловишь бабочек, а они умирают, ты поймаешь звезду, а она

потемнеет. Не надо, пусть все будет, тогда и ты будешь.

А сын ее в то время по песчинке разрушал гору, и сердце его томилось по матери.

Но гора была велика, жизнь проходила, и Тимоша стал стариком.

* * *

И вот однажды наступил его срок. Он услышал изнутри каменной горы, как загремело ведро. Тимоша по звуку узнал, что это было их ведро, ведро его матери, и закричал, чтоб его услышали. И правда, это была мать Тимоши, пришедшая за водой; она брала теперь всего четверть ведра, потому что больше не могла унести.

Мать услышала, что кто-то кричит из горы, но не узнала голоса своего сына.

— Ты кто там? — спросила она.

Тимоша узнал голос матери и ответил:

— Мама, я забыл, кто я.

Мать опустила на каменную землю и прильнула к ней лицом.

Сын обрушил последние камни в горе и вышел на свет к матери. Но он не увидел ее, потому что ослеп внутри каменной горы. Старая Ани-ся поднялась к сыну и увидела перед собой старика. Она обняла его и сказала:

— Родила я тебя, а ты ушел. Не вырастила я тебя, не попитала и поласкать не успела...

Тимоша припал к маленькой, слабой матери и услышал, как бьется ее сердце.

— Мама, я теперь всегда с тобой буду!

— Да ведь старая я стала, полтора века прожила, чтоб тебя дожидаться, и ты уж старый. Умру я скоро и не полюбуюсь тобой.

Мать прижала его к своей груди; она хотела, чтобы все дыхание ее жизни перешло к сыну, и чтобы любовь ее стала его силой и жизнью.

И она почувствовала, что Тимоша ее стал легким. Она увидела, что держит его на руках, и он был теперь опять маленьким, каким был тогда, когда убежал за разноцветной бабочкой. Жизнь ее любовью перешла к сыну.

Старая мать вздохнула последним счастливым дыханием, оставила сына и умерла.

Рисунки Т. Капустиной

РАСКОПКИ УВЕНЧАЛИСЬ УСПЕХОМ! УДИВИТЕЛЬНАЯ НАХОДКА АРХЕОЛОГОВ В СТАРЫХ ПЕТУШКАХ!

„ТАЙНА СТАРОПЕТУШКОВСКИХ РУКОПИСЕЙ БУДЕТ РАСКРЫТА!“

— утверждает академик Игнатьев-Михайловский

ВСЕМИРНАЯ ВЕЧЁРКА

Год издания 9965-й
№ 10 (3627260)

1 МАРТА 11965 ГОДА

БЕСПЛАТНО

Экстренный
выпуск

ВСЕМ

ВСЕМ

ВСЕМ

ТАЗ (Телеграфное Агентство Земли). 1 марта. Группой археологов, ведущей раскопки в районе г. Старые Петушки, обнаружен саркофаг, содержащий рукописи, написанные на неизвестном науке диалекте древнерусского языка.

УЧЕНЫЕ ТЕРЯЮТСЯ В ДОГАДКАХ

(Интервью в районе раскопок)

Герой
Старых и Новых
Петушков —
Игнатьев-Михайловский

Наш корреспондент обратился к академику Игнатьеву-Михайловскому с просьбой рассказать о находках.

ВОПРОС: К какому времени относятся обнаруженные Вами рукописи?

ОТВЕТ: Только что получены результаты анализа из Института исторической химии. Находки датируются серединой 20 века. Это небольшие клочки бумаги в синюю клетку. В деревянном саркофаге найдено также металлическое перо и кусок резины, употреблявшийся в древности для стирания записей.

ВОПРОС: Нам стало известно, что многие слова непонятны, и в ученом мире возникли разные гипотезы. Какова Ваша точка зрения?

ОТВЕТ: С удовольствием изложу ее. Например, текст А: «Васька, учила разоряется, а мне до лампочки». Лампочка — это примитивный осветительный прибор той эпохи. «Разоряться» —

глагол из обихода капиталистического мира. Он означает: терять имущество. Я думаю, что мы находимся на пороге великого открытия. Перед нами глательная форма, не упомянутая ни в одном учебнике древности! «Учила разоряется», «пела играет», «смеялась идет» и т. д. и т. п. Есть над чем задуматься лучшим умам человечества!

Теперь о рукописи Б. Ее писали двое. Один: «Саня, пешу будем доводить?» Рукокой второго написано: «Что я, чокнутый?» Раскрыть содержание первой части не составляет труда. «Доводить пеш(к?)у» — это знакомо и современным шахматистам — превращать пешку в ферзя. Загадочно слово «чокнутый». Мы обратились к словарям: «чокаться» — вредный обычай прошлого. Чокаться — значит сдвигать стеклянные сосуды с напитками так, чтобы раздавался звон. Почему выше-

упомянутый Саня сравнивал себя со стеклянным сосудом — неясно. Этот вопрос еще ждет своего исследователя.

Легко расшифровывается рукопись В: «Ты что, офонарел? Закрой свою форточку!» «Офонареть» — приобрести «фонарь», карманную лампочку (см. выше). «Форточка» — стеклянная дверца в окне. Обратите внимание, здесь сказано: «свою форточку». Очевидно, личные форточки исчезли не в XX веке, как считали до сих пор, а несколько позже.

ВОПРОС: В саркофаге обнаружена также обложка старинной книги под названием «Три мушкетера». Интересно ли эта находка?

ОТВЕТ: На обложке есть любопытная надпись, сделанная чернилами: «Васька, законная книга!» Очевидно, перед нами обложка «законной книги» XX века, то есть сборника законов, правил поведения и т. д.

ОТКЛИКИ ВСЕЛЕННОЙ

А Я ПРОТИВ!

Коллега Игнатьев-Михайловский неправ! Я сорок лет изучаю русский язык XX века по лучшим образцам художественной литературы и утверждаю, что таких слов, как «чокнутый», «офонареть» и т. д. разумные человеческие существа не употребляли. Как же решается старопетушковская загадка? Может быть, наряду с разумными существами в ту эпоху жили и неразумные?

Академик Л. Кокодаева

ОДА ИСТОРИИ

Таинственные древние слои,
Как долго вашу тайну мы искали!
... Там чокнутые прадеды мои,
Офонарев, до лампочек скакали!
Распахивались форточек ряды,
И разорялась грозная учила,
И пешу, позабывшую ходы,
Таинственная сила доводила...

Поэт Лев Губкин

БУДЕМ ПРЫГАТЬ ДО ЛАМПОЧКИ!

«До лампочки»... Как просто и как загадочно. В XX веке по свидетельству историков архитектуры лампочки подвешивались на высоте 2,5 метров, а в отдельных случаях на высоте 4—5 метров и выше. Как приятно сознавать, что прыгуны древности уже пытались достичь высот, которые сейчас доступны каждому школьнику.

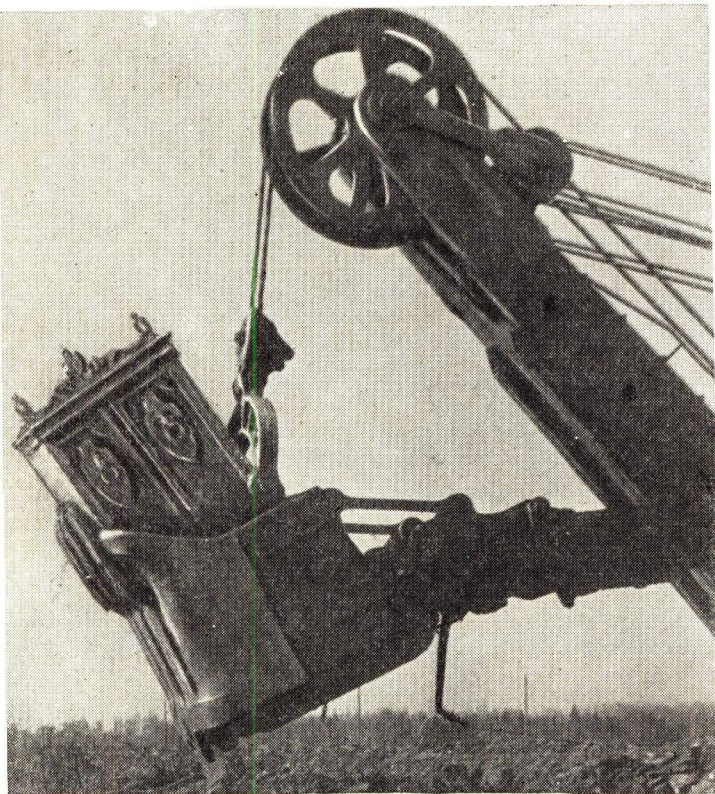
Антон Юркин, заслуженный
тренер Галактики

НЕ ТОТ СЛОЙ

Мне как археологу пришлось немало порыться в культурном слое XX века. В культурном слое я ни разу не встречал выражений, подобных находкам Игнатьева-Михайловского. Может быть, следует обратиться к другим слоям? Например, к некультурному слою той же эпохи?

Профессор Э. Ф. Рос

Фотографии Ефима Бритова.

Момент раскопок. Извлечение саркофага из раскопа

ОТКЛИКИ ВСЕЛЕННОЙ

ИЗ АРХИВА ПОЧЕТНОГО ПИОНЕРА

У нас в школе был сбор под названием «Наши далекие предки». К нам в гости пришел последний оставшийся в живых житель Старых Петушков Иван Иванович Резервицкий. Почетный пионер еще помнит те времена, когда в Старых Петушках было метро. Иван Иванович разыскал в семейном архиве школь-

ный дневник своего прапрадеда, который со слов своей бабушки записал, как сносили старую школу в ее родном городе. Мы провели пионерскую разведку и думаем, что старая школа была как раз на том месте, где ведет свои раскопки экспедиция Игнатьева-Михайловского.

Председатель совета дружины
Ново-Петушковской школы Володя Спешигин

НЕ ГРАММАТИКА, А ПОЛИТИКА!

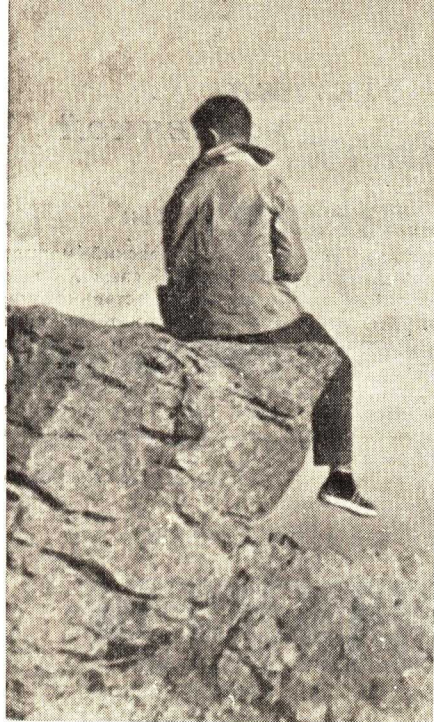
Академик Игнатьев-Михайловский объясняет выражение «учила разоряется» с точки зрения грамматики. Наш институт склонен думать, что дело гораздо глубже. Некто в шифрованном письме сообщает свое-

му корреспонденту Васильке о крахе капиталистической фирмы «Учила» по производству лампочек. Таким образом, находка носит ярко выраженную политическую окраску.

Директор института Космической политики М. Ю. Серафимов

ОТ РЕДАКЦИИ «КОСТРА».

Мы напечатали эту газету-фельетон для того, чтобы такой «экстренный выпуск» никогда не появился в действительности. Долой слова-сорняки!

Встреча в Артеке

Коля Дмитриев живет в Кемерово, Ира Поджигина — в Иванове, Алишер Юнусов — в Фергане, Оля Сергиенко — в Воронежской области, а Валя Сигачева и ее друзья — в Тамбовской. Все они до сих пор знали друг друга заочно, по журналу, а в этот погожий октябрьский день познакомились и подружились по-настоящему. Где? На берегу Черного моря, в Артеке. Именно там состоялся первый в истории «Костра» слет юнкоров, победителей конкурса 1964 года.

Ровно в десять часов утра юнкоровский автобус, грозно урча, начал подъем по извилистым крымским дорогам. Все выше, выше... Цель — Беседка Ветров. Пассажиры не скучают, каждый рассказывает о себе, о своем лагере (все попали в разные лагеря: кто в Лазурный, кто в Морской, а кто в Горный), о своем родном городе и селе. И, конечно, поют песни.

Подъем. Поворот за поворотом. Все выше взбирается автобус, все нутжнее гудит мотор. Далеко внизу поблескивает под солнцем море и вьется серая ленточка шоссе. Машина идет вдоль глубокого ущелья. Уч-Кош! Вылезай!

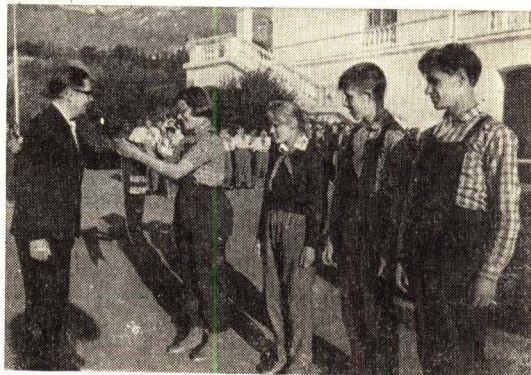
Ребята выскочили из автобуса и... провалились. Под ногами почти метровый ковер сухих листьев.

В этой труднодоступной горной местности во время Отечественной войны жили партизаны. Юнкоры осматривают блиндажи, читают полустертые надписи, датированные сороковыми годами. Вдруг из-под настила одного из блиндажей выскочил заяц. Неплохой дом выбрал себе кошой!

У гранитного обелиска, где когда-то шел жаркий бой с фашистами, остановились. Минута молчания. И снова в путь.

...1200, 1300, 1470 метров над уровнем моря. Над головой — вершина горы Демир-Хану, а внизу — беспредельное море. В ущелье неожиданно вползают белые клубящиеся облака, и чудесная панорама исчезает. Холодные порывы ветра гонят путешественников прочь. Разведчики, вперед! Срочно найти место для привала!

Через десять минут все собираются в уютном прикрытом скалами уголке, который тут же нарекли «ущельем Костра». Костер тоже не заставил себя долго ждать. Весело затрещал

Заместитель редактора «Костра» Ю. А. Юркан вручает вымпел «Юнкорам-гайдаровцам» Вале Сигачевой и ее друзьям

У костра в ущелье «Костра». Слева направо: Коля Дмитриев, Алишер Юнусов, Ира Поджигина, Оля Сергиенко, поэт Леонард Кондрашенко, Виктор Никитин. Вторая справа — Луиза Палагина из Санчурска Кировской области.

хворост, и над ущельем полилась легкая мелодия: это Алишер Юнусов взял в руки свой рубаб.

На слете было решено оставить в ущелье письмо-наказ будущим юнкорам и друзьям «Костра». Тут же коллективно составили письмо, все поставили свои подписи и, положив письмо в стеклянную банку из-под консервов, спрятали в укромном месте. А другое письмо решили напечатать в журнале. Вот оно:

«Ребята! Если вам придется побывать в Крыму и подняться в горы к Беседке Ветров, разыщите наше письмо, прочтите его и оставьте в тайнике и свою запи-

ску. Будьте осторожны и внимательны: пещера глубока, спуск обрывист! Вот координаты нашего тайника: от Беседки Ветров к ущелью «Костра» надо идти так: азимут 270° , шагов 150—200, азимут 180° , шагов 60—80, азимут 90° , шагов 40. Вход в пещеру, где хранится письмо, находится в северной отвесной скале. От гряды камней, пересекающих ущелье, до входа в пещеру — 22 шага на запад, а в глубину пещеры — 12 шагов.

О своем путешествии в ущелье «Костра» обязательно напишите в редакцию. Счастливого вам пути!»

Участники I слета юнкоров «Костра»

ТЕЛЕВИЗОР МОЗГА

Мозг, подобно зеркалу, отражает то, что делает человек. Постоянно в человеческом организме и в головном мозгу человека возникают электрические колебания. Это очень малые токи, их принято называть биологическими, или биотоками.

Электрические колебания в коре головного мозга говорят о состоянии человеческого организма. Если человек здоров, спокоен, характер колебаний равномерен. При заболеваниях мозга появляются особые по форме электрические колебания.

Иногда регулярные колебания в мозгу здорового человека исчезают, заменяются более сложными. Это означает, что человек вспомнил о чем-то, сделал какое-то движение, понервничал, может быть. Мозг — очень чувствительное зеркало, ничто не проходит для него бесследно.

Первые опыты по улавливанию биотоков проводились на собаках и требовали серьезной операции. Вскрывали черепную коробку собаки, чтобы ввести под нее электроды.

Теперь исследования безболезненны. Человек садится в удобное кресло. На голове его с помощью резинок укрепляют легкие электроды. Еще не так давно присоединяли только два электрода. Ныне с помощью прибора, сконструированного советским ученым М. Н. Ливановым и инженером В. М. Ананьевым, присоединяют не два, а пятьдесят электродов, и одновременно с пятидесятью точками коры головного мозга поступают «донесения».

Новый прибор можно назвать «телевизором

мозга». Мозг посылает биотоки в «телевизор», на экране возникают вспышки, светящиеся точки. Пятьдесят точек, столько, сколько электродов присоединено к голове человека.

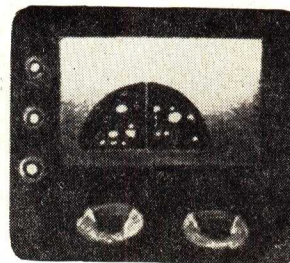
Отчего возникают светящиеся точки?

Врач предложил исследуемому решить арифметическую задачу. И сразу же появились на экране прибора первые вспышки. Задача решена — вспышки прекратились. Это происходит быстро. Неуловимо быстро для человеческого глаза. Точки начинают светиться одна за другой, но перерыв почти незаметен, поэтому кажется, что свечение непрерывно. Только яркость свечения меняется. Ученые следят за чередованием светящихся — возбужденных и заторможенных участков коры.

«Если бы можно было видеть через черепную крышку и если бы место больших полушарий с оптимальной (наилучшей) возбудимостью светилось, — предвидел академик И. П. Павлов, — то мы увидели бы на думающем сознательном человеке, как по его большим полушариям передвигается постоянно меняющееся... светлое пятно, окруженное на всем остальном пространстве полушарий более или менее значительной тенью».

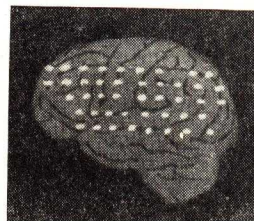
Примерно такую же картину наблюдают на экране «телевизора мозга», когда человек решает арифметическую задачу. Видны пять рядов по десять светящихся точек. В процессе решения задачи ряды передвигаются. Некоторые точки принимают причудливые неправильные очертания. Значит, благодаря новому прибору удастся в какой-то степени заглянуть сквозь черепную крышку.

Токи человеческого организма не только улавливают, но и записыва-

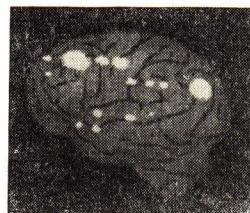

Пульт управления усилителя биотоков

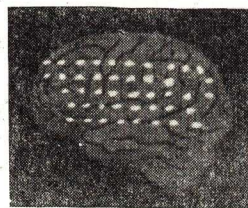
ют: от электродов идут провода к усилителю, а через него к записывающему прибору. С помощью громкоговорителя электрические колебания организма можно воспринимать на слух.

Биотоки мозга на экране «телевизора» перед решением задачи

... в момент решения

... после решения.

Записи колебаний, возникающих в организме человека, дают науке не-

обходимые сведения о деятельности человеческого организма, помогают найти пути борьбы с болезнями. Удалось выяснить любопытные вещи. Оказывается, на колебания в мозгу спящего человека не влияет шум машин на улице, но может повлиять гораздо более слабый шорох бумаги, производимый в комнате другим человеком. Уже давно было известно о «сторожевых пунктах» в мозгу, о «бодрствующих» даже во время сна человека участках мозга. Теперь это подтверждается многими исследованиями.

Мать, спящая в соседней комнате, услышит слабый плач ребенка и может не проснуться от... пушечной пальбы. Рассказывают, что в консерватории когда-то был знаменитый настройщик инструментов. Старик обычно дремал на репетициях до тех пор, пока не раздавалась фальшивая нота. Тут он просыпался, обеспокоенный тем, что инструмент настроен им плохо...

Интересно будущее изучения биотоков. Вполне реально создание прибора, на экранах которого в зависимости от сложности электрических колебаний, будут появляться точки разного цвета. И точек будет при этом уже не пятьдесят, как теперь, а гораздо больше. Можно будет судить еще более полно о том, как работает кора головного мозга человека.

М. Канторович, кандидат медицинских наук

Гулоб Шаншоев — друг пограничников

А. Демочкин

Рисунок Т. Ксенофонтова

Гулоб Шаншоев вбил себе в голову, что будет пограничником. Он по целым дням торчит на заставе, бегает за солдатами, просит поддержать автомат, прячется в конюшне, чтоб полюбоваться стройными лошадьми.

Надоел пограничникам Гулоб, вечно вертится под ногами. Но стоит ему не прийти на заставу, как солдаты начинают спрашивать друг у друга: «Где Гулоб? Не видел Гулоба?..»

Однажды наш старшина подарил Гулобу щенка от настоящей пограничной овчарки.

Гулоб шел домой, крепко прижимая к груди свой подарок, и думал, как обрадуется сестренка. Еще у калитки он закричал:

— Районгуль, угадай, что у меня есть!

— Воробей!

— Нет!

— Куропатка?

— Нет!

— Заяц, мышь, котенок???

— Нет, нет, нет!

— Врешь ты все, — надулась Районгуль.

— А ну, закрой глаза, — сказал Гулоб и достал из-за пазухи щенка. Районгуль так и завизжала от радости.

Ребята называли щенка Барсом. Барс доставлял немало хлопот: то ботинки затащит куда-нибудь, то веник растреплет. А один раз вертелся около таза с водой, видно, пить хотел. Стал на задние лапы, а до воды

еще далеко, подтянулся еще немного, голова перевесила, и кувырнулся щенок в таз. На счастье, Районгуль была неподалеку, вытащила озорника из воды.

Щенок подрастал. Гулоб достал ему настоящий ошейник, на ночь привязывал его на улице к дуvalu, «чтоб не боялся волков». Старшина заставы Николай Арифудин решил обучить собаку навыкам задержания нарушителя, а Гулоба — правилам дрессировки.

Собака оказалась на редкость смысленной. Барс понимал Гулоба с одного слова. На почтальона он никогда не лаял, будто понимал, что тот был желанным в доме. Все чаще уходил мальчишка с собакой далеко от дома вдоль границы. Иногда брал с собой и Районгуль. Втроем веселей. Гулоб отпускал собаку, и та степенно бежала по дороге, обнюхивая каждый предмет, каждый камень, попадавшийся ей на пути.

Однажды ребята оказались в стороне от привычных мест. Барс вначале шел хорошо, играл с Районгуль, которая подкармливала его свежей рыбой прямо с руки. Но вот возле одного из камней Барс остановился, жалобно завыл и посмотрел в сторону Гулоба. Мальчик подбежал к камню, осмотрел его со всех сторон, внимательно исследовал траву, как учили пограничники. Вдруг взгляд его упал на свежие песчинки, резко выделявшиеся на фоне зеленой травы. Гулоб стал разрывать землю вокруг камня. Рука нащупала металлический предмет. Это была баночка из-под леденцов. Мальчик попытался открыть ее. Крышка не поддавалась. Тогда он достал из кармана перочинный нож, с которым никогда не расставался, и осторожно приподнял крышку. В коробке ничего не было, кроме клочка газетной бумаги. Гулоб стал вертеть бумажку в руках, нюхать ее. По углам листка чернилами была выведена буква «в», в одном уголке стояли две единицы, а еще в одном месте — цифра «5». У Гулоба перехватило дыхание: наверно, шифр!

Он закрыл коробку, положил на старое место, закопал. Не забыл стряхнуть землю с травы. Словом, все сделал так, будто никто в тайник не лазил.

Пять дней прятался Гулоб за камнями, наблюдая за тайником. Никто не приходил, и коробка оставалась на месте. Теперь Гулоб даже радовался, что не сообщил о находке пограничникам. Еще смеяться стали бы...

К вечеру пятого дня, когда Гулоб, Районгуль и Барс играли между камнями, со стороны реки послы-

шался плеск. Ребята прекратили игру и осторожно выглянули из своего укрытия. С противоположной стороны, разгребая руками бурлящие волны, шел человек. На голове у незнакомца был небольшой сверток. Сам он был в грубой суконной одежде, напоминавшей халат.

— Ой, кто это! — вскрикнула Районгуль.

— Тише ты, куропатка! — остановил сестру Гулоб, — беги на заставу!

— Я быстро! — обрадовалась Районгуль. Она думала, что брат играет с ней.

— Старшине скажи! — шепнул Гулоб. Районгуль кивнула и исчезла среди камней.

Тем временем незнакомец подходил к берегу. Гулоб, лежа за камнем, уже различал его воспаленные глаза, слышал неровное дыхание. Вот он ступил на берег, оглянулся, стал снимать мокрую одежду. Свернул ее в узел и бросил в кусты. Гулоб весь сжался, даже дышать перестал. Барс, будто понимая всю ответственность момента, строго смотрел в сторону берега и молчал.

И только тогда, когда человек переоделся, сделал несколько шагов к заветному камню, нагнулся и протянул руку к тайнику, Гулоб резко скомандовал: «Барс, бери!», еще не веря, выполнит ли собака его команду.

Барс выскочил из-за укрытия и мертвой хваткой вцепился в руку незнакомца. Гулоб, зажав в кулаке острый камень, подскочил к человеку и приказал лежать. Тот лежал неподвижно, прикрыв лицо свободной рукой. Стоило ему чуть-чуть пошевелиться, сдавленное рычание Барса останавливало его.

Вот тут-то и натерпелся Гулоб страху, вот тут-то и выдержал он свой первый экзамен на пограничника, пока целых пятьдесят минут стоял над незнакомцем, подняв руку с камнем, не смея ни обернуться, ни пошевелиться.

Только когда на берегу появилась новенькая машина пограничников, Гулоб скомандовал нарушителю «встать» и повел его навстречу своим друзьям.

Так с помощью Гулоба Шаншоева и его верного Барса был задержан нарушитель государственной границы и раскрыт тайник.

Теперь Гулоба не ругают за то, что он все лето вертится на заставе. Его приняли в боевой отряд юных друзей пограничников, и он изучает боевое оружие.

И это еще не все. Сам генерал прислал в подарок Гулобу новенький блестящий велосипед.

Памир.

ПОВСТРЕЧАЛИСЬ ПОВАРА

Сергей Погореловский

— Как живешь, товарищ?
Что печешь
Да варишь?

— Я в тайге все лето жил,
С лесорубами дружил.
Жарил им все лето
Гуляши, котлеты.

Комаришки тучей
Налетали жгучей.
Отбивался я, как мог,
У плиты я — прыг да скок.
Прыг да скок,
Прыг да скок, —
Но обед готовил в срок.

Ел народ гуляши,
Говорил:

— Хороши!..
Хороши гуляши,
Хороши котлеты!
И балеты хороши,
Хороши балеты!

Рисунок В. Василевича

— И у нас балеты в моде.
(Я — моряк, я — повар-кок)
Заштормит, —
На теплоходе
Вся посуда прыг да скок!

Поползла сковорода,
Едет в чане тесто.
Эй, голубчики, куда?!
Ну-ка, марш на место!

Борщ беснуется, бушует,
Ух, ему и покажу я!
Как прихлопну
Крышкой вдруг:
Успокойся, милый друг!

Хоть и трудно коку,
Все поспеет к сроку.
Скажут в кубрике:
— Вкусней
Не бывало, право!
Укротителю борщей —
Слава, слава, слава!

ЦЕНА БЕССМЕРТИЯ

А. Шалимов

Рисунки С. Острова

Од вскочил и бросился к стабилизатору. Плоская башня уходила в небо к гигантскому кольцу стартовой ракеты. Входное отверстие плотно закрыто. Од пытается ощупью найти рычаг или клавишу. Их нет.

«Что же делать? Как проникнуть внутрь? Убегают бесценные минуты...»

За стабилизатором на противоположной стороне стартовой площадки слышно какое-то движение, звонкая поступь металлических ног... Роботы?

Темная фигура появилась совсем близко. Од поднимает лучевой пистолет... Но это Ия.

— Что случилось, Од? — слышит он ее голос в разговорном диске шлема.

— Не могу открыть люка! — в отчаянии кричит Од.

— Я забыла сказать... — Ия наклоняется, шарит вниз в песке. Стальная плита бесшумно уходит в сторону.

— Спешу, Од, я буду ждать здесь. Спешу... Робот, который преследовал меня, вдруг повернулся и побежал куда-то. Похоже, что они получили приказ покинуть посты. Торопись, Од...

Од исчезает в овальном отверстии люка.

Ия ждет, прислонившись к отполированной поверхности стабилизатора.

Проходит минута, две, три... Од, без сомнения, уже миновал камеры сгорания. Еще недолго и все кончится.

«Скорей, Од, скорей, — молит Ия, сжимая пальцы. — Может быть, эта безумная затея удастся. Мауна будет спасена, и они с Одом останутся живы. Скорее, мой Од!»

Нет... Не удалось...

Яркий свет заливает стартовую площадку. Их заметили.

«Неужели конец всему?..»

Ия метнулась в тень стабилизатора. Сейчас ее не видно с Поста управления...

Но прятаться нельзя. Если поднялась тревога, старт может быть дан каждую секунду. А там внутри Од. Он еще ничего не знает...

Окончание. См. «Костер» №№ 1, 2, 1965 г.

«Надо привлечь к себе их внимание, — думает Ия. — Может быть, ее узнают, и тогда Председатель не нажмет стартовую кнопку. Может быть, она отвлечет их, и Од удастся незаметно скрыться...»

Не раздумывая больше, Ия выбегает на ярко освещенную площадку, прямо под стартовые воронки ракеты.

В подземном зале, глубоко укрытом на окраине космодрома, перед экранами управления — Председатель Совета, Главный астроном, главный кибернетик и еще несколько энов. Они молча сидят в глубоких креслах, поставленных полукругом перед центральным экраном. На экране темные контуры космического корабля. Время от времени Председатель бросает взгляд на светящиеся указатели пульта управления.

Один из энов нарушает молчание:

— Правильно, что в официальном сообщении названо более позднее время старта. К утру могут начаться демонстрации... Сколько осталось?

— Час двенадцать минут, — отвечает кто-то.

— Старт можно произвести в любой момент, — скрипучим голосом замечает Главный кибернетик. — Не так ли, отец астрономии?

Главный астроном молча кивает.

— Надо сначала убрать роботов охраны, — говорит Председатель. — Полчаса им будет достаточно, чтобы укрыться.

— Пусть горят, — скрипит Главный кибернетик. — То, что улетит, стоит дороже.

— У нас осталось не так много роботов, — возражает Председатель. — К чему бессмысленное расточительство? Мы сейчас лишены возможности производить новых.

— Убрать роботов, — значит оставить на какое-то время корабль без защиты, — продолжает брюзжать кибернетик. — Нет гарантии, что на нашей планете не найдется фанатика... Слышали вчера реакцию на Чрезвы-

чайное сообщение о Великом опыте? Многие, о, многие возражали и весьма резко. Вспоминали Ассистента Ода. Кругу Жизни и Смерти стоит призадуматься. А тут, — старик указал на экран, — поставлено на карту все. Аннигилина на Эне больше не осталось. Между прочим, отец астрономии, если промахнемся, повторить Великий Опыт уже не сможем. Это, конечно, тайна Круга Жизни и Смерти, но здесь — все свои... Если промахнемся, Реакторы бессмертия через несколько лет придется остановить... Понимаете, что это означает?..

— Промахнуться не можем, — резко говорит Председатель. — Все рассчитано предельно точно. Проверено много раз. В полете воз-

можно корректура траектории. Мы поставили на карту все, но действуем наверняка. Приборы абсолютно надежны...

— Не нравится мне только последний «прибор», погруженный вчера, — ворчит кибернетик. — Зачем? Кому это надо?..

— Довольно, — предупреждает Председатель. — Даже в этом кругу ни слова. Этой темы не касаться, бессмертные эны.

— Не касаться так не касаться... Но все равно абсурд!

— Сколько осталось?

— Час семь минут...

— Зачем тянуть! Какое значение имеет час?

— Это один из точно рассчитанных моментов взлета. Если будет выдержан, корректура в пути вообще не потребуется.

— Можно позднее внести поправки.

— Куда вы спешите?..

Главный астроном рассеянно слушает обрывки фраз. Мысли его далеко.

«Почему Ия не возвратилась? А может быть, ее куда-то послал Председатель?.. Вчера он не вспоминал о ней... И Малый спутник молчит. Од не ответил на вызовы... Неужели он совершил ошибку, послав Ию на спутник? Нет, нет!.. Чрезвычайное сообщение было передано восемь часов назад. За это время Од успел бы вернуться... Страшно подумать, что произошло бы... Ия любит его... Может быть, они просто захотели провести несколько дней вдвоем там — вдалеке от Эны.

Если бы было так... Как тихо... И как невыносимо медленно тянется время».

— Пора убирать роботов, — это сказал Председатель.

Вокруг зашевелились. Председатель склонился над клавишами пульта.

На экране началось движение. Массивные металлические тела на высоких кольчатых ногах с длинными лапами-клешнями появились из темноты. Они, словно в нерешительности, затоптались на освещенной инфракрасными излучателями площадке между гигантскими ногами-стабилизаторами космического корабля. Конические головы роботов были украшены высокими зубчатыми гребнями. Маленькие глазки горели, словно раскаленные угли.

— Восемь, девять, — считал кибернетик. — Должен быть еще один... И это называется программированием! Они едва реагируют на сигналы.

— Устаревшие модели...

Роботы построились парами и маршировали на месте, готовясь уйти.

— Надо включить полный свет, — проворчал кибернетик, — и осмотреть всю площадку.

— Вот последний, — тихо сказал Председатель.

Из темноты появился еще один металлический страж и неторопливо заковылял к остальным.

— Теперь все. Скомандуйте им «бегом», Председатель!

— Все команды даны.

— Однако они не торопятся их выполнять.

— Не кажется ли вам, что они чем-то встревожены?

— Вздор! Это наши нервы напряжены. Впрочем, скоро конец... Осталось сорок минут.

Маршируя парами, роботы медленно покидали стартовую площадку. Опоздавший робот ковылял в последней шеренге. Он крутил конической головой; красноватые точки глаз ярко вспыхивали и пригасали. Казалось, робот подмигивает наблюдающим за ним знам.

— Это он от смущения, что опоздал, — усмехнулся кто-то за спиной Главного астронома.

— Не нравится мне этот робот, — раздельно произнес Главный кибернетик.

— Прикажете проверить его и размонтировать, если понадобится, — сказал Председатель, не отрывая взгляда от центрального экрана. — Роботы — ваше дело... Через двадцать минут они все будут в укрытии, тогда...

— Поверьте, я не хуже вас знаю, что мне делать, — огрызнулся кибернетик. — А этот робот мне не нравится, повторяю... И не сле-

довало снимать их с постов до старта. Поставили на карту все, а хотим сэкономить на десятке старых роботов...

— Успокойтесь, вокруг пустыня... И, кроме того, бессмертные эны уже давно неспособны на риск. Они могут возмущаться, кричать, но рисковать своей бесценной жизнью...

— Сколько роботов было в охране? — быстро перебил один из энов.

— Ровно десять. Те, что ушли...

— А тогда кто же там остался?

— Где?

— Да вот там. Посмотрите на боковой экран...

Главный астроном, сидевший против бокового экрана, поднял глаза и... сразу все понял. Еще не успев отдать себе отчет, что теперь делать, он инстинктивно встал, закрыв собой экран.

— Где, где? — спрашивали вокруг.

— Да вот тут, на малом... Отец астрономии, посторонитесь, вы все заслонили.

— Сейчас, сфокусирую, — спокойно сказал Главный астроном и выключил экран. Две маленькие фигурки в скафандрах, копошившиеся возле одного из стабилизаторов космического корабля, исчезли.

— Регулируйте свои телескопы! — кричал Главный кибернетик. — А тут позвольте нам...

— Я тоже умею обходиться с этим, — медленно проговорил Главный астроном. — Сейчас... А что вы, собственно, увидели? Кажется, там ничего не было... «Безумцы, безумцы, — в отчаянии думал он, перебирая клавиши пульта, — безумцы, что вы натворили! Зачем вам это?..»

— Смотрите, тот робот возвращается! — крикнул кто-то.

Все взгляды снова обратились на центральный экран.

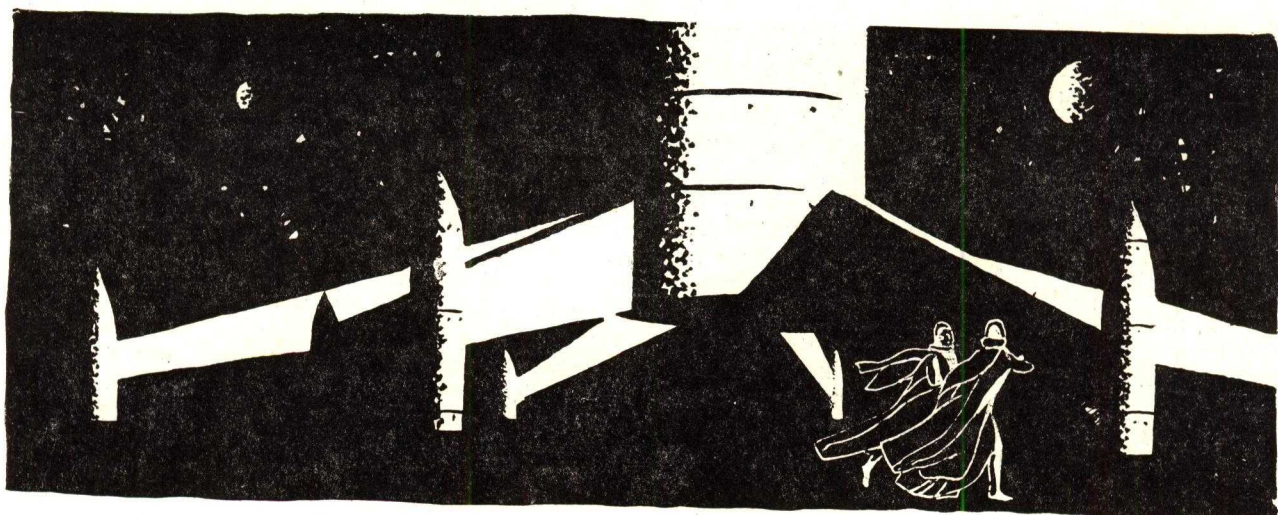
Подпрыгивая на полусогнутых ногах, робот выбежал на стартовую площадку и остановился, словно в нерешительности. Он настороженно вертел конической головой. Красные глазки горели, как раскаленные угли. Руки-клешни были растопырены.

— Полный свет, быстро! — крикнул Главный кибернетик.

Ярко полыхнули экраны. Поток зеленоватого света залил стартовую площадку. Переkreшивающиеся черные тени стабилизаторов легли на гладкую поверхность металлопласта. Ослепленный робот поспешно отступил к краю площадки.

— Мне показалось... — начал один из энов.

— Именно «показалось», — перебил Глав-

ный астроном. — Что там могло быть? Хотя, впрочем, может быть, этот бродячий робот...

Главный астроном включил боковой экран. Неторопливо фокусировал. В глубине экрана постепенно всплывал конический корпус корабля. Только корпус и тени ног-стабилизаторов на металлопласте. Возле стабилизатора никого не было.

Астроном медленно опустился в кресло. Ему казалось, что он задыхается. Кибернетик уставился на экран, потом смерил Главного астронома долгим испытующим взглядом, но ничего не сказал. Только пожевал тонкими синими губами и отвернулся к центральному экрану.

Главный астроном бросил быстрый взгляд на боковой экран.

«Яркий свет и тени... Может быть, ему показалось?..»

— Ничего не видно, — вздохнул сосед Главного астронома. — Как со стартом, Председатель?

— Двадцать пять минут...

— Девять роботов уже подходят к укрытию. А этого заблудившегося все равно придется сжечь. Он не успеет уйти. Интересно, что заставило его вернуться?..

— У него что-то не в порядке с настройкой, — сказал Главный астроном. — Попробуйте включить звуковой сигнал, предупреждающий о старте.

— А это зачем? — подозрительно спросил кибернетик. — Кого вы хотите предупредить?

— Вашего робота. Звуковой сигнал должен подействовать на его реле самозащиты. Может быть, он еще успеет скрыться.

— Вас так тревожит судьба этого робота?

Главный астроном устало пожал плечами.

— Звукового сигнала не будет, — объявил Председатель. — Осталось двадцать минут.

Все умолкли.

— Девятнадцать...

— Восемнадцать...

— А где же робот?

— Он должен быть сейчас на площадке прямо под дюзами стартовой ракеты. Он только что направился туда.

— Семнадцать минут...

Поле зрения центрального экрана снова переместилось. Теперь на экране был виден весь корабль, от массивных ног-стабилизаторов до конической вершины. В ярком свете блестели металлопластовые плиты стартовой площадки, на которые опирались стабилизаторы. Дальше все тонуло во мраке.

— Вот робот. Не ушел...

— А-а! Смотрите, там еще кто-то!..

Главный астроном принудил себя бросить взгляд на экран: «Ну конечно...» В глазах потемнело, пол начал уплывать из-под ног. «Неужели умираю?» — подумал он без страха. Он уже ничего не видел. Только слышал голоса вокруг. И они звучали, как удары огромного гонга.

— Так ведь это эн!..

— Эн в скафандре!

— Что это значит?

— Почему он здесь?

— Ну вот его-то я и видел! — торжествующе кричит кто-то. — Только мне показалось, что их было двое...

— Что же делать?..

— Может, это кто-нибудь из контрольных наблюдателей?..

— Кто бы ни был, он не смел появиться здесь.

— Смотрите, робот пытается схватить его. Вот почему он вернулся...

— Молодец робот!

— Как машет руками эн! Похоже, он хочет привлечь наше внимание. И робот отступает перед ним... Робот узнал его... Это кто-то из допущенных к тайне!.. Может быть, удастся спасти его?..

— Поздно, — звучит голос Председателя. —

Кто бы он ни был, он преступник. Сейчас он погибнет. Даю старт!..

Последним усилием воли Главный астроном размыкает веки и глядит не мигая на центральный экран.

Од стремительно бежит вверх по винтовой лестнице. Вот и похожая на огромную полу-

темную пещеру камера сгорания стартовой ракеты. Зияют черными провалами огромные отверстия, подводящие горючую смесь.

Од чувствует невольную дрожь.

В момент старта температура в этой темной пещере достигнет ста тысяч градусов и ее массивные жароустойчивые стены начнут испаряться.

«Вперед! Скорее вперед!..»

Узкий проход, ведущий из стартовой ракеты в космический корабль. Длинная винтовая лестница. Вверх, быстрее вверх! Здесь, за толстыми металлопластовыми стенами, находятся фотонные двигатели космического корабля. Выше все кабины заняты грузом аннигилина. Тысячи тонн аннигилина на одном корабле...

Наконец — центральный коридор верхней части корабля. Тут должны находиться кабины космонавтов. Сейчас здесь тоже сложен аннигилин. Некоторые кабины остались пустыми. Вот и аппаратная. В ней все, как было: экраны, контрольные приборы, главный пульт. Ярko горят глазки сигнальных ламп. Вот автопилот, соединенный с мощным приемником лучевой связи и реле времени.

Од протягивает руку к выключающему устройству, но, прежде чем пальцы успевают коснуться длинной изогнутой рукояти, невероятной силы удар сотрясает тело корабля. Неодолимая стремительная сила бросает Ода на эластичный пол кабины, вдавливая в этот пол, расплющивая скафандр, лишая дыхания.

«Красный вихрь» стартовал», — пронесется последний всплеск мысли в мозг Ода...

Главный астроном, не мигая, глядит на центральный экран. Все вокруг приобретает необычайную резкость и замедляет ритм движений, потом останавливается. Главный астроном чувствует, что сейчас разорвутся последние нити, связывающие его с окружающим миром. Он уже погружается в поток иного времени. Этот поток навсегда увлечет

его прочь из мира и времени Эны... Туда, где нет ни света, ни форм, ни мыслей, ни самого времени, лишь неощущаемая бесконечность небытия. Ему не жаль, что он уходит. Бессмертно лишь мертвое... Смерть — свойство живого... Он жил... И, словно последняя искра умирающих желаний, вспыхивает мысль!

«Успел ли Од? Удалось ли ему?..»

Остановившиеся глаза не мигая глядят на экран. Экран светлеет, белеет, загорается ослепляющим пламенем термоядерной реакции. Чудовищные струи раскаленной плазмы ударяют в стартовую площадку. Плавится камень и огромные металлопластовые плиты. Вихрь серебристого пепла взметнулся на месте робота. Взметнулся и исчез без следа. Ярче огненной плазмы вспыхнул скафандр эна. Вспыхнул и испарился. Призрак прекрасной женской фигуры среди бушующего пламени был последним образом, который унес с собой Главный астроном Эны из покидаемого им мира. И мысль: «Успел ли?..»

Вспышка в момент старта ослепила всех, кто находился в убежище. Когда они раскрыли глаза, на месте стартовой площадки бушевал огненный кратер, а ночное небо с померкшими звездами было перечеркнуто ярким бело-голубым хвостом, оставленным улетающей ракетой.

— Лети, лети, — пробормотал, потирая руки, Главный кибернетик. — Счастливой тебе дороги, вестник бессмертия... Председатель, а не Ассистент ли Од расстался с бессмертием там, под дюзами ракеты, в момент старта? Как вы думаете? И кто мог быть вторым?..

Председатель молчал. Он тоже думал, кто мог быть вторым... Он был так погружен в свои мысли, что даже не сразу понял, о чем шепчутся окружающие.

А они, глядя на неподвижное тело Главного астронома, шептали:

— Умер... умер во время старта... Как же так, бессмертные эны?..

„КРАСНЫЙ ВИХРЬ“ НЕСЕТСЯ ВПЕРЕД

Тело кажется невыносимо тяжелым. Каждое движение причиняет тупую пульсирующую боль. Легкие, сдавливаемые ускорением, не могут зачерпнуть воздуха. Еще не успев придти в себя, Од чувствует, что задыхается. Он срывает шлем скафандра, пытается чуть приподнять налитую свинцом голову. На пульте управления мигают разноцветные

глазки сигналов. Од хочет понять, о чем они сообщают... Если бы удалось добраться до пульта! Расстояние в несколько шагов при таком ускорении совершенно неодолимо...

«Они отправили корабль раньше назначенного срока. Обманули, потому что боялись... Ия погибла... Он один в этом гробу, начиненном смертью. Все впустую, если теперь

он не сможет добраться до пульта управления... Во имя жизни там, на далекой Мауне, в память Ии, отдавшей за мечту свое бессмертие, он должен... Должен сделать последние несколько шагов...

С необычайной отчетливостью Од вдруг понимает, что ради этих последних шагов своего пути он жил и боролся. Эти несколько шагов самые важные в жизни. Это шаги к подлинному бессмертию... Любой ценой он должен совершить их, чтобы не умерла жизнь на прекрасной, загадочной, далекой планете. Он не может их не сделать... Закрыв глаза и стиснув зубы от невыносимой боли, Од пытается ползти. Вперед, во что бы то ни стало, вперед... Проходят минуты, часы, может быть, дни времени Эны, а он все ползет, преодолевая пространство и время. Сознание покидает его и снова возвращается... «Красный вихрь» продолжает мчаться. Ускорение не уменьшается. Какую часть пути уже совершил корабль? Пальцы Ода скребут эластичную обивку пола... Какую часть своего пути совершил Од? Пространство и время давно исчезли. Они растворились в боли и цветных вспышках на пульте...

И потом в какой-то момент исчезнувшего времени последний бросок. Тело, чудовищно утяжеленное ускорением, падает на клавиши пульта. Негнущиеся пальцы неощущаемой руки отключают автопилот. Нити лучевой связи, протянутые к далекой Эне, рвутся. «Красный вихрь» стал неуправляемым...

И какое облегчение при мысли, что теперь можно умереть...

Но он не умер. Сознание возвратилось, когда исчезло ускорение и «Красный вихрь» перешел на свободный полет. Вернулось ощущение пространства и времени... Тело парит в воздухе. Вспыхивают и угасают огни на пульте. Од начинает читать их безмолвные сигналы. Там на Эне поняли, что вдруг утратили власть над кораблем. Там предпринимают отчаянные попытки, чтобы вернуть ее... Но они бессильны. С каждым мгновением «Красный вихрь» все больше отклоняется от своего точно рассчитанного пути. Никогда он не встретится с Мауной...

Ия погибла не напрасно, и Шу, и он, Од... Впрочем, он даже получил небольшую отсрочку...

Од взмахивает руками и подплывает к пульту. Включает поле искусственной гравитации, опускается в кресло. Если могучая жизнь дарит ему еще частицу времени, надо

подумать, как теперь поступить с «Красным вихрем». Эны, очутившись перед лицом неизбежной катастрофы, могут организовать погоню за «Вихрем». На Большом спутнике остались еще космические корабли... Вероятно, разумнее всего увести «Вихрь» далеко за пределы Системы и там включить детонаторы аннигилиновых зарядов...

Пальцы Ода нажимают клавиши пульта. Вычислительные машины получают приказ определить положение корабля и дальнейший путь. Уронив голову на руки, Од ждет ответа. Наконец ответ готов...

Од подносит к глазам ряды цифр. Пока он, преодолевая ускорение, полз к пульту управления корабля, «Красный вихрь» успел совершить свою гигантскую петлю за пределами Системы. Сейчас он мчится к Солнцу. Через несколько часов пересечет орбиту Мауны. Так как скорость корабля перестала возрастать, Мауна успеет уйти далеко от точки встречи. «Красный вихрь» минет Мауну на расстоянии, в сотни раз превышающем ее диаметр.

Од включает экраны внешнего наблюдения. Они освещаются. Од еще раз сможет увидеть свою мечту. Теперь вблизи...

Откинувшись в кресле, Од ждет. Голубоватозеленый диск далекой планеты, окруженный россыпью звезд, постепенно увеличивается в размерах.

В ритмическое позванивание счетчика времени вплетается какой-то посторонний звук. Од прислушивается. Похоже на далекий стук... Что это может быть? Ведь двигатели корабля выключены. Стук повторяется. Он доносится из коридора, ведущего в рубку управления.

Од встает из-за пульта и, придерживаясь руками за стену, медленно бредет в направлении стука. В коридоре стук слышен явственнее. Похоже, что он доносится из кабины в носовой части корабля. Удары следуют один за другим с небольшими промежутками.

Это здесь. Источник стука за этой дверью. Впрочем, двери тут сейчас нет. Раньше была, но теперь металлопласт двери и стены сплавлен широким швом.

«Замурованная дверь! — эта мысль заставляет Ода дрожать. — И за ней кто-то есть? Кто-то живой?»

Стук изнутри прекратился. Од изо всех сил трижды ударяет в то место, где была дверь. И слышит три слабых ответных удара.

Значит, он не один на «Красном вихре». Кто же там? Кричать и спрашивать сквозь стену бесполезно. Металлопласт непроницаем

для голоса. Перестукиваться долго. Корабль приближается к орбите Мауны... А тот, за замурованной дверью, быть может, нуждается в помощи?..

Од вспоминает о лучевом пистолете. Это единственный выход.

Пистолет в футляре на поясе скафандра. Од торопливо извлекает маленький блестящий цилиндр с изогнутой рукоятью. Отступив на несколько шагов от двери, направляет излучатель на заплавленный шов. Нажимает спуск. Тонкая шипящая струя белого пламени ударяет в металлопласт. Коридор заполняется голубоватым остро пахнущим паром. Светящиеся струйки металла стекают на темный пол и застывают, словно тонкий блестящий ледок. Горячего «льда» на полу становится все больше. Од чувствует его жар даже

сквозь теплонепроницаемую ткань скафандра. Клубы голубоватого пара густеют.

Од опускает пистолет и толкает нагретую дверь. Она заметно колеблется. Осталось еще немного. Снова вспыхивает струя ослепительного пламени, снова течет расплавленный металл. Пожалуй, довольно... Од вкладывает пистолет в футляр. Хочет подойти к двери, но она содрогается от удара изнутри, вываливается из нагретых, ставших пластичными пазов и падает на пол коридора, залитый уже застывшим металлом. Голубоватый пар постепенно рассеивается. В овальном проеме двери Од видит фигуру в длинном белом плаще. Это древний старик. Его угловатая, заросшая седой щетиной голова и изрытое глубокими морщинами лицо кажутся Одлу странно знакомыми.

Старик пристально глядит на Ода, не делая попытки переступить порог своей кабины.

— Кто вы? — спрашивает Од.

— У меня нет имени, — глухо отвечает старик. — Круг Жизни и Смерти лишил меня его. Лучше скажите, кто вы и откуда взялись. И где мы находимся?

— Это «Красный вихрь». А меня зовут Од — Ассистент Од.

Старик глядит с недоверием, и вдруг из его горла вырывается что-то похожее на смех.

— Невозможно... Невозможно!.. Разве прошли тысячелетия моего заточения тут? Я знал Ода... Он был молодым. Или все это сны... сны смерти?

— Как звали вас? — кричит Од.

— Там, на Эне, сотни или тысячи лет назад меня звали Шу...

— Шу, это вы! Что они сделали с вами?.. Не узнаете меня?.. Ведь я — Од! Од!..

— Нет, нет, — бормочет старик. — Од был молодым. Сотни, тысячи лет... И сны смерти...

— Очнитесь, Шу, постарайтесь узнать меня. Не более десяти дней минуло с момента старта «Красного вихря». Всего десять дней времени Эны... Неужели вы не узнаете меня?..

— Я не безумен, — медленно говорит старик. — Мой ум ясен. Я помню все... И если ты действительно Од... Вон застывший металл на полу. Он как зеркало. Вглядишься в свое изображение... Станешь ли ты и после этого утверждать, что прошло десять дней?.. И, значит, всего полгода с того часа, когда философ Шу и Ассистент Од сошли в подземелья Заки-оба?..

Пораженный словами старика, Од опускается на колени. Перед ним отражение в блестящей поверхности металла. Но кто это?.. Од с трудом удерживает восклицание ужаса. Отраженное в металле, на Ода глядит изможденное старческое лицо. Глубоко запали тусклые глаза, торчат клочья седых волос, заострился нос, бороздами темных морщин изрыты бледные восковые щеки...

— Что же это? — шепчут губы Ода.

В ответ звучит смех:

— Десять дней Эны... Ха-ха... Десять дней!..

Два глубоких старика склонились над внешним экраном космического корабля. Мауна приближается. В разрывах облаков уже видны блики света, отражаемые её океанами.

— Все труднее дышать, — бормочет один из стариков, не отрывая взгляда от экрана.

— Мы умираем, Ассистент Од, — шепчет другой. — Генераторы бессмертия далеко. Они остались на Эне. Вне поля их действия мы состарились стремительно. Десять дней, о которых ты говорил, стали для нас веками. Круг Жизни и Смерти знал, почему запрещает космические полеты... Полет это смерть. Они и приговорили меня к забвению и смерти... Бессмертие сделало энов пленниками своей планеты. В бессмертии главный источник всех наших бед и зол... Бессмертие означает прекращение развития. Всякого развития, Од. Став бессмертными, эны остановились, застыли... Бессмертие — смерть живого начала... Жизнь — развитие, творчество. А за тридцать веков бессмертия эны не создали ничего. Они лишь цеплялись за свое бессмертное существование, старались продлить его, сделать абсолютным. Величайшая из закономерностей природы оказалась нарушенной... Возмездие не заставит себя долго ждать.

— Может быть, они еще поймут, теперь... когда горячее Генераторов бессмертия на исходе... Может быть, еще не все потеряно, Шу...

— Может быть... Не все на Эне думают так, как думал старый Хор...

— Мауна приближается, Шу... Ты видишь?

— Да... И это все мы хотели уничтожить.

— Смотри!

— О!.. Их цивилизация очень высока...

— Но еще не достигла уровня Больших работ.

— Да, им еще многое предстоит перестроить.

— Лишь бы хватило разума и сил.

— Развитие жизни и развитие цивилизации — разные вещи. Жизнь развивается по сходным путям, цивилизация — разными. История Эны не обязательно должна являться правилом...

— Здравый смысл и логика жизни заставляют думать, что она — исключение... Ты видишь?

— Да... Поразительно!..

— Скоро расстояние начнет увеличиваться. Пошлем им прощальный привет, Шу.

— Это придется сделать тебе, Од. Силы покидают меня. Глаза перестают видеть.

— Подожди, Шу... Потерпи еще немного. Не оставляй меня одного... Сделаем последний шаг вместе...

— Торопись... Од... Можешь не успеть... И не забудь... дать последний приказ вычислительным машинам. Они должны включить детонаторы, когда... «Красный вихрь»... достигнет границ Системы. Проклятие должно быть

снято... Космический корабль... с таким грузом, как наш, не должен вращаться в Системе вечно...

— Ты прав, Шу... Шу, ты слышишь?.. Не слышит... Жители Мауны, примите прощаль-

ный привет и предупреждение братьев по разуму... Эстафета переходит к вам, жители Мауны. Вам нести факел жизни из нашей системы к иным мирам. Будьте мудры! Мудры!.. Мудры!..

НА МАУНЕ

— В потоке радиоизлучения эти сигналы были очень отчетливы, — взволнованно говорил ассистент. — Последний повторен трижды. Это не природное радиоизлучение...

— А что же, по-вашему? — вежливо улыбнулся астроном.

— Сигналы разумных существ.

— С иной планеты?

— Или с космического корабля, пролетавшего невдалеке от нашей. Источник сигналов смешался с большой угловой скоростью.

— Почему же ваши космические гости не удостоили нас визитом?

— Кто может знать, с какой целью они пролетали!

— Ну и фантазер же вы, дорогой мой. Передайте все эти данные электронно-счетным машинам. Пусть подвергнут всестороннему анализу...

— Анализ должны произвести прежде всего мы.

— Вы, кажется, его уже произвели и он... выглядит несколько неожиданно... Я больше полагаюсь на машины, дорогой коллега... И никогда не позволяйте чувствам опережать рассудок. Это скверная черта для будущего ученого. Мы с вами прекрасно знаем, что условия на остальных планетах Системы не таковы, чтобы там можно было предполагать наличие жизни, тем более высокоорганизованной разумной жизни.

— Мы еще не побывали там, профессор...

— Разумеется. И потому в своих суждениях должны оставаться на позициях науки, логики, смысла. Если пожелаете, мы еще вернемся к этой теме после получения результатов машинного анализа ваших сигналов. И, пожалуйста, никаких сенсационных интервью журналистам! За последние годы «космические утки» приняли угрожающие размеры. Нельзя опешлять науку...

За стенами радиообсерватории текла обычная жизнь... Трехмиллиардное население планеты, разбросанное по пяти континентам и тысячам островов, жило своими большими и малыми успехами и неудачами, надеждами, планами, свершениями. Его бесчисленные представители трудились и отдыхали, спали и бодрствовали, любили и ненавидели, готовились начать жизнь или проститься с ней... Они не сомневались в незыблемости своей колыбели. Их волновали другие вопросы: война и мир, болезни и голод, труды завтрашнего дня, проблемы будущего года... За ними была долгая история веков и поколений, а перед ними — неизведанные пути будущего. Какой путь изберут жители Мауны и куда он приведет их? Каждый путь имеет свое начало и свой конец. Бесконечны лишь пространство, время и жизнь. И бесконечен разум, если не заковать его в латы ограниченности, эгоизма, предубеждений...

Конец

НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ

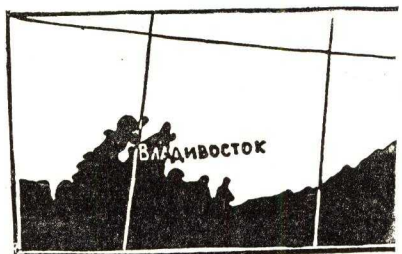
Николай Шорин

Это было в середине весны, когда вода в Ветлуге еще прибывала. Весна в тот год, надо сказать, была странная: сразухватила жаром, а затем сковала все льдом и только к концу отпустила.

Я возвращался с охоты берегом проточного озера. Вода в озере, как и в Ветлуге, второй день прибывала. Солнце сбросило наконец с себя мутную пелену холода. Вдруг над моей головой, крикнув по-утиному, с дерева сорвалась птица. Я опешил, даже не снял с плеча ружье. Да и как не опешить: утка на дереве?! Такого не бывает.

Подошел к дереву ближе, смотрю. У ног, в воде, залито утиное гнездо. Старое. Поднял голову вверх и в развилке ели увидел большое воронье гнездо. Я полез к нему, заглянул и несказанно удивился: в нем лежали четыре зеленоватых яичка. Утиные.

— Вот как, — рассудил я. — На второй этаж поднялась болотная птица. Время пришло, а у природы милостей не дождешься.

В редакцию
пришел
путешественник

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

В. Голявкин

Рисунки автора

ВЛАДИВОСТОК

Считается, Владивосток далеко. Когда-то, может быть, было и так. Но сейчас трудно с этим согласиться. Пока я почитал в самолете газету, пообедал, поспал, проснулся, позавтракал — я уже был во Владивостоке. Всего пятнадцать часов, а на карту посмотришь — такое громадное расстояние! Вот в какое удивительное время мы живем.

Мне понравился Владивосток. Это

очень красивый, своеобразный приморский город. Во Владивостоке очень красивая, я бы даже сказал, романтическая бухта. Я о ней написал так:

Висят над бухтой облака. Стоят на рейде корабли и пароходы. Стоят подъемные краны громадными силуэтами.

Небо и море спокойно.

Красива бухта «Золотой рог»!

Ветер гонит облака, и волнуется море. Качаются суда. Трепещут флаги.

И это красиво.

Туман окутывает бухту. Идет мелкий дождик, чуть-чуть сквозь туман и дождь видны пароходы, баржи, корабли и подъемные краны.

И опять красива бухта.

Идет дождь все сильнее и сильнее, и в тумане уже ничего не видно, словно скрылась красивая бухта.

И снова сверкает она на солнце. Дымы поднимаются в небо. Бороздят бухту суда.

Идет снег, и белеет бухта. Белы суда и сопки вокруг. И белое небо. А море серо.

И это очень красиво.

Встает солнце над бухтой, и бухта золотится.

Горят ночью огни судов. Отражаются огни в воде. Вся бухта в огнях — словно праздник.

И в дождь и в ветер, в солнце и в туман, и ночью и днем — всегда красива Владивостокская бухта.

ЗВЕЗДЫ

Навсегда мне запомнилась самая первая встреча с владивостокскими ребятами. Я только что приехал. Пошел к морю. В разговоре с этими ребятами вынул блокнот и стал записывать. Когда я кончил записывать, один из них говорит:

— А как вам нравится Советский Союз?

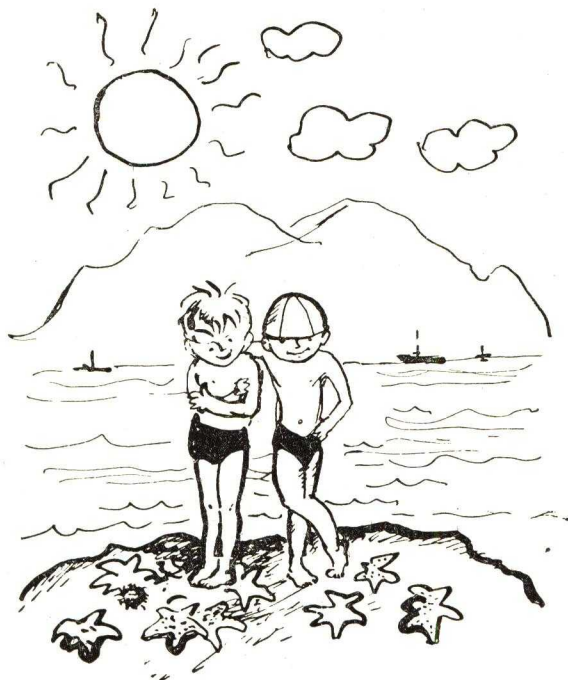
Надо ли говорить, как я удивился! Я этому мальчишке говорю:

— Да ты, брат, со мной, как с иностранцем, разговариваешь! Почему это ты вдруг решил, что я из другого государства?

Он мне говорит:

— А потому, что вы стали записывать. Я и подумал: или у вас памяти нет, или вы из другого государства.

После этих слов я свой блокнот спрятал. Надо сказать, я себя неприятно чувствовал. Как никак родил-

ся, вырос в Советском Союзе, никакого у меня желания нету иностранцем выглядеть. И насчет памяти тоже нельзя сказать, что у меня ее совсем нет.

Вид у меня был довольно обиженный, и я сказал: — Нехорошо, все-таки, ребята. Зовут меня Виктор Голявкин, написал я для вас несколько книжек, а вы меня за чужого принимаете...

Они даже расстроились, записывайте, говорят, мы просто не знали, хотите, мы вам что-нибудь еще расскажем. Отношения, в общем, наладились. Но все равно они какими-то виноватыми себя чувствовали. Я их, конечно, успокаиваю, да что вы, говорю, ребята, пустяки, какая ерунда, ах, оставьте и прочее.

Тогда один из них и говорит:

— Хотите, мы вам звезд натаскаем?

— Каких звезд? — спрашиваю.
 — Самых лучших, — говорят.
 — Как это понять? — говорю.
 — Можем генералов натаскать! — заорали они.

Что это, думаю, они такое говорят, чушь какую-то.

— Так если вы хотите, мы вам их натаскаем, — сказали они.

Я сидел, а тут встал.

— Чего вы мне натаскаете? — спросил я.

— Звезд! — заорали они. — Звезд натаскаем!

Я посмотрел на них. У них было такое выражение, как будто они и вправду могут мне звезд натаскать.

Они все стояли.

Тогда я сказал:

— Хочу. Давайте. Тащите! Несите! Как можно больше несите! Ну? Что же вы не несете?

Они побежали к морю.

Слава богу, думаю, отстали от меня с этими звездами!

Потом вижу: обратно бегут. Если, думаю, они опять ко мне с этими звездами пристанут — я не знаю, что сделаю, нельзя же так!

Они подбегают ко мне и бросают горстями звезды.

Подходят люди и говорят:

— Морские звезды...

Первый раз вижу я эти морские звезды. И сам вырос у моря, в Баку. Но таких звезд не видел. Нет, наверное, этих звезд в Каспийском море...

Я смотрю на морскую звезду. Осторожно беру ее в руки.

— Спасибо, ребята... — говорю я.

— Генерала не было! — кричат мальчишки.

— Замечательная звезда... — говорю я.

— Генерал красивее, — говорят ребята.

— Какой там еще генерал, — говорю я.

— Если бы вы генерала видели! — говорят мальчишки.

Потом уже я увидел этого «генерала» — очень красивую звезду. Потом я увидел многих обитателей Тихого океана. Но это было мое первое знакомство с морской звездой и владивостокскими ребятами. Потом-то я плавал на рыболовном сейнере и видел, как сыпались лавиной из мешка трала на палубу вместе с рыбой осьминоги, крабы, бесчисленные звезды, губки, морские огурцы, морская картошка, раковины, морские ежи...

В ЯПОНСКОМ МОРЕ

Есть такой остров Путятин. В Японском море. Остров небольшой. А дела там большие. Есть консервный завод. Совхоз по разведению норок. Этих норок там несметное количество. Какую-то астрономическую цифру мне называли. Разводят там в заповеднике оленей. Разгуливают они в своем прекрасном заповеднике. Отсюда, с этого острова, уходят рыбаки за рыбой.

Вот и я ушел в море с рыбаками на сейнере. Ушли рано. В пять утра. Капитан был на вид мрачноват. Не хотел меня брать.

— Да ну их, — говорит, — разных корреспондентов. Свалится за борт, а я отвечаю.

Диспетчер ему говорит:

— Да что он — маленький, что ли, с чего это он валиться будет.

Тогда капитан сказал:

— Ну, ладно. Если не свалишься, тогда иди.

И все же я чуть не свалился. Только этого никто не видел. А то капитан сразу сказал бы: «Ну, что я говорил, так и есть!»

Вот как все было.

Сейнер качало, я стоял на палубе и смотрел, как заводят трал. Стоял, смотрел и увидел ведро. А к ведру веревка привязана. И тут мне мысль такая в голову пришла — зачерпнуть водички из моря. Подошел я к ведру, взял его за веревку и швырнул. Конец веревки, конечно, в руках держу. Тут как меня дернет! Чуть за ведром этим вниз не пошел. Вот это, думаю, штука! Капитан-то знал, что говорил! Оглянулся — никто на меня не смотрит. Никто не видел, значит, как меня это ведро дернуло.

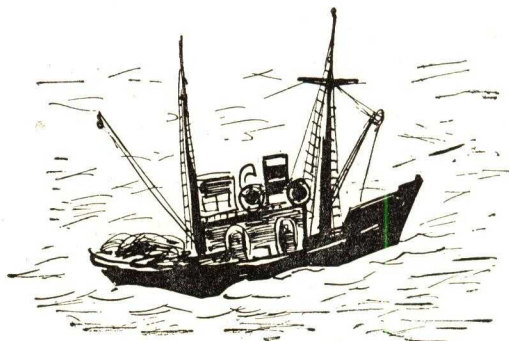
Идет сейнер полным ходом. Его еще ласково ЭМЭРЭСКОЙ называют. То есть МРС. Малый Рыболовный Сейнер. Команда отличная. Пять человек. Веселые работающие ребята. И капитан только сначала мрачноватым показался. Нужно же все-таки капитану таким морским волком выглядеть. На то он и капитан, в конце концов! Хотя на таком небольшом судне все равны, когда до работы дело доходит.

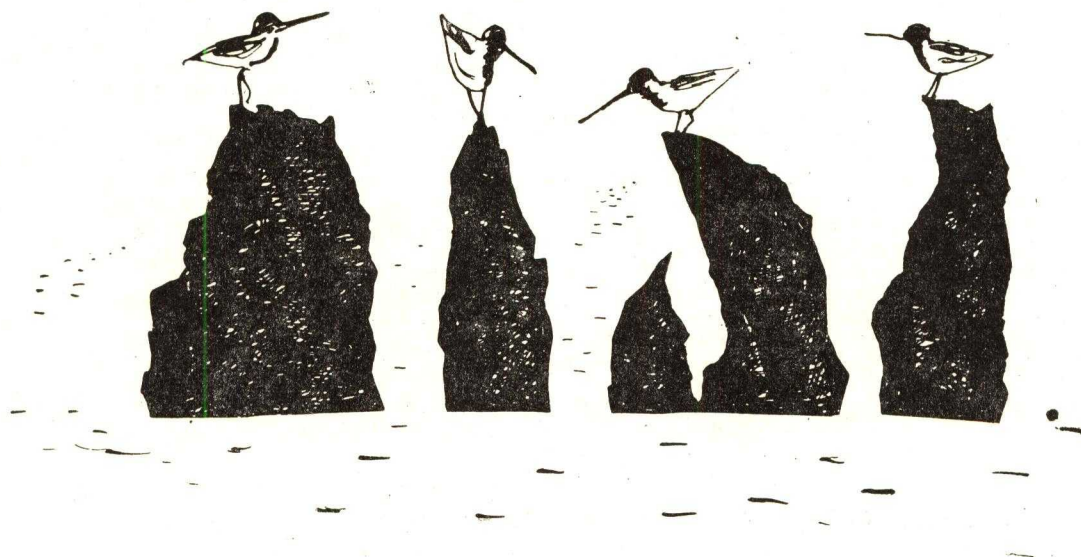
А работа начинается, когда трал заводят.

Потом трал при помощи лебедки на палубу выбирается. Тут команда вовсю трудится. Тут капитан, не капитан — все одинаковую работу выполняют. Трал тяжелющий, мокрый, километра в полтора. Справляться с ним трудно. Не так-то легко весь трал на палубу вытянуть. Нужна сноровка и умение. Да еще палуба из-под ног уходит. Штормит. А все на площадке. Смотришь и удивляешься — как это они на ногах держатся и за борт не валятся. Наконец, появляется из воды «кутец» — мешок на конце трала. Там-то вся добыча со дна морского и лежит.

Сыпятся на палубу все жители океана. Специальными подцепками подхватывают рыбу и кидают в одну сторону, крабов — в другую, а все остальное за борт. Летят за борт морские звезды, морские ежи, осьминоги.

— Отличный улов, — говорит капитан. — Отличная погодка!

— Ветер дует, — говорю я.
— Меньше нужно ала-лы, — говорит капитан. Это значит, меньше болтать нужно, а больше дела делать.

И дела делаются. Мировой рекорд по улову рыбы в этом году на Дальнем Востоке.

Идет сейнер на новое место. Проходит мимо «пяти пальцев» — мимо пяти причудливых скал. На каждой скале сидит по птице. Забавная картина! Проходим мимо острова Аскольд.

И опять идет трал в океан.

И так несколько раз.

Пора домой. Темень. Горят вдалеке огни. Плыдем к Путятину. Спускаюсь в кубрик.

Вспоминают о том, как в трал поймали мину.

Капитан рассказывает:

— Стали сигнализировать тральщику. Пускаем ракеты. Подошел. «Забери, — говорим, — свою мину, вон она на борту лежит. Вместе с рыбой. Да только осторожно забирай». Забрали. Ничего. Все обошлось. А один дед выловил мину и четыре года на ней гвозди выправлял. Потом сын приехал из армии, обомлел: «Да что ты, батя, — говорит, — не понимаешь, что ли, со смертью играешь?» А батя ему и говорит: «Да это бачок». «Какой тебе бачок! — кричит сын, — мина это!» «Неужто мина?!» А после ее военные моряки взорвали. Так лейтенант ихний ска-

зал: «Не может быть, чтобы на такой мине четыре года гвозди выправляли. Должна она была обязательно взорваться». Авторитетный был такой, в очках. А дед ему и говорит: «Мне уж помирать скоро, так я врать не буду. Как сынок в армию ушел, так с того дня я гвозди на ней разгибал». Вот как бывает... А бывает, с 1908 года мины находят, да еще как взрываются! Война, она хорошего не принесет...

Приближаются огни Путятина.

Скоро дом.

Я думаю о том, что многие сейнеры, траулеры месяцами в море, рыбаки подолгу не видят берега, родных. Мужественная, смелая, романтическая профессия!

НАХОДКА

От Владивостока до Находки часов девять катером. Проехали остров Путятин. Я заснул, а когда проснулся, люди шли к выходу и катер как будто стоял. Я решил, что приехали. Люди столпились на палубе.

Был непроглядный туман. Мигал маяк на какой-то скале. Мычал вдали ревун, как далекая корова. Нет, катер не стоял. Он медленно шел вперед. На носу сидел матрос. «Нормально! Так! Левей!» — орал он.

Завыла сирена катера. Светили в туман бортовые огни.

Где-то там, впереди, была таинственная Находка.

— Долго мы так будем ползти? — спросил кто-то.

— Испортились локаторы, — сказал кто-то.

Сбоку заревело какое-то судно.

Катер шел медленно в порт.

Замерцали фантастические в тумане огни. Все больше и больше огней. Выступал постепенно порт, как сказочная декорация. Проступали сквозь туман причудливые краны, суда. Как будто въезжали в какую-то сказочную страну, в мерцающие огни...

Это была Находка.

Причалы, причалы, причалы. Япон-

ские, индонезийские, норвежские, английские, немецкие суда. Все страны. Флаги всех стран. Торговый флот. Рыболовный флот. Технический флот...

Новых домов в Находке больше, чем в любом другом городе. Вся Находка из новых домов. Остались и старые. Но они как-то затерялись. Торчат кое-где. Как что-то очень далекое.

— А где же старая Находка? — спросил я.

— Как вам сказать, — говорят, — очень трудно сказать.

— Почему трудно? — спрашиваю.

— Почти невозможно, — говорят, — почти все новое...

Находка — особый город.

Доходишь до окраины. Не очень большой городишко. Пожалуй, что даже маленький.

— А вы дальше пройдите, — говорят.

— Куда же дальше? — говорю. — Уж некуда.

— А это вам кажется, что некуда, а на самом деле есть.

— Впереди, — говорю, — ничего ведь нету!

— Это вам просто кажется, — говорят.

Я иду. Сопки. Шоссе.

Переваливаю через сопку.

И вижу, представьте себе, город. Не меньше прежнего. Вторая Находка.

Сажусь на автобус. Еду. Схожу на окраине.

Если эти два города соединить, все равно не очень-то большой город будет.

Спрашиваю:

— И это все?

— Что все? — говорят.

— Город весь? — говорю.

— Как бы не так! — говорят.

— Дальше ведь нет ничего, — говорю.

— Это вам только кажется, — говорят.

— Как, то есть, кажется?

Иду. По шоссе. Через сопку. Опять! Третий город. Не меньше тех двух.

— А дальше? — спрашиваю.

— То же самое, — говорят.

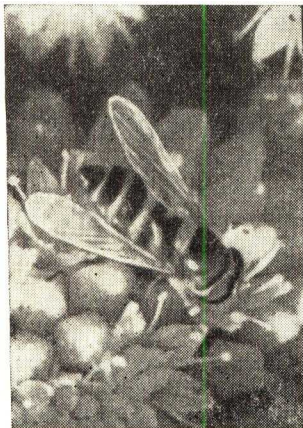
— Город?!

— Вот именно! — с величайшей гордостью говорят. И гордиться есть чем.

Очень скоро эти маленькие Находки сойдутся друг с другом (к тому все идет), и тогда Находка вырастет в еще больший важный город и порт на Дальнем Востоке.

Кого подстрелил объектив?

Увлекательный вид охоты — фотографирование насекомых в естественной обстановке. Поди-ка подберись к чуткой стрекозе или осе!

Посмотрите на снимок. Зачем безобидной мухе рядиться под грозную осу? Чтобы уберечься от пауков: они очень боятся ос и никогда их не трогают.

Фото О. Карышева

Восковая пальма

В Бразилии растет так называемая восковая пальма. С ее листьев испаряется воск. В год каждая пальма «выдает» до двухсот граммов воска. Он идет и на изготовление кино- и фотопленки, и на производство копировальной бумаги. Пальма на редкость полезна: лекарство, приготовленное из ее корней, помогает людям с больным сердцем, из плодов делают вино, из листьев — супы и салаты.

Львы под защитой

Грозным индийским львам грозило бы полное истребление, если бы люди не взяли их под защиту. По решению правительства Индии для последних 300 львов создан заповедник. Там животным уже не страшны многочисленные тигры — злейшие враги львов.

Остается только посолить

Есть озеро, в котором можно поймать вареную рыбу. Это озеро Киву у подножия вулкана в Африке. Когда вулкан действует, горячая лава сползает в озеро и прибрежные воды вскипают. После извержения вулкана рыбаки собирают в свои лодки горячую рыбу, которую остается только посолить и приправить по вкусу перцем.

Последний раз такая невероятная ловля состоялась в Киву лет пятнадцать назад.

Это не фантастика

Еще совсем недавно человек-амфибия был лишь выдумкой писателей-фантастов. А теперь — возможно уже очень скоро — человек опустится под воду не в водолазном костюме, а пользуясь искусственными жабрами.

Удивительный материал, из которого будут сделаны жабры, называется силиконовой резиной. Тончайшая силиконовая пленка пропускает молекулы кислорода и других газов, в то же время не пропускает воду.

Недавно американский ученый Вальтер Робб проделал опыт: поместил хомяка в камеру из силиконовой резины, а камеру погрузил в воду. Хомяк чувствовал себя прекрасно и не испытывал недостатка кислорода.

Из одних гласных

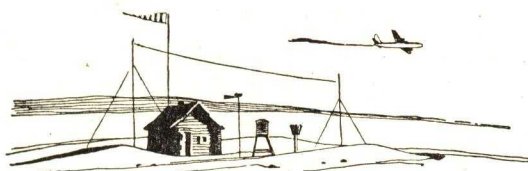
«Аиа уа уа о-о и эиа аза а!» На языке жителей Маркизовых островов это значит: «Ви-дишь ли ты, какой большой дождь идет там вдали?»

Эстафета с дубинкой

У индейцев племени тимбуру, обитателей тропических лесов Бразилии, есть игра вроде эстафетного бега. Мужчины собираются группами в пятнадцать человек, и каждый бежит определенное расстояние, неся на себе дубинку — ствол дерева весом в 75 килограммов. По команде бегущий передает дубинку другому игроку. Пока один бежит, остальные криками подбадривают его.

В этой игре принимают участие и женщины. Тогда вес дубинки не превышает 30 килограммов.

Карта путешествует по проводам

На берегах Северного Ледовитого океана и на Дальнем Востоке, в горах Востока и пустынях Средней Азии, в Сибири и Прибалтике сотни постов гидрометеорологической службы ведут наблюдение за погодой. Приборы круглые сутки измеряют температуру и влажность воздуха, направление и силу ветров, атмосферное давление. Все эти сведения регулярно передаются в Москву в Центральный институт прогнозов. Там составляют карты погоды для всех районов Советского Союза.

А чтобы эти карты быстрее попали к тем, кто их ждет, ленинградские инженеры сконструировали аппарат «Ладога». С помощью «Ладоги» карты по проводам или по радио передаются в течение минут на любые расстояния. Оператор прижимает листок к вращающемуся валику. Тоненький лучик света скользит по карте, испещренной линиями и цифрами. Там, где бумага чистая, надписи, отражение более слабое. Все это «замечает»... фотозлемент, на который падает отраженный луч. Поэтому посылаемые им сигналы заставляют лампочку в приемном аппарате гореть то ярче, то слабее. А ее луч скользит по листу самопроявляющейся бумаги. Проходит несколько минут и на ней проступает рисунок карты, переданной за тысячи километров из Москвы.

Внучка гиганта

Орган — не просто большой музыкальный инструмент. Это гигант, его высота иногда достигает нескольких метров. И занимает орган в концертных залах целую стену. Своим мощным звучанием он может спорить с симфоническим оркестром.

Играют на органе при помощи нескольких ручных и ножных клавиатур.

А его внучка, органета, так мала, что могла бы уместиться в школьном ранце. Она и придумана для самых маленьких музыкантов. Органета похожа на пишущую машинку, но у нее не маленькие круглые клавиши, а продолговатые, как у пианино или аккордеона.

У органа-крошки две с половиной октавы, ее звучание мягко и прозрачно. Юным музыкантам теперь легче осваивать нотную грамоту, играть несложные музыкальные пьесы.

Пауки — наши друзья

С недавних пор пауки поселились в лабораториях ученых-фармацевтов. Новые лекарства, предназначенные для больных людей, можно испытывать на этих насекомых не хуже, чем на белых мышах или кроликах.

Селедка на первом месте

По данным статистики все население земного шара употребляет в пищу десять миллиардов сельди ежегодно. Сельдь принадлежит первое место в мировом улове рыбы. Второе место занимает ее родственница — сардина.

Пловец поневоле

Дикобраз не сможет утонуть, если даже... захочет это сделать. Полости внутри его многочисленных игл заполнены воздухом. Это и держит животное на воде.

Подарок музею

Известный норвежский исследователь и путешественник Тур Хейердал присутствовал на праздновании 250-летия Музея этнографии в Ленинграде и подарил юбиляру модель своего плота.

Лихой наездник

Весною по снегу возвращался я из леса. Только что прошел деревню Грибино, как в сумерках заметил зайца. Выскочив на лесную дорогу из леса, косой помчался по обочине дороги, не разбирая пути. На его спине, крепко вцепившись когтями, восседала, распластав крылья, какая-то птица.

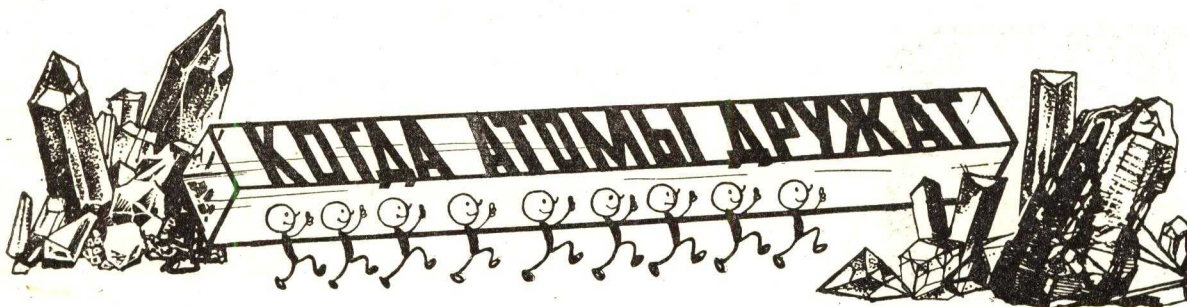
Освещая путь фонариком, затормозил я по следам косого. И тогда только увидел на снегу свежие пятна крови.

Маловероятна была победа зайца. Уж больно неравны были силы.

Неожиданно следы пропали. Куда мог деться косой? И вдруг он выскочил из-за куста шиповника уже без птицы на спине. Неподалеку от куста я нашел птицу. Уловка зайца удалась: полярная сова, хоть и была лихим наездником, но, ударившись головой о сучья дерева, замертво упала на землю...

Ф. Каморин, фенолог

Л. Глазман

Кристалл.
Вслушайся в это звонкое слово. Крис — так хрустит льдинка под башмаком. Талл — щелкает апрельская капля. КРИСТАЛЛ.

Кристалл бывает большим — таким, что ты его и не поднимешь. Кристалл бывает маленьким — едва видимым в сильные микроскопы. Он может быть сладким — это сахарный песок. Он может быть очень горьким — это хинин, лекарство от малярии. Бывают кристаллы дорогие — дорожке золота. Это драгоценные камни — алмазы, рубины, изумруды.

И бывают дешевые кристаллы: они есть в каждой семье. Это соль, которой ты солишь суп. И снежинка, тающая на твоей руке, тоже кристалл.

Физик скажет: «Кристаллы — это мое дело. Я специалист по приборам ночного зрения». Механик говорит: «Кристаллы — моя забота. Я исследую прочность сверхчистых веществ». «Я изучаю законы прохождения света через кристаллы», — сделает шаг вперед оптик. В эту переключку ученых вмешаются Химик, Инженер, Электроник, Геолог, Врач... Велика шеренга людей, изучающих кристаллы. Конца-края им не видно.

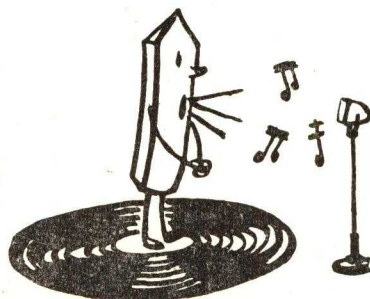
Кристалл — по-гречески — лед. А вообще кристалл — это граненое тело геометрически правильной формы. Бывают кристаллы-кубики, как

соль и сахар. Бывают кристаллы-пирамиды. Бывают игольчатые кристаллы — морозные узоры на окнах. Каких только форм кристаллов нет!

Но у всех кристаллов имеется одно общее свойство: атомы, из которых они состоят, расположены в строгом порядке. Словно солдаты, стоят они в тесном строю. И «соседей» у каждого атома одно и то же число. И «живут» они на равных расстояниях друг от друга. И колеблются они все согласованно, как говорят ученые, — в «фазе друг с другом» — куда один, туда и все...

И такая дружба атомов в кристалле может, как всякая дружба, творить чудеса.

Собирайся в дорогу. Мы поднимаемся высоко в небо, где кристалл превращает солнечный свет в электричество. Мы спустимся в подвалы астрономической обсерватории, где кристалл охраняет время. Ты уви-

дишь световой луч, обладающий разящей силой стального клинка, и стекло, которое не разобьется, если на него бросить тяжелую гирию. Собирайся в дорогу...

«Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше,

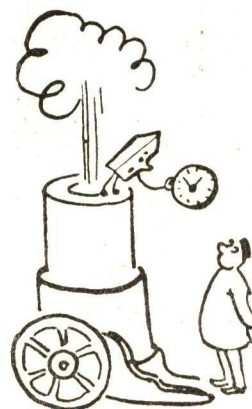
Только дворники маячат у ворот, Ты увидишь, ты увидишь, Как веселый барабанщик...»

Откуда эта песня? Радиола играет на пятом этаже.

«... В руки палочки кленовые берет». Далеко, а как хорошо слышно!! А ведь это кристалл поет!

Как же он может петь — кристалл — «граненое тело геометрически правильной формы»? А вот как!

Если сжать или растянуть кристаллы, они превращаются в маленькую батарейку. Соедини противоположные грани проводом, и по нему пойдет очень слабый электрический ток. Сильней сжимаешь — сильнее ток. Кончил сжимать, стал растягивать — ток изменил направление. Называют

ся это свойство многих кристаллов «пьезоэлектрическим эффектом». От слова «пьезо», по-гречески «давлю».

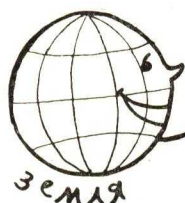
На патефонной пластинке есть бороздки. То глубже они, то мельче —

под силу кристаллу. Больше давление — сильнее сжимается он. Сильней сжимается — больший дает ток. А это легко измерить. Маленький кристалл с проводками можно спрятать где угодно. Он выдерживает огромные механические нагрузки, легко передает свой ток на большие расстояния. И главное — он успевает отметить очень быстрое изменение давления, когда манометр и откликнуться не успеет. А как это важно в ракетных исследованиях! Это уже настоящая работа!

Если ты дома хочешь увидеть пьезоэффект, поколи в темноте сахар. Голубые искорки — электрические разряды, возникают в результате пьезоэффекта. Только по сахару попадай, а не по пальцам...

Как же это получается? Откуда берется этот луч и зачем он нужен людям?

Рождается такой луч в кристалле. Каждая вспышка лампы снабжает атомы внутри кристалла энергией, по-научному говоря, возбуждает их. Возбужденные атомы сами испускают свет. Световые частицы-фотоны носятся внутри кристалла, отражаясь от зеркальных стенок. А выйти из кристалла они пока не могут — серебряные стенки непрозрачны для них. Слово тигр в клетке, мечутся фотоны. От стенки к стенке! От стенки к стенке! Все больше фотонов образуется в этой светопляске. В последний момент лавина фотонов прорывает тонкую серебряную пленку и со страшной силой

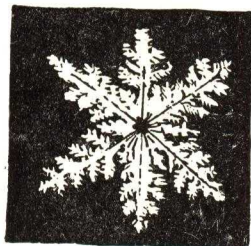
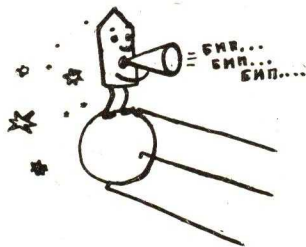
в зависимости от записанного звука. Двигается по ним игла проигрывателя — ее колебания передаются кристаллу. То сжимается он, то растягивается. А пьезоэффект — тут как тут! Колебания иглы зависят от звука, записанного на пластинку. А колебания кристаллов зависят от колебаний иглы. И получается, что ток, который вырабатывает кристалл, тоже зависит от звука, записанного на пластинку. А дальше — просто. Направляется этот ток в усилитель и превращается потом снова в звук... «Неужели ты не слышишь?»... — вон как звонко поет кристалл.

... Вот оно — серое здание института на круглой площади. Войдем туда. Задержись перед этой дверью. Надень темные очки: в этой лаборатории опасно — здесь работает лазер. Что это такое? Это — усилитель света. Ученые берут кристалл рубина, похожий на незаточенный карандаш. Они полируют его и покрывают

вырывается наружу. Один американский инженер попал под такой луч на расстоянии свыше трех километров от кристалла... Долго трудились врачи, чтобы вернуть ему зрение.

А кому нужен лазер? Лазер нужен геологам — бурить световым лучом твердые горные породы. Лазер нужен врачам: световой луч проберется туда, куда не проберется скальпель хирурга. «Дайте нам лазер, — просят космонавты — это идеальное средство связи». Космическим кораблям не надо будет брать с собой электрические батареи: с Земли по такому лучу, как по проводу, можно будет передавать электричество.

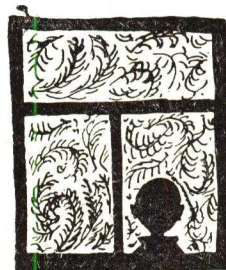
Мы все время говорили о кристалле и электричестве. Ты только не думай,

Петь для кристалла — это, можно сказать, игра. А пьезоэффект работает и всерьез.

Есть такой прибор для измерения давления, манометр. Меряют им давление воды в водопроводе, давление воздуха в автомобильной шине, давление пара в паровозном котле. Все это давления не очень большие. Мерять колоссальные давления —

снаружи слоем серебра. Всюду поверхность кристалла блестит, как зеркало, и лишь в одном месте — на одном торце — слой серебра делается очень тонким, почти прозрачным. Кристалл освещается лампой-вспышкой, вроде фотографической, только во много раз сильнее. Вспышка! И — береги глаза! Из торца, где тонкий слой серебра, вырывается ослепительный красный луч света. Осторожно с этим лучом! Он разрезает несколько сложенных бритвенных лезвий. Тонкий, как велосипедная спица, он такой горячий, что любое вещество плавится и испаряется под его напором...

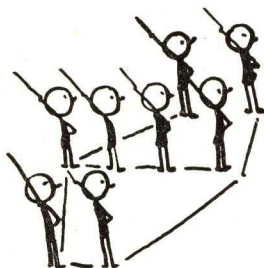
май, что, кроме электричества, кристалл нигде применить. Пальцев на руках не хватит, чтобы перечислить, где еще кристалл работает.

Есть мерцающие кристаллы. Если посмотреть на такой кристалл в тем-

ноте, то нет-нет да и вспыхнет в нем крохотная зеленая звездочка. То в одном месте кристалла проскочит она, то в другом. А вот уже заплескали они гроздьями, словно маленький звездопад...

В чем дело? Откуда эти вспышки? А это кристалл считает гостей. Далеко-далеко, у самого Солнца и еще дальше каждую секунду рождаются мельчайшие частицы вещества. Физики их называют элементарными частицами. Набирая скорость, стремительно несутся частицы к Земле. Те, что попадают на кристалл, зажигают его в момент удара, словно высекают искру. Много вспышек — берегись, космонавт! Там, наверху, в черном небе, тебя не защитит земная атмосфера, и эти частицы могут оказаться смертельно опасными. Много вспышек — быть магнитным бурям, корабли сойдутся с курса... А предскажет это маленький кристаллик, в темноте мерцающий, словно светлячок...

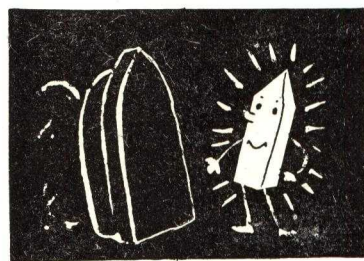
Возьми на кухню утюг. Подогрей его. Поднеси к нему вот этот кристалл. Смотри — он светится зеленым

чей, а инфракрасных — сколько угодно. Они исходят от людей и животных, потому что и животные «горячее» воздуха, который их окружает. Они исходят от домов, где топят печи, от электростанций, от заводов и фабрик. В городах воздух всегда теплее, чем за городом, поэтому и города посылают на кристалл свои инфракрасные лучи. Мощные установки усиливают свечение кристалла, а сложные оптические системы преобразуют это свечение в рисунок предмета, пославшего инфракрасные лучи на кристалл. Смотришь в прибор ночью и видишь, как за пол-

в шкафах. Стекланные елочные игрушки. Много стекла вокруг нас, и как назло — непрочное оно. Мячом попал — разбил. Локтем надавил — сломал. А почему так получается? Почему стекло непрочное?

Потому что атомы в нем не «дружат» между собой. Если в кристалле атомы — как солдаты в строю, то в стекле атомы — толпа пьяниц. Как попало стоят. Куда попало движутся. Внутри стекла — хаос. А ведь во всем остальном стекло — замечательный материал. Прозрачный, не ржавеет. Кислот никаких не боится, кроме плавиковой. Температуры высокие ему не страшны. Вот только хрупкость проклятая мешает...

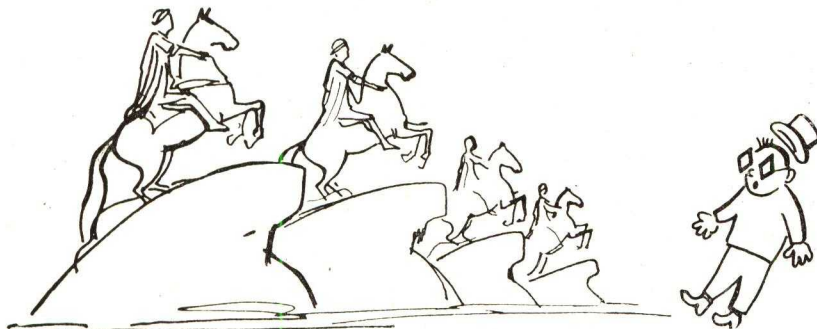
Задумались ученые — нельзя ли подружить атомы в стекле? Построить их в порядке. Заставить их колебаться в такт друг другу? Короче говоря — нельзя ли сделать стекло кристаллом?

Оказалось, можно. Обжигая стекло особым образом, получили ученые новый материал — СИТАЛЛ.

Ситалл — стекло и кристалл.

На вид его от простого стекла и не отличишь. И все полезные свойства стекла и ситалла сохранились. А насчет хрупкости — берут лист такого «стекла», кладут на два стула и бросают на него тяжелую гирию. Дзынь-дзынь... Думаешь, это осколки летят? Это гирия, как мячик, по листу прыгает. А на «стекле» — ни царапин, ни вмятин не остается. Вот он какой, новый материал — ситалл. И стекло и не стекло!

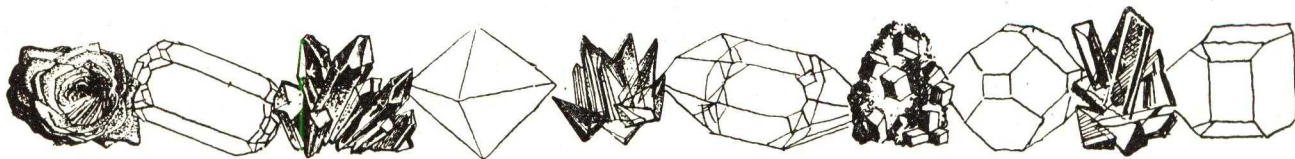
... Много умеет делать кристалл. И многому он еще научится, потому что дружба атомов в кристалле может, как всякая дружба, творить чудеса.

огнем, словно кошачий глаз. Убери утюг — свечение погаснет. Слово ничего и не было. В чем же дело? Дело в том, что нагретые тела испускают инфракрасные лучи. У людей от них краснеют лица — видел когда-нибудь поваров у горячей плиты. А наш кристалл от этих лучей светится зеленым светом. Используют его в приборах ночного зрения — так называются приборы, с помощью которых можно видеть в темноте. В темноте нет световых лу-

километра от тебя стоит человек и курит папиросу. Вот ведь удивительный прибор! Есть кристаллы такие, что если посмотреть через него на мяч — увидишь два мяча. Посмотришь на билет в кино — увидишь два билета. Все двойится, если смотреть через этот кристалл. Вот только пока что не нашли ученые, где его применить — разве что очки «волшебные» сделать.

Много неприятностей доставляют нам стекла. Оконные стекла. Зеркала

«ПЕРВОКЛАССНИЦА». Литография А. Пахомова

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Перед вами репродукции нескольких работ ленинградских художников. Под каждой из них вы можете прочесть фамилию автора, название вещи и техники, в которой работал художник: акварель, линогравюра, цветная литография. Знаете ли вы, что это такое?

Ну, акварель — дело понятное. Это значит, что Л. Подлясская нарисовала своих «Юных живописцев» акварельными красками. Подлясская любит рисовать летнюю природу, нарядную игру света в солнечный

день. Для этого как раз подходит акварель с ее прозрачными чистыми цветами, сквозь которые мягко просвечивает белая бумага.

Работа И. Некрасова «Таежный край. Раскряжевщики» — линогравюра. Художник-гравер вначале вырезал свой рисунок на куске линолеума, самого обыкновенного линолеума, которым покрывают полы. Резцами различной формы — штихелями — художник удалил с поверхности линолеума те места, которые должны остаться на бумаге белыми. После этого он накатал линолеум типографской краской, наложил на него лист бумаги и сделал оттиск. На первый взгляд все очень просто. Но в работе гравера много сложного и необычного. Например, он постоянно имеет дело с обратным, «зеркальным» изображением предмета: то, что на линолеуме справа, на бумаге будет слева. И наоборот.

«Вечерняя вахта» художника В. Ветрогонского тоже линогравюра, но цветная. Художник взял столько кусков линолеума, в скольких красках он задумал свое произведение. На одном куске он вырезал все предметы, которые будут окрашены в черный цвет, на другом — те, что в желтый, на третьем — те, что в красный, и т. д. Потом поочередно спечатав на один лист бумаги изображения со всех кусков линолеума, предварительно накатав каждый из них нужной краской. Получилась многоцветная гравюра. Обратите внимание, как использован в гравюре белый цвет самой бумаги — всего на одну красочку больше, а произведение уже значительно богаче.

«Первоклассница» А. Пахомова выполнена в технике одноцветной литографии. Делается она так: на отшлифованном известняке особой породы, который называют литографским камнем («литос» по-гречески — камень) художник рисует литографским карандашом или краской задуманный сюжет. После этого он обрабатывает камень специальным химическим раствором, чтобы поверхность камня, свободная от рисунка, стала невосприимчивой к жирной типографской краске. Затем, смочив камень водой, художник прокатывает по нему валик с краской и краска послушно ложится только там, где до этого прошла рука художника, то есть — на рисунок. Теперь остается сделать оттиск.

А художник А. Ведерников, изобразивший набережную Невы у стадиона имени В. И. Ленина, корабли, фигурки людей, дымки буксиров и далеких заводов, воспользовался техникой цветной литографии. Для такой работы ему понадобился уже не один, а несколько камней, отдельный для каждой краски.

С Н. Муратовым и И. Ризничем вы уже знакомы. Они верные друзья «Костра». Смешные рисунки Н. Муратова вы часто встречаете в журнале. А те из вас, кто выписывал «Костер» в прошлом году, помнят Морскую энциклопедию,

которую своеобразно оформлял И. Ризнич. Сегодня эти художники предстают перед вами в ином качестве: оказывается, Муратов — еще и прекрасный скульптор, взгляните на его «Пуму», сколько в ней изящества! А Ризнич — автор декоративного фарфорового блюда «1812 год». На одном блюде целая баталия. Есть что посмотреть!

Э. Голубева

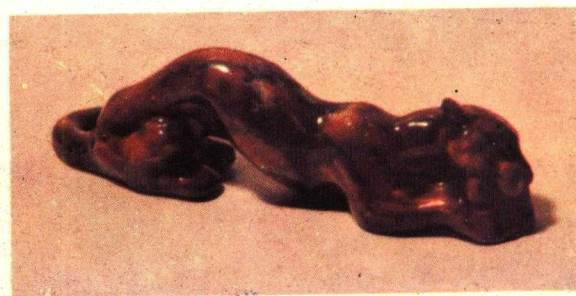
«ТАЕЖНЫЙ КРАЙ. РАСКРЯЖЕВЩИКИ»

Линогравюра И. Некрасова

ВЕЧЕРНЯЯ ВАХТА.

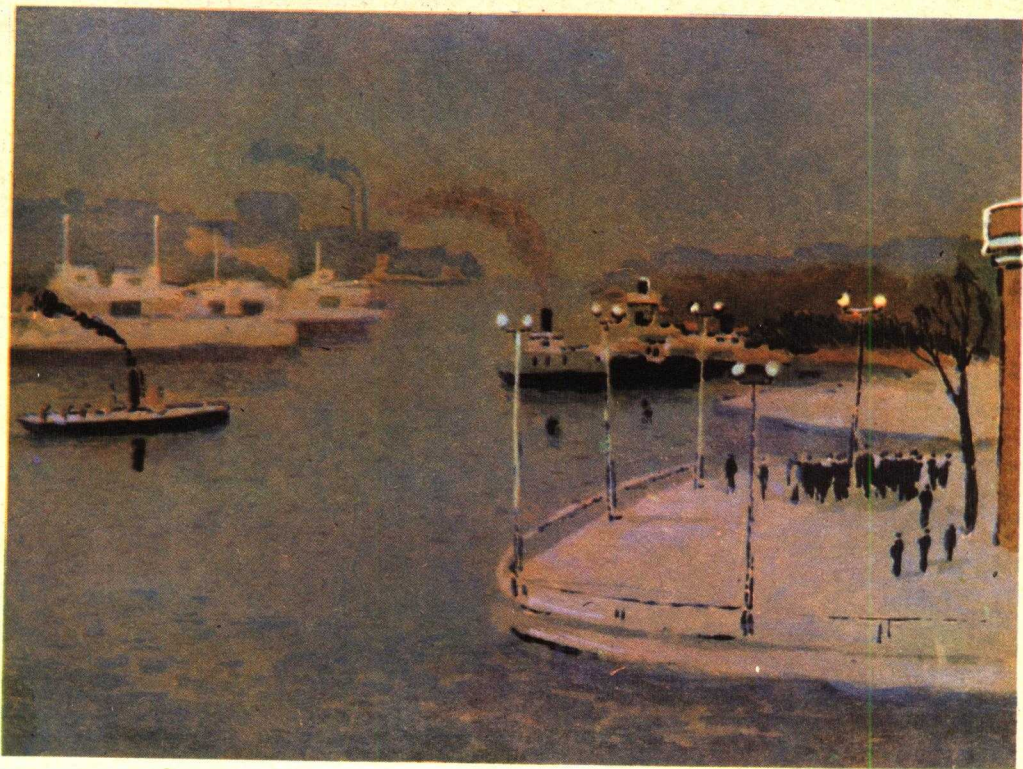
Линогравюра В. Ветрогонского

ПУМА.

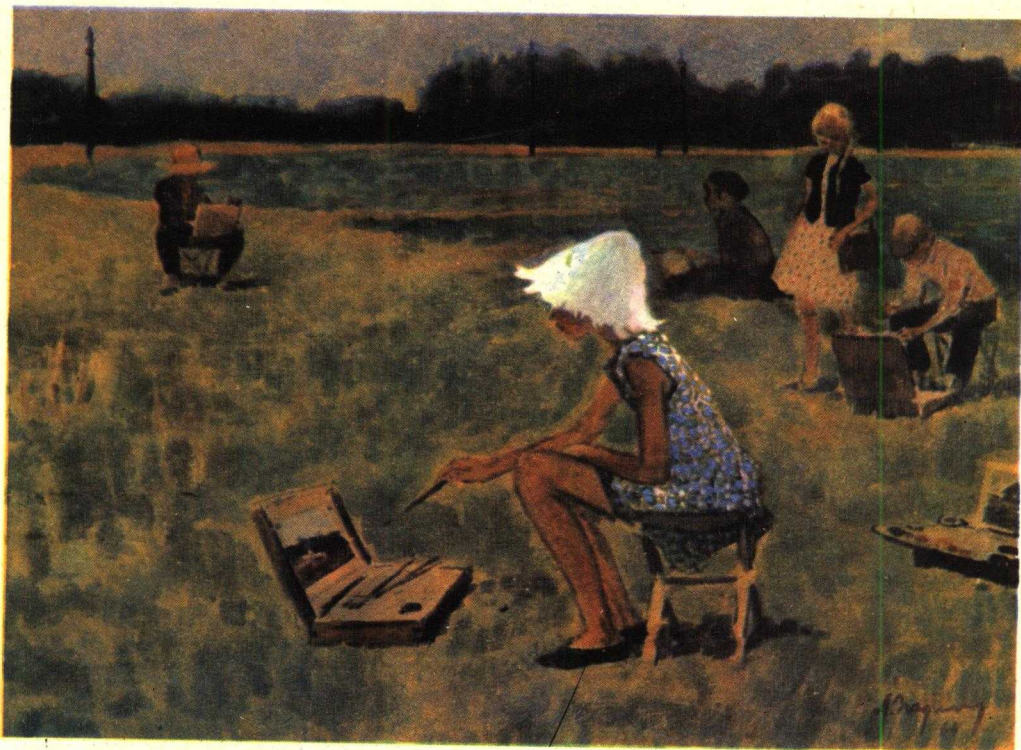
Керамика Н. Муратова

1812 ГОД. *Роспись по фарфору И. Ризнича*

НАБЕРЕЖНАЯ.

Литография А. Ведерникова

ЮНЫЕ ЖИВОПИСЦЫ

Акварель Л. Подляской

Петр Павлович Ершов

(К 150-летию со дня рождения)

Несколько лет назад поехал я в Новгородскую область собирать произведения народного творчества. После долгих поисков встретил, наконец, хорошего сказочника, пастуха. И вот сижу с ним на зеленом холме, откуда видно не только стадо, но и деревню, и слушаю: «В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, против неба, на земле жил старик в одном селе...»

Вы, ребята, конечно, сразу догадались, откуда взят конец этой присказки, потому что нет среди вас ни одного, кто не читал бы «Конька-горбунка». Книжка, которой недавно пошел 131-ый год, ничуть не постарела. Завидная у нее судьба! Сам Пушкин, как вспоминают современники, прочитав сказку, был в восторге и сказал автору: «Теперь мне можно и оставить этот род поэзии». А Петру Павловичу Ершову, автору «Конька-горбунка», было тогда всего 19 лет.

Внешне жизнь П. П. Ершова очень небогата событиями. Родился он в Сибири, в Томской губернии, в 1815 году. Учился в Петербургском университете. Тут-то, будучи еще студентом, и написал он «Конька-горбунка». После окончания философско-юридического факультета возвратился в Сибирь и все последующие годы был учителем Тобольской гимназии. Умер Ершов в 1869 году, всеми забытый, хотя сказку его знали в каждом доме.

Интересно, что чем популярней становилась сказка, тем чаще спорили о ней в журналах. Реакционеры объявили Ершова своим сторонником. Они говорили, что Ершов всей душой был предан царю и религии. Находились и такие, которые считали, что если в молодости Ершов и допускал иногда кое-какое вольномыслие, то позднее он стал вполне благонамеренным. Но так ли это?

Произведения, написанные автором «Конька-горбунка» после 1834 года, хотя и не являются столь же удачными, тем не менее показывают, что П. П. Ершов на протяжении всей жизни оставался верен своим передовым взглядам. Ершов дружил с политическими ссыльными, в частности, с известным декабристом И. И. Пушиным. Именно Ершову передал Пушкин стихи Пушкина, присланные ему в Сибирь. И Ершов уже в 1841 году опубликовал эти стихи, что было очень смелым ша-

П. П. Ершов

Миниатюра Н. Теребенева

гом по тому времени, так как самые имена декабристов находились под запретом. А в самые последние годы жизни Ершов вместе с группой писателей принял участие в сатирических сочинениях известного Козьмы Пруткова.

Ершов любил родную Сибирь. Он собирался широко развернуть работу по изучению ее богатств. Он мечтал спасти от гибели те малые сибирские народности, которые вымирали при царизме от голода и болезней. По мотивам сибирского фольклора Ершов написал поэму «Сузге», цикл рассказов «Осенние вечера».

И все-таки самым главным делом Ершова, принесшим ему славу одного из самых народных наших писателей, была его сказка «Конек-горбунок».

Вы помните, какое это веселое, увлекательное произведение? Каждый из нас в возрасте от пяти до десяти лет фантазировал: вот бы и мне такое перо Жар-птицы, вот бы мне увидеть чудо-юдо рыбу-кит, у которого на спине стоит целая деревня! А Конек-горбунок, — эх, поскакать бы!

Потом начинаешь понимать, что в сказке борются две силы — добрая и злая. Злая сила прибегает к обману, жестокости, не стыдится обидеть слабого и беззащитного. Царь-то, оказывается, глуп, несправедлив. Он только и делает, что лежит на кровати, трясет бородой да грозит: «Посажу тебя я на кол!», «Я отдам тебя в мученья, прикажу тебя пытать...» А бояре, окружающие царя, холопствуют перед ним, бьются головой об пол, шпioniют, доносят друг на друга...

Зато какими светлыми предстают перед нами добрые герои! Они все делают смело и честно, и мы вместе с ними радуемся их победе и счастью.

Иван-дурак, как это всегда бывает в народных сказках, отнюдь не дурак. Так думают о нем люди, которые сами не блещут умом. Вспомните: вместо того чтобы караулить поле, братья, боясь чудовища, дальше соседского забора и не ходили. А Иван исполнил свой долг добросовестно, пренебрегая возможной опасностью. Глупо ли он поступил? Только с обывательской или, как мы бы теперь сказали, с мещанской точки зрения, это глупо.

Иван не боится ни неведомой опасности, ни даже царя. Он дорожит чувством собственного достоинства. Вот как говорит Иван, соглашаясь на царскую службу:

... Так и быть.
Стану, царь, тебе служить,
Только, чур, со мной не драться
И давать мне высыпаться,
А не то я был таков!

Не случайно эти и многие другие строки были вычеркнуты царской цензурой.

Не случайно в годы первой русской революции появилась сказка С. Басова-Верхожанцева «Конек-горбунок», одно из лучших подражаний Ершову. Это уже настоящая политическая сатира. Иван выступает здесь как революционер, борец за права угнетенных.

В марте этого года исполнилось 150 лет со дня рождения Петра Павловича Ершова. Но его замечательную сказку будет любить еще много-много поколений.

Вл. Бахтин

Два письма

Здесь мы публикуем два письма, в которых ясно говорится о тесных дружеских связях П. П. Ершова с сосланными декабристами.

Вот письмо П. П. Ершова университетскому товарищу А. К. Ярославцеву.

«После откровенного объяснения твоего насчет «Современника», я оставляю свое желание и буду так просто делиться с добрейшим П. А., чем бог послал. И в доказательство снова присылаю стихи Пушкина в том виде, в каком они мне доставлены. Касательно их подлинности нет ни малейшего сомнения. Мне прислал их задушевный приятель Пушкина, лицейский его товарищ, тот самый, который доставил мне и первые. Об имени его до случая. Только, во всяком случае, уверь П. А., что я не способен никого мистифицировать да, признаться, и не умею».

Это письмо сопровождало отправленное в Петербург стихотворение А. С. Пушкина «Мой первый друг, мой друг бесценный», посвященное лицейскому другу И. И. Пущину.

Из понятной предосторожности Ершов не называет прямо имени человека, из рук которого он получил стихи, так как это был сам И. И. Пущин, «государственный преступник» по делу 14 декабря 1825 года. Дорогие Пушкинские строки Пущин получил, будучи уже в Сибирь.

Инициалами «П. А.» Ершов обозначает П. А. Плетнева, редактора журнала «Современник», где стихотворение А. С. Пушкина и было опубликовано в 1841 году.

Второе письмо написано в 1869 году Д. И. Кюхельбекер, женой известного декабриста В. К. Кюхельбекера, оно предназначалось дочери.

«...Отец твой любил рассуждать о литературе, науках и искусствах, горячо стоял за правду, делал в жизни добро словом и делом; а потому и был любим и уважаем большинством публики, более или менее его знавшей. Но как болезнь его доходила уже до сильных страданий и требовала радикального лечения, мы... предприняли путешествие в Тобольск, где проживали в то время друзья твоего отца: доктор Вольф, г-жа Фонвизина, известный г. Ершов (бывший в то время инспектором тамошней гимназии), Павел Сергеевич Пушкин и другие. В Тобольске он уже окончательно потерял зрение, и здоровье его с каждым днем делалось слабее, а положение становилось несноснее. Спасибо друзьям, они не оставляли его в эти грустные минуты жизни».

Ершов читал ему беспрестанно разные сочинения, рассуждал с ним продолжительно...

И на каторге и в ссылке декабристы стремились сохранить узы товарищества, словом и делом поддерживали друг друга. Так и в Тобольске образовался тесный круг ссыльных. Как явствует из письма, П. П. Ершов был среди них своим человеком. Упоминаемые в письме Ф. Б. Вольф, П. С. Бобрищев-Пушкин — декабристы; Н. Д. Фонвизина — жена декабриста М. А. Фонвизина, — в их доме тоже любил бывать П. П. Ершов.

А Реттон Том, а Реттон Том
Выносит бурю стойко.
Хохочет вместе с громом он,
Хохочет да и только!

А море пуще бушевать,
Сильней удары грома.
А Реттон Тому наплевать —
Он в море, словно дома.

Промчался мимо ураган —
И море, будто речка.
Не море, море-океан,
А тихая овечка.

А Реттон Том, а Реттон Том
По-прежнему хохочет:
„Смирилось море за бортом,
Смирилось море за бортом!
Ходило прежде ходуном,
А больше уж не хочет!“

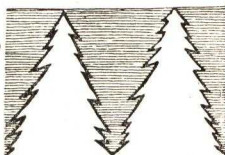
Перевела Э. Браун
Рисунок К. Савкевич

ЕЛОЧКИ

Саша нарисовал на полоске бумаги две елочки. Отложив краски, Саша взял ножницы и клей и сделал так, что получилось четыре елочки.

Как вы думаете, что он сделал?

3

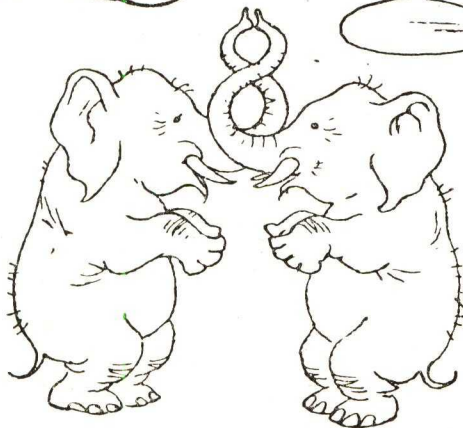
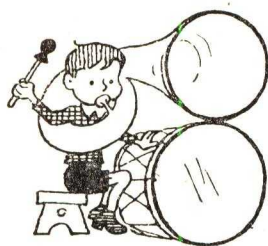
Уголёк № 3

Рисунок Н. Муратова

В марте на корыте ездят

1

— Нет, я!

— Я — самый первый!

Иногда дело доходило до драк...

На этих соревнованиях присутствовала обычно только одна болельщица — пятилетняя девочка Маша. Она стояла за канавой, у самого забора, и широко раскрытыми глазами смотрела на спорящих.

Я спросил Машу:

— Хорошо бегают мальчики?

— Хорошо...

— Ты тоже будешь так быстро бегать?

— Тоже... Только...

— Что — только?

— Только я не буду самой первой. Я буду самой второй!

ЗАГАДКИ

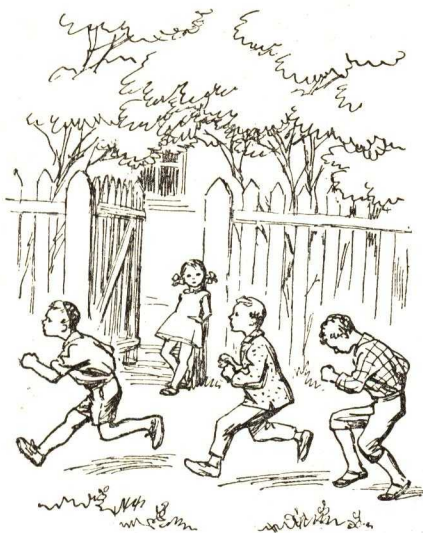
Нос он черный вытирал —
лист в тетради замарал.
Как ни терся, ни старался —
черноносый и остался.

Лед на речке —
мы бежим.
Льется речка —
мы лежим.

В. Фетисов

С

3

У КАЛИТКИ

Владимир Торопыгин

Рисунки Н. Петровой

На дороге, возле дачи, где я жил летом, мальчишки-школьники бегали наперегонки. Финиш был как раз у нашей калитки.

Часто ребята подбегали к финишу все вместе, и тогда разгорался спор:

— Я — первый!

2

ХОДИЛО МОРЕ ХОДУНОМ...

Английская морская песенка

На море, море волны
Огромные, как дом.
На небе блещут молнии,
Ревет, хохочет гром;

7

СТРАШНЫЙ ЗВЕРЬ

1.

Все пичужки
присмирели:
страшный зверь
сидит на ели
и свирепо
скалит пасть,
видно, думает
напасть.

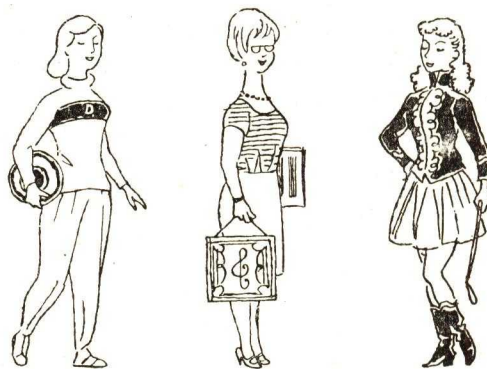

2.

Мы полезли —
поглядели,
что за зверь
сидит на ели.

Рисунки Ю. Лебедева

Вот три женщины. Все они получили поздравления с 8 марта. Переверни страничку и попробуй разобраться, кто кого поздравил.

Рисунки Б. Семенова

5

БЕГАЙТЕ, УЛЫБАЯСЬ!

Когда меня спрашивают, с чего начать занятия спортом, я советую:

— С бега!

Впрочем, детям такой совет, видимо, излишен. Ребята сами начинают бегать, едва научившись ходить. И чем они старше, тем охотнее бегают. В пионерском возрасте мальчики и девочки способны провести в беготне целый день, что вряд ли по силам даже отлично тренированному взрослому спортсмену.

И еще в одном дети несколько не уступают взрослым, а порою и превосходят их, — в частоте движений. А это уже имеет прямое отношение к скорости бега. Ведь скорость на дистанции зависит с одной стороны от частоты шагов, а с другой — от длины шага.

Эту высокую частоту движений и требуется сохранять и развивать юным спринтерам. А длина шага будет увеличиваться с возрастом, по мере развития организма, увеличения длины ног. Пока же, чтобы шаг был длиннее, старайтесь во время бега свободно выбрасывать голень вперед, не топчитесь на одном месте, продвигаясь вперед, ставьте ступни ног по одной прямой линии. Удлиняя шаг, следите, однако, чтобы вместо бега не получались прыжки!

Итак, сначала учитесь бегать правильно, а потом уже быстро, а не наоборот!

Быстрый бег не должен быть напряженным. Среди лучших спринтеров мира преобладают негритянские

спортсмены. Их успехи во многом объясняются непринужденностью, мягкостью бега.

На свободу, естественность движений надо обращать постоянное внимание как на тренировках, так и на соревнованиях. Технические погрешности во время бега не дадут вам возможности развить наи-

высшую скорость. Вот от каких наиболее распространенных ошибок мне хотелось бы вас предостеречь: не сгибайтесь во время бега; не откидывайте корпус назад; не разводите колени в стороны; не задирайте голову; следите, чтобы руки и плечи не были скованными, закрепощенными.

И еще одно замечание. От чрезмерных усилий у спринтеров-новичков во время бега на лице появляется гримаса. Это не только некрасиво, но и приводит к снижению скорости, к преждевременному утомлению. Ведь когда мышцы лица и шеи излишне напряжены, такое состояние передается остальной мускулатуре.

Поэтому старайтесь бегать, улыбаясь!

Профессор Д. А. СЕМЕНОВ,
проректор института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта

САМЫЕ БЫСТРЫЕ

Рекорд мира в беге
на 100 м=10 секундам

Рекордом овладели:

1. Армин Хари, ФРГ
2. Гарри Джером, Канада
3. Горацио Эстевес, Венесуэла

4. Роберт Хейес, США

За 10,1 секунды стометровку преодолевали еще 12 спортсменов. Среди них — ни одного европейца. В основном, это негры из США.

За 10,2 секунды стометровку преодолевали еще 43 спортсмена. Среди них:

1. Эдвин Озолин, чемпион СССР, Ленинград
2. Анатолий Редько, Киев
3. Гусман Косанов, Алма-Ата
4. Николай Политико, Ленинград

Бегаете ли вы?

*Антон Геззик, абсолютный чемпион
Токийской олимпиады по борьбе дзю-до:*

Я не спринтер. Уже много лет я вообще не участвую в легкоатлетических состязаниях. Я — борец. Журналисты любят писать, что на планете нет человека, равного мне по силе... Главное мое орудие в схватках с борцами-гигантами, многие из которых весят до полутора центнеров, — стремительность. Добиваться этого свойства я стал еще в школьные годы. Зимой на катке, а летом на беговой дорожке я стремился быть первым. Это не всегда удавалось. Насмешки не остановили меня, и в юности мне уже прочили успехи в легкой атлетике. Но я увлекся борьбой дзю-до. И тут приобретенная на беговой дорожке быстрота пригодилась как нельзя лучше.

Новый комплекс легкоатлетической зарядки
см. на 64 стр.

„Беглецы“ на прицеле

КОСЯ ТЕРКИН:

Вот мы снова за Круглым столом. На этот раз — разговор о «беглецах» с уроков физкультуры.

Вот почитайте, что мне написала Тамара Панченко из города Челябинска:

«Кося! Мне кажется, что начать большой разговор о спорте очень важно. Дело ведь даже не только в том, очень или не очень сильным ты станешь, если будешь заниматься спортом. Дело и в том, что в спорте, как и везде, надо совесть иметь и быть честным. А ведь многие ребята смотрят на спорт как на никому не нужное дело. Я написала рассказ о случае, который был в нашей школе. Если понравится, — напечатай. Рассказ я назвала

„Больной“ открывает счет

В день, когда объявили о школьных соревнованиях, у медкабинета собрались больные.

К Екатерине Владимировне, нашему врачу, прихрамывая, подошел Паша Ломиков.

— Ну, чем болен? — спросила она.

— Да вот, нога болит, — просто-напаша, показывая едва заметную царапину на колене, и для пущей убедительности деловито добавил: «Еле хожу, между прочим...»

Екатерина Владимировна быстро

смазала чем-то Пашину коленку и крикнула в дверь:

— Следующий!

— А как же справка? — вытаращил глаза Паша.

— Ничего, пробежишь. Ты ведь у нас быstroногий, — усмехнулась Екатерина Владимировна.

Ломиков вышел из кабинета, сердито бурча: «Быстроногий... Тут, может быть, гангрена... Может, завтра ногу отрежут... А она — «пробежишь...» У, злющая...»

Вдруг он увидел во дворе мальчишек с мячом и, моментально забыв о «гангрене», закричал:

— Эй! Эй! Вы что ж это без меня? А ну, подождите!..

И он понесся к выходу.

Через минуту правый крайний Паша Ломиков неотразимым, «пушечным» ударом левой ноги (той самой, которую завтра «может, отрежут») забил первый гол в ворота противника...»

КОСЯ ТЕРКИН: Может быть, вырастет Паша, станет хорошим футболистом, — и стыдно ему будет вспомнить о том, как когда-то он пытался провести своего школьного врача.

Еще одно письмо среди других я уже специально выбирал. Хотелось найти такое, которое бы прямо все назвало своими именами. Именно

этим мне и понравилось то, что написала мне Рая Головина из города Кировск — второй Луганской области, хоть о «беглецах» она говорит только в самом конце:

«Дорогой Кося Теркин! Я хочу рассказать о нашем классе, о седьмом.

У нас в школе нет спортивного зала. Весной и осенью мы занимаемся на улице. Зимой — в классе.

Но, хоть у нас и совсем нет условий для занятий, — мы держим третье место в городе, обогнав несколько школ, у которых есть все.

И вот сейчас я хочу сказать физику Нине Дмитриевне от всех нас — большое спасибо за ее заботу. И еще я думаю, в других школах учителя физкультуры тоже ведь много сил тратят, чтобы занятия спортом всем польzu принесли. Так как же можно обижать наших учителей? Помоему, увиливать от физкультуры — нехорошо, нечестно. И пусть попробует кто-нибудь со мной поспорить...»

КОСЯ ТЕРКИН: А сегодня на прощанье я вскрыл еще один конверт. В нем не было никакого письма, зато были три карикатуры, которые нарисовала Наташа Черная из Ленинграда. С удовольствием помещаю их вместе с маленьким стишком, который я сам написал для этих рисунков.

Знакомые многим фигуры!
Придя на урок физкультуры,
Свои демонстрируют «раны»
Аркаша, Володя, Светлана.

Приносят фальшивые справки:
Мол, необходима поправка, —
И вот с физкультуры уходят
Светлана, Аркаша, Володя.

А после, бредя из кино,
Смеются, жуя эскимо...
Они не из школы ли вашей —
Володя, Светлана, Аркаша?

В этот день Архивариус немного запаздывал. Друзья уже решили расходиться, когда владелец Уголка появился на пороге с веточкой цветущей мимозы в руках. 8 марта! «Сегодня я расскажу вам, друзья мои, две истории об остроумных и находчивых женщинах...»

ВЕЛЬМОЖЕ И КРЕСТЬЯНИНУ

Один французский крестьянин вырастил редиску необычайной величины и решил подарить ее королеве Маргарите Наваррской. Королева эта славилась в народе, в отличие от множества других королей и королев, как добрая и разумная правительница и талантливая писательница. К тому же, королева очень любила салат из свежей редиски.

Получив подарок, королева очень обрадовалась и тут же приказала казначеям выдать крестьянину сто золотых монет.

Об этом узнал богатый и чванный вельможа.

«Сто золотых за редиску! А что если я подарю королеве одну из своих лошадок... — подумал он. — Королева, небось, озолотит меня за такой подарок».

И в тот же день лошадь из конюшни жадного богача была доставлена королеве.

— Я принимаю ваш подарок, — сказала Маргарита вельможе. — И так как я хочу вознаградить вас за вашу щедрость, я подарю вам одну вещь, которая обошлась мне очень дорого...

И она протянула застывшему от удивления и злости вельможе крупную редиску, выращенную крестьянином.

А молчаливый Митя показал друзьям новый рисунок из своей знаменитой коллекции.

— Такого чуднища мы еще не видавали! — хором воскликнули все.

— Это новая мода, — объяснил Митя. — Зная, что некоторые чрезмерно увлекаются модами, французский художник Сальватор Дали предложил ввести моду не на одежду или обувь, а на лица! В этом сезоне он

предлагает модникам носить ухо на месте носа, чего можно добиться путем хирургической операции. Говорят, что даже самые отъявленные приверженцы мод пока не торопятся к хирургам.

ПЕВИЦА В АМЕРИКЕ

Талантливая итальянская артистка певица Аделина Патти поехала на гастроли в Америку. Организатором поездки был один ловкий делец, который решил, как говорится, «погреть руки» на выступлениях итальянской знаменитости. Рассчитывая на то, что Патти плохо разбирается в американских порядках, он проставил в договоре с певицей смехотворно малую сумму вознаграждения за ее нелегкий концертный труд.

Аделина Патти была умной и решительной женщиной. Она сразу же раскусила замысел хитреца и потребовала справедливой платы — 30 тысяч долларов.

Бизнесмен решил не сдаваться:

— Что вы! — замахал он руками на Патти. — Такие деньги в нашей стране может получать только президент!

— Хорошо, — спокойно сказала Аделина, — тогда пусть ваш президент вам и споет!

ВНИМАНИЕ!

К СВЕДЕНИЮ МОИХ ДРУЗЕЙ.

ВСЕХ ПРИГЛАШАЮ К СЕБЕ В МУЗЕЙ.

В ЧЕТВЕРТОМ НОМЕРЕ НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ КАРТИНЫ, ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ВЕЩИЦЫ!

С ЛЮБИТЕЛЯМИ ИСТОРИИ ДОГОВАРИВАЮСЬ

О ВСТРЕЧЕ В АПРЕЛЕ.

В. АРХИВАРИУС

ВЕРНЕМСЯ К ЗАРЯДКЕ

В прошлом номере журнала мы познакомили членов нашего клуба со специальными упражнениями спринтера, которые рекомендуется включать в ежедневную утреннюю зарядку. Однако, как выяснилось из писем читателей «Костра», не все ребята делают по утрам зарядку.

А почему?

Многие признаются, что не знают, что за упражнения надо выполнять.

Упражнений для пионерской зарядки очень много. Вот один из комплексов:

1. Потягивание.

Поставьте ноги вместе, руки прижмите к туловищу спереди, подбородок наклоните к груди. Затем отведите плечи назад, сделайте вдох. При этом руки поверните ладонями вперед и разведите в стороны, а голову отклоните назад. Возвращаясь в исходное положение, сделайте выдох. Не спеша повторите упражнение 5—6 раз.

2. Наклоны в стороны.

Ноги расставьте пошире, руки разведите в стороны. Наклоняя туловище поочередно влево и вправо, делайте хлопки ладонями над головой. Ноги старайтесь держать прямыми, ступни от пола не отрывайте. При наклоне делайте выдох, при выпрямлении вдох. Следует наклониться 4—5 раз в каждую сторону.

3. Бокс.

Ноги расставьте на ширину плеч, руки согните в локтях, сожмите кулаки. Поворачивая туловище налево,

наносите резкий удар вперед правой рукой. И наоборот. Дышите равномерно, с места не сходите. Сделайте 4—5 ударов каждой рукой.

4. Наклоны вперед.

Ноги расставьте широко, руки поднимите над головой, сцепив пальцы. Быстрым движением опуская руки, наклоняйтесь вперед. При наклоне делайте полный выдох. При медленном выпрямлении — глубокий вдох. Повторите упражнение 5—6 раз.

5. Взмах ногой вперед.

Поставьте ноги вместе, руки разведите в стороны. Поднимая ногу вперед, хлопайте под нею в ладоши. Опуская ногу, вновь разводите руки в стороны. Ноги поднимать поочередно, быстрым взмахом, делая при этом выдох. В коленях ноги не сгибать. Держаться прямо.

6. Приседания.

Ноги поставьте вместе, руки поднимите вверх. Приседая на всей ступне, руки отведите за голову, подбородок прижмите к груди. Приседая, делайте выдох, выпрямляясь, — вдох. Прodelать 5—6 раз.

7. Бег на месте.

Вначале бежать на носках, высоко поднимая колени и держа руки на поясе. Держаться прямо. Затем снизить темп, расслабить руки и слегка сгибать ноги. Повторить так раза 2—3. После бега перейти на быструю ходьбу, а затем на медленный шаг.

ИТОГИ КОНКУРСА „МОРСКИХ СЛЕДОПЫТОВ“

Всего на конкурс поступило 382 письма о ответах на вопросы Морской Энциклопедии.

Лучшие ответы прислал Павел Луговской из города Усть-Лабинска Краснодарского края. Павел получает ПЕРВЫЙ ПРИЗ — морской бинокль.

Несколько уступают ему по числу правильных ответов Тимур Муринговский Магаданской области, Миша Пудов из Москвы, Дина Исакова из станицы Даховской Краснодарского края, Володя Кубасов из Кильдинстроя Мурманской области, Слава Феклин из Казани, Алла Колышева из Ленинграда, Саша Запаловский из Термеза и Саша Каширин из поселка Лесной Мурманской области. Эти ребята награждаются книгами с автографами писателей.

Остальные участники конкурса получают памятные открытки.

Желаем морским следопытам счастливого плавания!

Обладатель бинокля
Паша Луговской

Рисунок на обложке Ю. Васнецова

На второй странице обложки фото Мюрвольда Асмунда (Норвегия) «Снежный человек»

На третьей странице обложки рисунки Н. Муратова, пословицы из собрания Г. Заславского

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), А. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-78

М-12566.

Подписано 16/II 1965 г.

Формат 84 × 108¹/₁₆.
Зак. № 1045.

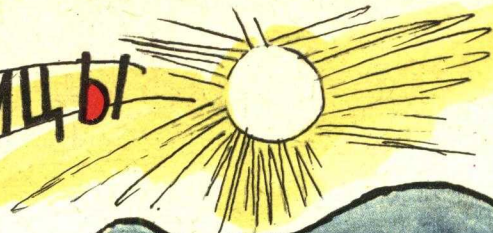
Печ. л. 8 + 1. 6,57 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Пословицы

Верблюду сказали: „Займись вышиванием!“ а он спрашивает:
„Какими ногами вышивают—передними или задними?“

Персидская пословица

Идет собака рядом с тенью слона
и говорит: „Это моя тень!“

Афганская пословица

Волка попросили пасти овец, а он стал колотить
себя по голове, сожалея о своей участи

Ассирийская пословица

